

**РАБОЧИЙ
КЛАСС
УРАЛА
В ПЕРИОД
КАПИТАЛИЗМА
(1861—1917)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

УДК (470).5

Рабочий класс Урала в период капитализма (1861—1917): Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1988.

В сборник вошли результаты исследований историков Урала и Института истории СССР АН СССР (Москва), раскрывающие проблемы численности, состава, изменения социально-экономического положения, роста классовой сознательности, формирования классовой морали рабочих Урала в период капитализма.

Книга предназначена для преподавателей кафедр отечественной истории, студентов, всех интересующихся историей рабочего класса Урала.

Ответственный редактор

доктор исторических наук **Д. В. Гаврилов**

Рецензенты:

кандидаты исторических наук **Л. В. Ольховая, Л. А. Лыкова,**
кандидат экономических наук **С. Г. Важенин**

ВВЕДЕНИЕ

Намеченный XXVII съездом КПСС стратегический курс партии на ускорение социально-экономического развития страны связан с активизацией человеческого фактора, в частности — с возрастанием авангардной роли рабочего класса. «Политический опыт рабочего класса, его высокая сознательность, организованность и воля,— отмечается в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза,— сплачивают наше общество»¹.

Рабочие Урала — один из старейших, многочисленных и боевых отрядов российского пролетариата — сыграли важную роль в экономической жизни и революционном движении в стране в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. Исследование сложного процесса формирования уральского пролетариата, крупных изменений в его численности, составе и положении, уровне организованности и сознательности в период капитализма способствует выяснению объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, что имеет важное научное и политическое значение. Изучение героического пути, пройденного рабочими Урала в 1861—1917 гг., его боевых и трудовых традиций является важным средством коммунистического воспитания советской молодежи, мощным источником вдохновения советских людей на решение задач коммунистического строительства.

Возросший интерес к прошлому, к его урокам со стороны буквально всех слоев трудящегося населения нашей страны — «одно из проявлений нового подъема патриотических чувств советских людей, их стремления постигнуть непрерывную связь времен, истоки тех прогрессивных народных традиций, которые и сегодня питают наше общество живой силой»². В постановлении ЦК КПСС «О работе Уральского научного центра Академии наук СССР» поставлена задача активизации исследований по разработке истории формирования и развития пролетариата Урала³.

Настоящий сборник статей является одним из этапов разработки сектором истории досоветского периода Института исто-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 155.

² Учить по-новому мыслить и действовать.— Правда, 1986, 2 окт.

³ В Центральном Комитете КПСС.— Правда, 1983, 20 окт.

рии и археологии УрО АН СССР плановой темы «История рабочего класса Урала». Сборник содержит цикл статей по ряду важных проблем истории Урала периода капитализма. Статьи сборника основаны на широком круге источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Включенные в сборник материалы раскрывают малоизученные аспекты истории пролетариата Урала периода капитализма, содержат ряд новых выводов и теоретических положений, расширяют и конкретизируют наши представления по ряду важных аспектов проблемы, что безусловно будет способствовать более глубокому и обстоятельному освещению истории рабочего класса Урала-

Д. В. ГАВРИЛОВ

**РОСТ КЛАССОВОГО САМОСОЗНАНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ
УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ В 1861—1900 гг.**

Основоположники научного коммунизма К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин неоднократно указывали, что, наряду с объективными факторами — положением рабочего класса в капиталистическом обществе, его численностью, степенью концентрации на крупных предприятиях и т. п., субъективные качества пролетариата — организованность, сплоченность, идейная и политическая зрелость — имеют исключительно важное значение для формирования его способности и готовности к осуществлению своей всемирно-исторической миссии — свержению власти буржуазии, освобождению всех трудящихся от эксплуатации и строительству бесклассового, коммунистического общества¹. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте», подчеркивал В. И. Ленин, отметили, что пролетариат превращается в класс «по мере роста не только его объединения, но и его сознательности»².

Глубинные качественные сдвиги в социально-экономической и классовой структуре Урала в пореформенный период обусловили количественные и качественные изменения в составе рабочих кадров уральской промышленности, результатом которых явилось формирование уральских рабочих в особый, новый класс капиталистического общества — пролетариат. Эти процессы неизбежно сопровождались важными изменениями в общественном сознании, общественной психологии и общественной нравственности уральских рабочих. Объективные условия развития капиталистического общества обусловили неуклонный рост организованности и сознательности рабочих. При капитализме, указывал К. Маркс, рабочий класс «обучается, объеди-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 240; т. 4, с. 183, 436, 446; т. 23, с. 312—314 и др.; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 92—96, 106—107; т. 3, с. 356—367, 434—438, 544; т. 4, с. 311, 375; т. 23, с. 239; т. 38, с. 387—388; и др.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 117.

няется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства»³.

Изучение развития классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в пореформенный период связано с преодолением определенных трудностей, так как источники, непосредственно отражающие состояние и формирование классового мировоззрения, общественной психологии и общественной морали рабочего класса в этот период, сохранилось очень мало. Основным, а часто и единственным источником для изучения поставленных вопросов служат документы, характеризующие общественные действия рабочих, их социальную активность, проявление ими своих убеждений в повседневных поступках, эмоциях.

К. Маркс указывал, что сущность личности составляет «ее социальное качество»⁴. В. И. Ленин, в свою очередь, задает вопрос: «по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей т. е. *социальные факты*»⁵. Поэтому вполне естественно, что основными источниками, характеризующими уровень классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861—1900 гг., выступают документы, освещающие конкретные общественные действия и поступки, через посредство которых раскрывается уровень и направленность социальной активности рабочих Урала.

Большую группу этих источников составляют материалы государственного и частнокапиталистического делопроизводства. Это — донесения управляющих заводами и заводоуправлений, их переписка с заводоладельцами и властями, рапорты окружных инженеров и фабричных инспекторов, материалы местных полицейских, жандармских, судебных и административных властей (донесения, переписка, отчеты, доклады министров внутренних дел царю и т. п.). Несмотря на тенденциозность документов данной группы, в них содержатся позитивные сведения об общественных действиях и социальной активности рабочих, их требованиях, причинах волнений и стачек, общественном сознании, оценке мероприятий властей и происходящих событий.

Очень важным источником для изучения исследуемой темы являются документы, исходящие непосредственно от самих рабочих — прошения и жалобы, в которых в той или иной мере отражены их взгляды и представления, дана оценка происходящим событиям и действиям заводской администрации, заводоладельцев и властей.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 772.

⁴ Там же, т. 1, с. 242.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

Ценным источником служат воспоминания рабочих, которые раскрывают их духовный мир, мотивы поведения, перемены во взглядах и представлениях под влиянием практики борьбы и т. п. Богатый материал о воззрениях и духовной жизни рабочих Урала содержит фабрично-заводской фольклор. Интересные данные имеются также в периодической печати того времени, в социал-демократических листовках.

Классовое самосознание и политическая сознательность рабочих Урала развивались в сложных условиях очень длительно. Как во время проведения реформы 1861 г., так и в пореформенный период господствующие классы, несмотря на все свои усилия, все же не могли навязать всей рабочей массе дворянско-буржуазную и церковную идеологию и культуру, свое мировосприятие и миропонимание. Рабочие уже тогда проявили свое собственное понимание реальной действительности, прямо противоположное официальным взглядам. Вместе с тем в мировоззрении и миропонимании рабочих, их суждениях о сословно-классовой структуре и сущности заводовладельцев глубоко укоренились царистские иллюзии, патриархальные и религиозные взгляды, фольклорно-мифологические и магические представления и верования. Политическое сознание и культурный уровень рабочих тогда были еще очень низкими.

Так, после опубликования манифеста и положений 19 февраля 1861 г. уральские рабочие, как и крестьяне, не верили в подлинность этих документов, требовали объявления «настоящего» царского манифеста «на гербовой бумаге, писанного золотыми буквами и за золотой печатью»⁶. С осени 1861 г. по 1863 г. среди рабочих широко распространялся слух о новом царском манифесте, так называемой «второй воле», по которому они, якобы, получают полную свободу и даровой надел⁷. В Сергинско-Уфалейских заводах в 1862 г. рабочие, увидев в церкви управляющего в мундире и с крестом, на котором они не разглядели двуглавого орла, решили, что крест без орла прислан ему не от царя, а от заводовладельцев за то, что он уговаривал рабочих заключить соглашение с заводоуправлением. Слух об этом быстро распространился в народе, рабочие пришли в волнение и отказались приступить к работе. Только после того, как управляющий явился в самую большую толпу и, вызвав оттуда несколько человек, привел их к себе домой и показал им свой крест, на котором было четыре двуглавых орла, инцидент был исчерпан⁸. Много самых разных нелепых

⁶ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы в 1861—1862 гг. М.; Л., 1950, с. 38.

⁷ Там же, с. 96, 228; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2, ч. 1. М., 1955, с. 185—188; ЦГАОР СССР, ф. 109, 4 эксп., оп. 203, д. 205, л. 4—13; ЦГИА СССР, ф. 1891, оп. 52, д. 16, л. 11—25.

⁸ См.: Котляревский И. Еще о вольном труде и прочее.— Горн. журн., 1864, № 1, с. 107—108.

слухов ходило среди рабочих во время стачки и волнений на Нижне-Тагильских заводах в 1874 г. Например, некоторые рабочие надпись на титульном листе расчетной книжки: «Выдана на 18... год» — истолковали как намерение заводоуправления задержать их на 18 лет; девушки говорили, что, если они возьмут книжки, то им в 18 лет нельзя будет выходить замуж⁹. Раскольники приняли напечатанный на книжках дворянский герб Демидова за антихристову печать и «книжку с таким штемпелем страшилась даже брать голыми руками»¹⁰.

Каждое новое общественное явление или событие вызвали у рабочих недоумение и недоверие, пересуды и домыслы. Так, проведение в 70-х гг. XIX в. первой на Урале горнозаводской железной дороги вызвало среди рабочих Васильевско-Шайтанского завода разговоры о том, что «хотя и строят железную дорогу, но не достроят. Святое писание говорит, что Урал нельзя пересечь железной дорогой, а если пересекут, то пойдет горячая вода из гор и всех потопит. Рабочие этого завода с большим недоверием встретили появление в заводском поселке галosh, зонтов, самовара и пилы, расценив их «как происки антихриста»¹¹.

В 1893 г., после введения на Урале положения о земских начальниках, среди рабочих стали распространяться о «новом законе» «нелепые и превратные толки»: во многих местностях рассказывали о «машинах», посредством которых земские начальники будут «сечь сразу по 10 человек»¹². В конце 1896 — начале 1897 гг. в связи с проведением первой Всероссийской переписи населения среди рабочих-татар, работавших на Александровском и Кизеловском заводах и Кизеловских и Губахинских каменноугольных коях, распространились слухи о том, что их прикрепят к месту работы и насильственно обратят в христианство. Результатом этих слухов были волнения более 2000 рабочих и отъезд большей части их домой¹³.

Многое, что казалось непонятным неграмотному или малограмотному рабочему, объяснялось действием «тайной силы». Так возникли в фольклоре уральских рабочих сказы о Хозяйке Медной горы, Великом Полозе, Змеевке, Серебряном копытце, Огневушке-Поскакушке и т. д. В этих сказках, как отмечал П. П. Бажов, «не только отразилась полностью тяжелая жизнь старого горняка, но и его наивное понимание «земельных чудес» и его мечта о других условиях жизни...»¹⁴.

⁹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 247, л. 14 об., 17.

¹⁰ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. 1861—1904. Сб. документов. М.; Л., 1960, с. 248.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 5, д. 779, л. 36—37. (Из истории Шайтанского завода). Из рассказов Немытова И. В кровельной мастерской. 1925 г.

¹² ГАПО, ф. 162, оп. 1, д. 38, л. 68 об.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 1, д. 735, л. 97, 156; оп. 3, д. 27, л. 132 об.; ГАПО, ф. 36, оп. 10, д. 3, л. 43 об.

¹⁴ Бажов П. П. Уральские сказы. М., 1965, с. 21.

Заводовладельцы и администрация были для рабочих представителями «высшего класса», который имел право вершить их судьбы. «В глазах рабочих,— писал А. Уральский,— вся администрация, от мала до велика, являлась начальством, от которого они вполне зависели и в стенах завода и дома; владельцы заводов были барами и «благодетелями». Когда бары и «благодетели» прибывали в свои латифундии и заводы..., рабочие снимали шапки, шли к ним на поклон, поздравляли с приездом и, получив на водку несколько десятков рублей, усиленно угощались за их здоровье»¹⁵. На многих заводах ежегодно в день рождения заводовладельца, по случаю его приезда на заводы или в честь праздника какого-нибудь очередного святого устраивались обеды для всех рабочих, демонстрирующие «отеческую заботу» заводовладельцев о своих рабочих и «единение» интересов рабочих и заводовладельцев. Патриархальные взгляды исключительно прочно укоренились в семейных отношениях и в быту уральских рабочих. В. И. Ленин, характеризуя горнозаводскую промышленность, отметил «особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения»¹⁶.

Однако развитие в пореформенный период грамотности и культуры рабочих, приобщение их к чтению газет и книг, вовлечение в общественную жизнь способствовало постепенному росту сознательности. Вас. И. Немирович-Данченко, побывавший в 70-х гг. на Урале, в своих путевых очерках писал про рабочих Кизеловского завода, что они уже утратили тип крестьянина: «Это — скорее городской мещанин, слабый физически, но более развитой и предприимчивый... Если вы с ним заговорите, то окажется, что они и газеты почитывают и рассуждают уже не как крестьяне... Мне не раз приходилось заставлять... рабочих за книгою... Между рабочими не редки и такие, которые сумели довести самообразование до весьма исключительной высоты»¹⁷. Р. С. Попов тоже отмечал, что население горнозаводско-промышленного Урала выделяется «по довольно высокому уровню интеллектуального развития»¹⁸. «Горнозаводские рабочие,— писал он,— интеллигенция между рабочим классом... Они составляют не только трудовую, но и интеллигентную силу на заводе, фабрике или промысле»¹⁹.

¹⁵ Уральский А. Рабочее движение на Урале. 1905—1907 гг.— Минувшие годы, 1908, № 11, с. 154—155.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 468.

¹⁷ Немирович-Данченко Вас. И. Кама и Урал (Очерки и впечатления). СПб., 1890, с. 295—297.

¹⁸ Попов Р. С. Артельная организация на Урале.— Неделя, 1871, 26 октября (7 ноября), № 17, с. 548.

¹⁹ Он же. Через Урал до Балтики.— Гражданин, 1872, 18 сентября, № 20, с. 87.

Развитие капитализма, массовое вовлечение в производственную деятельность и общественную жизнь женщин и подростков сильно поколебали патриархальные устои рабочей семьи. К концу XIX в. патриархальные взгляды и традиции продолжали прочно сохраняться уже только лишь среди отсталых, главным образом вспомогательных, рабочих (особенно — среди раскольников и сектантов). Товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда в обзоре Нижне-Тагильского прокурорского участка за 1898 г., характеризующий состав местного рабочего населения и его «нравственность», под которой он подразумевал сохранение старых, патриархальных взглядов и традиций — «дедовских заветов», писал: «Нравственность местного коренного населения не всегда стоит на достаточной высоте и, между тем, как та часть мастеровых и сельских работников (по преимуществу сектанты), которая, проживая по отдельным деревням, с искони придерживаются куренных работ, хлебопашества и звериного промысла, сохранила, благодаря отсутствию искушений, почти во всей их чистоте дедовские заветы, другая часть, заводское рабочее население в тесном смысле и, в особенности, работающие по прискам, в значительной мере их уже утратила»²⁰. Ослабевают и религиозность рабочих. Чиновники и жандармы в своих отчетах все чаще жаловались, что рабочие плохо посещают церкви, что духовенство не имеет на них влияния и т. д.

Власти с тревогой наблюдали за ростом сознательности рабочих, ослаблением патриархальных устоев и уменьшением влияния религии, с неодобрением относились к чтению рабочими серьезной литературы. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Верхотурском уезде в политическом обзоре за 1895 г. с большим беспокойством как о серьезном политическом деле сообщал о чтении рабочими романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»²¹. Конторщик Ревдинского завода И. В. Алакшин в 1898 г. был привлечен к ответственности только за то, что говорил рабочим: «Это пустяки — читать духовнонравственные книги, тут написан один вздор, выдумка, а нужно читать книги более ученых писателей, например, графа Толстого, Лермонтова и др.»²²

Интересную характеристику уральскому рабочему, уровню его развития и миропонимания дал в обзоре Нижне-Тагильского прокурорского участка за 1898 г. тот же товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда. Крайне тяжелая и ответственная работа на заводах, рудниках, присках, куренях и на других горных и лесных промыслах, «где от малейшей оплошности и медлительности рабочего он и его товарищи рискуют

²⁰ ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 57, л. 122 об.

²¹ ГАПО, ф. 162, оп. 1, д. 42, л. 75 об.

²² ГАСО, ф. 180, оп. 1, д. 57, л. 131 об.

встретиться со смертью..— писал товарищ прокурора,— закалила местного горнорабочего, развила в нем сметливость, смелость и решительность, а вместе с тем крепко сплотила рабочую массу, развив в ней чувство солидарности. Поэтому, если местный горнорабочий далеко не всегда получает образование в школе, если он обладает малым запасом точных знаний,— то все же он, благодаря ...условиям его деятельности... по умственному своему развитию стоит значительно выше местного хлебопашца... Последний и простоватее первого, и менее знает, и в более сильной степени приобрел привычку «сидеть у моря и ждать погоды». При этом глубоко воспринятый им взгляд «все бог, да ведрушко», налагает печать спокойствия на его характер. Не таков уральский горнорабочий. Способный, самоуверенный... он привык надеяться на свои силы... «До бога высоко», говорит он в противоположность хлебопашцу и имеет тенденцию самолично осуществлять предполагаемое за собой или действительно принадлежащее ему право»²³. Отношения местного рабочего населения к местным административным властям, сообщал товарищ прокурора, «иногда отличаются оттенком недоверия и подозрительности. Нередко, например, то или иное мероприятие местных органов, их определение встречается с явным недоверием по тем соображениям, что якобы оно противоречит закону или имеет целью удовлетворить интересы заводчиков»²⁴. Видная социал-демократка М. М. Эссен, работавшая на Урале в конце 90-х гг. XIX в., в своих воспоминаниях отмечает, что уральские рабочие отличались сознанием своей силы, уверенностью в себе, независимостью, «держались они с большим достоинством»²⁵.

Важнейшим показателем качественных изменений в рабочем классе Урала в пореформенный период явилось изменение его классового самосознания. Оно вырабатывалось в ходе непосредственной революционной деятельности, участия в классовой борьбе. Только на пути борьбы за обеспечение нормальных человеческих условий существования, активного участия в революционной практике рабочий выступал как субъект активного исторического действия, воспитывал в себе такие новые качества, как пролетарская солидарность, сплоченность, организованность и т. п. «Только борьба,— писал В. И. Ленин,— воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»²⁶.

Процесс роста классового самосознания уральских рабочих представляет несколько этапов. В период отмены крепостного права пролетариат еще только выделялся из общей массы тру-

²³ Там же, л. 122—122 об.

²⁴ Там же, л. 123 об.— 124.

²⁵ Эссен М. М. Первый штурм. М., 1957, с. 46.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

дющегося крепостного сословия, лишь только начинал формироваться как класс капиталистического общества²⁷, он как составной элемент этого старого крепостнического сословия вместе со всем горнозаводским населением Урала выступал против крепостнической сущности реформы 1861 г. и в то же время как уже начавший выделяться из разлагающегося класса крестьянства новый класс — пролетариат — вел борьбу за более выгодные условия продажи своей рабочей силы, давал отпор попыткам усиления капиталистической эксплуатации. В дальнейшем рабочие все более и более начинали осознавать свои особые классовые интересы, отличавшиеся от интересов всего горнозаводского населения в целом, их выступления принимают все более пролетарский, классовый характер. В ходе этой борьбы росла сознательность рабочих, формировались пролетарские черты их характера и мировоззрения, вырабатывались их боевые, революционные качества.

В 60-х гг., несмотря на широкий размах и массовость, рабочее движение делало еще только первые шаги, было стихийным и неорганизованным. Рабочие сохраняли в значительной мере в своем классовом самосознании элементы крестьянской идеологии. Большая часть их выступлений была направлена против крепостнической сущности реформы 1861 г. Наиболее распространенной, преобладающей формой выступлений рабочих были волнения, причем многие из них еще мало отличались от крестьянских бунтов. Хотя уже тогда произошел ряд крупных стачек, но они были стихийными, неорганизованными, в них ярко проявилась низкая сознательность рабочих. Рабочее движение 60-х гг. не имело четко выраженных пролетарских лозунгов и форм борьбы, для выработки которых было необходимо известное время²⁸.

Борьба рабочих против остатков крепостничества в первые пореформенные десятилетия нередко сливалась с борьбой всего горнозаводского населения. В таких выступлениях вместе с рабочими принимали участие представители мелкой буржуазии и буржуазной верхушки, заинтересованные в устранении остатков крепостничества и страдавшие от произвола горнозаводчиков (например, одним из руководителей волнений против принудительного страхования на Турьинских рудниках в 1867 г. был содержатель питейного дома купец Шадрин; в качестве руководителей стачки и волнений на Нижне-Тагильских заводах в 1874 г., наряду с рабочими А. Ф. Оносовым, А. Я. Островским и А. К. Бабкиным, выступали Н. А. Арамилцев, занимавшийся

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 289.

²⁸ См.: Гаврилов Д. В. Рабочее движение на Урале в период отмены крепостного права: его масштабы, характер, особенности.— В кн.: Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Ростов-на-Дону, 1972, с. 283—296.

хлебопашеством и ямской гоньбой, А. Ф. Субботин и Н. Е. Ольховиков, которые были людьми зажиточными и вели торговлю, причем последний имел собственное кузнечное заведение с наемными рабочими). В требования, выдвигаемые рабочими, включались условия, выгодные состоятельной верхушке заводского населения (так, мастеровые Нижне-Тагильского завода неоднократно требовали передачи им базарной площади и предоставления свободы в занятиях различными промыслами).

Вместе с тем в выступлениях рабочих уже в 60-е гг. содержались некоторые зачатки сознательного классового протеста. «И примитивные бунты,— указывал В. И. Ленин,— выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*»²⁹.

Более высоким по уровню сознательности и организованности этапом рабочего движения явился для Урала период 70-х — начала 80-х гг., когда оно принимает более четко выраженные пролетарские формы. Среди массовых выступлений уральских рабочих все большее место начинает занимать специфически пролетарское средство борьбы — стачка, причем сами стачки становятся уже более сознательными и организованными. Некоторые стачки носили упорный и настойчивый характер, отличались большой продолжительностью. Об упорстве борьбы свидетельствовала и повторяемость стачек. Стачкам 70-х — начала 80-х гг. уже в значительно большей степени были присущи элементы организованности: рабочие по предварительному сговору прекращают работу, предъявляют администрации заранее выработанные требования, во время стачки оказывают друг другу материальную помощь, у них появляются свои руководители, энергично отстаивающие их интересы. В. И. Ленин называл стачки «школой войны», в которой рабочие учатся борьбе за освобождение себя и всех трудящихся от гнета царизма и капитала³⁰. Стачки, указывал В. И. Ленин, способствовали сплочению рабочих, рождали дух коллективизма, учили рабочий класс «понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом»³¹.

Однако рабочее движение 70-х — начала 80-х гг. по сути своей продолжало оставаться стихийным, содержащим экономические требования. Борьба рабочих носила локальный характер, дух солидарности был развит слабо. Преобладали стачки в отдельных цехах, стачки рабочих всего завода были еще очень

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

³⁰ См.: Там же, т. 4, с. 296.

³¹ Там же, т. 2, с. 104.

редки; стачка на Нижне-Тагильских заводах в 1874 г., охватившая несколько заводов и рудников, — явление для того времени еще весьма редкое, исключительное. Большинство стачек имело оборонительный характер. Политическое сознание рабочих оставалось очень низким. В их требованиях, выдвигаемых во время массовых выступлений, наряду с чисто пролетарскими, значительное место занимали аграрные: о наделении землей, предоставлении льгот в пользовании покосами и лесом и т. д. Борьба рабочих против остатков крепостничества по-прежнему нередко сливалась с борьбой всего горнозаводского населения, что тормозило рост классовой сознательности рабочих. Все эти слабые стороны рабочего движения 70-х — начала 80-х гг. ярко проявились в стачке и волнениях 1874 г. на Нижне-Тагильских заводах — наиболее крупном выступлении уральских рабочих того периода³². Ввиду замедленных темпов формирования уральского пролетариата, отдаленности и оторванности Урала от центра страны, сохранения на заводах многочисленных остатков крепостничества переход уральских рабочих к пролетарским методам борьбы проходил медленно, неуверенно.

Новым этапом в истории рабочего движения явился период 1885—1894 гг. С середины 80-х гг. на Урале начинается новый подъем рабочего движения. Его особенностью было то, что он развивался в годы экономического кризиса и сопровождался быстрым ростом организованности, сплоченности и солидарности рабочих. Так, на Лайском заводе в 1886 г. рабочие, узнав о несправедливой браковке железа у ряда их товарищей, все «поголовно бросили работу и пока недоразумение это не было улажено, ни один человек на работу не ходил»³³. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Верхотурском уезде, сообщая о волнениях на Нижне-Тагильских медном и железном рудниках в 1887 г., отмечал, что во время этих волнений «довольно ясно обрисовался дух рабочих: в убеждении, что — по их словам — чего не сделают для одного или двух, то должны будут сделать для всех, они находили необходимость сплотиться, действовать толпой...»³⁴

С конца 80-х гг. в связи с ускорением темпов развития горнозаводской промышленности и последовавшим за этим промышленным подъемом 90-х гг. выступления рабочих приобретают еще более активный характер. В 1889 г. боевую, наступательную стачку провели рабочие Нижне-Тагильского медного рудника. Они бастовали в течение двух недель и добились установления восьмичасового рабочего дня (вместо двенадцатичасового) при увеличении заработной платы с 50—70 коп. до 80 коп., введения гарантированного минимума заработной платы

³² Подробнее об этом см.: Гаврилов Д. В. О стачке рабочих на Нижне-Тагильских заводах в 1874 году. — История СССР, 1968, № 4, с. 103—107.

³³ ГАПО, ф. 162, оп. 1, д. 23, л. 28.

³⁴ Там же, д. 26, л. 26—26 об.

и ряда других уступок. Крупные организованные стачки произошли на ряде других заводов ³⁵.

Систематические стачки способствовали росту организованности и сплоченности рабочих. В ходе стачек укреплялись связи между рабочими разных цехов, и все чаще стачка, начавшись в одном цехе, перебрасывается в другие и превращается в общезаводскую. В 1885—1894 гг. уже около половины всех стачек были общезаводскими. В стачечное движение вовлекаются рабочие рудников и небольших, заброшенных в глуши заводов, ранее стоявшие в стороне от стачечной борьбы.

Рост организованности, сплоченности и солидарности рабочих вынуждены были признать царские жандармы. Начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Широков в политическом обзоре губернии за 1893 г. с тревогой отмечал: «Если взять во внимание бывшие в последние годы забастовки и заявления рабочих о разных своих неудовольствиях скопом, то нельзя не видеть, что между горнозаводскими рабочими развивается и все больше и больше крепнет корпоративный дух...» ³⁶

Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в эти годы прослеживается также по характеру прошений и жалоб рабочих, направленных в адрес заводской администрации и властей. Например, рабочие механического цеха Нижне-Тагильского завода 29 ноября 1891 г. направили прошение министру внутренних дел, в котором, ссылаясь на постоянное понижение заработной платы и резкое повышение цен на хлеб и все другие предметы первой необходимости, просили назначить особую комиссию с участием выборных от рабочих для урегулирования отношений между заводладельцем и рабочими и установления минимального размера заработной платы, который мог бы «удовлетворить первые и насущные потребности рабочего и его семьи» ³⁷.

Рабочие мартеновского цеха этого же Нижне-Тагильского завода в «докладной записке», поданной управляющему заводами 7 августа 1891 г., жалуясь на резкое снижение заработной платы, писали: «По закону, в силу принципов учения Христа, по здравому смыслу, и, наконец, на основании положений той науки, которая называется политической экономией, труд рабочего человека должен быть со стороны хозяина обеспечен, по крайней мере, настолько, чтобы рабочий вместе со своей семьей не имел нужды в удовлетворении первых и настоятельных жиз-

³⁵ См.: Гаврилов Д. В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в. (1885—1900 гг.) — Уч. зап. Шадринского гос. пед. ин-та, вып. 7. Курган, 1963, с. 19—47.

³⁶ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 3, ч. 2. М., 1955, с. 430.

³⁷ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в., с. 438.

ненных потребностей...»³⁸ Все это свидетельствует о противоречивости и нечеткости политических взглядов рабочих, которые наряду со ссылками на политэкономию приводят в качестве канона морали и принципы учения Христа.

Рабочие продолжали верить в возможность найти «защиту» и «содействие» у государственных властей и лиц высшей заводской администрации. Часть рабочих, доведенных до отчаяния голодом и нуждой, обращалась к своим эксплуататорам с униженными просьбами. Рабочие листокатального цеха Нижне-Тагильского завода просили о прощении за стачку и оказании «милости» — увеличении заработной платы, обещания «молить бога» за «просвещенное начальство заводской конторы», если оно окажет им «великодушную помощь»³⁹.

Рабочее движение во второй половине 80-х — начале 90-х гг. по-прежнему в своем абсолютном большинстве оставалось стихийным, экономическим, построенным на монархических иллюзиях и вере в справедливость начальства. О низком уровне сознательности рабочих свидетельствуют многочисленные террористические акты, с помощью которых они надеялись добиться удовлетворения своих требований, значительная часть которых продолжала носить аграрный характер. Тем не менее, следует отметить, что в зоне стихийной экономической борьбы на этапе формирования пролетариата в «класс в себе» (60-е — середина 90-х гг. XIX в.) организованность и сплоченность уральских рабочих значительно выросли. В их среде появляются свои лидеры, возглавляющие борьбу, рождается сознание необходимости коллективного отстаивания своих интересов, понимание силы коллективных действий, формируются некоторые субъективные пролетарские качества.

Однако стихийная экономическая борьба способствовала формированию только тред-юнионистского сознания, то есть необходимости совместной борьбы пролетариев за экономические права. В. И. Ленин в книге «Что делать?» подчеркивал, что систематические стачки выражали все-таки лишь только зачатки классовой борьбы. «Взятые сами по себе,— писал В. И. Ленин,— эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического»⁴⁰.

Рабочий класс, как показал В. И. Ленин, исключительно своими собственными силами не может выработать социалистическое сознание, оно вносится в его массу извне — социали-

³⁸ Там же, с. 435.

³⁹ ГАСО, ф. 643, оп. 2, д. 2180, л. 8—8 об.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

стической интеллигенцией, в результате чего происходит соединение социализма с рабочим движением⁴¹. Слабость, раздробленность и неразвитость рабочего движения в России вплоть до середины 90-х гг. объяснялись тем, что оно не было освещено светом политического сознания, не было связано с теорией научного социализма⁴².

Соединение социализма с рабочим движением начало осуществляться в середине 90-х гг. XIX в., когда «встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»⁴³. Созданный В. И. Лениным в 1895 г. в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился зародышем и прообразом партии нового типа, первым в России начал осуществлять соединение социализма с рабочим движением. Грандиозные стачки петербургских рабочих в 1896—1897 гг., прошедшие под руководством «Союза», оказали огромное влияние на рабочее движение всей страны⁴⁴.

Стаечная волна, поднявшаяся в стране вслед за петербургскими стачками 1895—1897 гг., охватила и горнозаводский Урал. В отличие от предыдущего периода, когда уральские рабочие вели в основном оборонительную борьбу, выступления рабочих во второй половине 90-х гг. приобретают наступательный характер⁴⁵.

В конце 90-х гг. социал-демократические кружки и группы переходят от пропаганды в узких кружках к агитации в рабочих массах, начинают практически осуществлять руководство рабочим движением. Златоустовский кружок, возглавляемый А. С. Тютевым, руководил забастовкой рабочих Большого прокатного цеха летом 1897 г. Он обратился к рабочим с рядом листовок, развернул энергичную борьбу против администрации в горнозаводском товариществе. Возбуждение рабочих на заводе было настолько сильным, что в апреле 1898 г. в Златоуст была введена казачья команда, а с 1 мая 1898 г. во всех основных цехах был введен 8-часовой рабочий день. Екатеринбургская социал-демократическая группа выпустила листовки, обращенные к рабочим Екатеринбурга, Урала, Злоказовской фабрики и Сысертского завода. Пермская социал-демократическая группа выпустила листовку, обращенную к рабочим железнодорожных мастерских. Гектографированное воззвание к рабочим подготовил Кунгурский социал-демократический кружок, но

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Там же, т. 4, с. 244—245.

⁴³ Там же, с. 247.

⁴⁴ Там же, т. 6, с. 29; т. 9, с. 250—251.

⁴⁵ См.: Гаврилов Д. В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в. (1885—1900 гг.), с. 54—103.

аресты членов кружка помешали его изданию и распространению.

Социал-демократические прокламации, обличающие капиталистические порядки на заводах и фабриках, указывал В. И. Ленин, в громадном большинстве случаев были настоящим «объявлением войны» капиталистам, «потому, что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками»⁴⁶.

Листовки, призывавшие уральских рабочих к борьбе против капиталистов и правительства, к объединению и сплочению под знаменами социал-демократии, имели большое политическое значение. В условиях самодержавно-полицейского строя, отсутствия свободы слова и печати листовки являлись для социал-демократов могучим средством завоевания масс, служили одним из видов руководства рабочим движением со стороны социал-демократических организаций. 1 Мая 1898 г. в Екатеринбургѣ, Кунгуре и Златоусте социал-демократами с участием рабочих были проведены первые на Урале маевки. Маевки имели большое значение для политического воспитания рабочих, сплочения их под знаменами социал-демократии. В. И. Ленин отмечал, что маевки того времени по существу являлись «социал-демократической демонстрацией передовиков-рабочих»⁴⁷.

Социал-демократическая пропаганда и агитация в конце 90-х гг. XIX в. охватила уже значительное число уральских заводов и фабрик. «Семена социал-демократических идей,— писал В. И. Ленин в 1899 г.,— заброшены уже повсюду в России; рабочие листки—эта первая форма социал-демократической литературы—знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала»⁴⁸. Социал-демократическая агитация и политическое руководство социал-демократов придали рабочему движению огромный размах и значимость. В. И. Ленин указывал, что только благодаря участию социал-демократов «рабочее движение 90-х гг. получило широкое политическое значение»⁴⁹. Благодаря их руководству рабочее движение поднялось на новую, более высокую ступень, приобрело целеустремленность, стало шире, многограннее. Оно, как отмечал В. И. Ленин, именно в этот период начинает зарождаться «в своей новейшей, массовой и освещенной светом марксистского учения форме»⁵⁰.

Знакомство рабочих с теорией научного социализма вело к коренному перелому в их сознании, способствовало выработке у них научно-материалистического мировоззрения, коренным

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 54—55.

⁴⁷ Там же, т. 9, с. 250.

⁴⁸ Там же, т. 4, с. 188.

⁴⁹ Там же, с. 247.

⁵⁰ Там же, т. 22, с. 72.

образом меняло их миропонимание, их взгляды на социально-классовую и политическую структуру общества, воодушевляло на борьбу против эксплуататоров и угнетателей, вселяло в них оптимизм, веру в свои силы. Прокурор Казанской судебной палаты в заключении по делу о руководителях Златоустовского революционного кружка в январе 1899 г. отмечал, что за последние годы «произошла большая перемена в рабочих Златоустовского завода, ...рабочие стали дерзки, непочтительны к старшим, более требовательны, стали читать книги и выписывать газеты и журналы», среди них начались разговоры о более высокой заработной плате, необходимости лучших порядков, равенстве всех людей между собой» и т. д.⁵¹ Эту перемену в рабочей массе прокурор объяснял влиянием на рабочих действовавшего в заводе революционного кружка под руководством А. С. Тютёва.

В социал-демократических рабочих кружках царила приподнятая, боевая атмосфера. Рабочие, которые посещали собрания социал-демократов, бросали пить. М. М. Эссен вспоминает, что один из них рассказывал: «И так весело жить стало,— говорил он,— ходишь, точно земля под тобой пляшет»⁵². Из среды рабочих уже в конце XIX в. выдвигались передовые, сознательные социал-демократы, которые пользовались большим доверием масс и вели их за собой (Е. Кудрявцев, Ф. Братухин, С. Костарев — в Перми; А. Голдобин и А. Хлебников — в Кунгуре; М. И. Кусков, К. и М. Казаковы, Сушенцев, Февралев, Сафьянов, Тетерин, Смирнов, Путилов, Брынских, Лабутин — в Екатеринбурге; В. и П. Авладеевы, Е. Кондратьев, М. Гордеев, И. Плечев — в Златоусте; И. С. Якутов — в Уфе и др.). Эти рабочие не только принимали активное участие в деятельности социал-демократических кружков и групп, аккуратно посещали все сходки и собрания, но и сами распространяли нелегальную литературу и вербовали в кружки новых членов, а некоторые из них входили в руководящее ядро.

Ярким примером влияния стачек и социал-демократической пропаганды на рост классового самосознания и политической сознательности рабочих служит стачка в одной из екатеринбургских типографий, где работали около 30—40 чел. Здесь царили старые, патриархальные порядки. Заведующий типографией — самодур, обращался с рабочими крайне грубо, не признавал никаких законов. В конце августа 1900 г., ссылаясь на получение срочного заказа, он приказал работать в праздничные дни.

30 августа рабочие все, как один, не вышли на работу и предъявили хозяину требования: пересмотреть табель праздничков и засвидетельствовать его в фабричной инспекции; всем рабочим увеличить заработную плату; не увольнять участников

⁵¹ ЦГАОР СССР, МЮ, ф. 124, оп. 7, д. 24, л. 55 об.

⁵² Эссен М. М. Указ. соч., с. 49.

забастовки ранее, чем через три месяца. Стачка длилась один день и дала блестящие результаты. Все требования бастующих были удовлетворены. Порядки в типографии резко изменились. Один из рабочих писал в ленинскую «Искру»: «Теперь у нас две смены, дневная и ночная. Дневная работает по 10 часов, а ночная — 8 часов. Прибавка жалованья последовала тут же, после соглашения. Кто получал 15 рублей, тот перешел на 17, на 20. Обхождение хозяина переменилось до неузнаваемости. Старики-рабочие дивуются. «Вот, брат ты мой, 17 лет работал, как свечка стою, а окромя «ребята» да «ты» ничего не слышал, а тут, на поди, «вы» да «господа» только и слышишь»⁵³.

Победа подняла настроение рабочих, помогла им осознать силу пролетарской сплоченности и солидарности. В корреспонденции в «Искру» рабочий типографии писал: «Рабочие чувствуют себя бодро, смотрят смело и энергично»⁵⁴.

Усвоение теории научного социализма и целей борьбы пролетариата, активное участие в социал-демократическом рабочем движении становятся важнейшими критериями формирования у рабочих субъективных пролетарских революционных качеств, таких, как высокая идейная и политическая зрелость, дисциплинированность, сплоченность и организованность, солидарность, коллективизм, интернационализм, пролетарская закалка, решительность, героизм, мужество и самоотверженность, непримиримость к оппортунизму, беззаветная преданность делу социализма, способность подчинить свои силы и мысли задачам революции, морально-психологическая готовность вступить в борьбу за дело всех трудящихся, готовность преодолеть любые трудности и лишения, пойти на любые жертвы во имя победы революции. Рабочие решительно освобождаются от религиозных верований и предрассудков, преодолевают патриархально-крестьянские воззрения и привычки, порывают с терпением и покорностью. В. И. Ленин указывал, что вовлечение трудящихся в революционную борьбу вело к коренному изменению их мировоззрения и психологии, к разрушению иллюзий, падению тех предрассудков, «которые делали русский народ доверчивым, терпеливым, простодушным, покорным, всевыносящим и всепрощающим»⁵⁵. М. М. Эссен писала о том, что рабочих захватывали «вопросы классовой борьбы, перспективы этой борьбы и желание принять участие в революционных действиях»⁵⁶.

Руководство рабочим движением со стороны социал-демократов, их широкая печатная и устная агитация оказали огромное влияние на политическое развитие масс, на формирование их классового самосознания, понимание политического положе-

⁵³ Искра, декабрь 1900 г., № 1.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 331—332.

⁵⁶ Эссен М. М. Указ. соч., с. 48—49.

ния и политических задач рабочего класса. Авангард уральских рабочих — рабочие Екатеринбурга, Перми, Златоуста, Уфы и других крупных промышленных центров уже в конце 90-х гг. XIX в. начинают все более решительно переходить от экономической борьбы к политическим выступлениям (празднование 1 Мая, распространение листовок с призывом о свержении царского самодержавия, политическая демонстрация на похоронах А. С. Тютеева в 1899 г. в Златоусте и т. д.).

Все это свидетельствовало о том, что в сознании рабочего класса Урала начинается коренной перелом. Пролетариат в 90-е гг. XIX в. вступает в этап превращения из «класса в себе» в «класс для себя». В. И. Ленин указывал, что «рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится классовым движением, когда переходит к политической борьбе»⁵⁷.

Крупные изменения в общественном сознании и общественной психологии уральских рабочих в пореформенный период привели к изменению социального облика уральских рабочих. Хотя уральский рабочий, горнозаводский пролетарий конца XIX в. сохранил в своем облике и образе жизни некоторые черты, свидетельствующие о его генеалогии от предпролетариата крепостнических времен, по своим взглядам и представлениям, социальному самосознанию, степени политической сознательности, грамотности и культуры он уже совершенно не походил на крепостного мастерового дореформенного времени. Несмотря на некоторые особенности в процессе формирования уральского пролетариата, обусловленные «оригинальным строем» уральской горнозаводской промышленности и придавшие облику уральских рабочих определенные специфические черты, в целом по своим основным признакам к концу XIX в. уральский пролетариат существенно уже не отличался от других отрядов российского рабочего класса.

Важная заслуга в развитии классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих принадлежала революционным социал-демократам, у которых на первый план была выдвинута задача развития политического сознания масс.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311.

В. Н. АШУРКОВ

**РАБОЧИЕ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА В ПЕРИОД
КОММЕРЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (1864—1883 гг.)**

В государственном хозяйстве России важное место занимали заводы военного ведомства, определявшие военный потенциал страны. Среди них три завода: Тульский (с 1712 г.), Сестрорецкий (с 1714 г.) и Ижевский (железодельный с 1760 г. и оружейный с 1807 г.) изготовляли стрелковое оружие. Они, как и казенные заводы Урала, были одним из проявлений «государственного феодализма»¹ и представляли собою мануфактуры, обслуживавшиеся трудом приписанных к ним мастеров.

С отменой крепостного права в 1861 г. Военному министерству следовало перейти в этих заводах к наемному труду. Оно, однако, считало, что «вольный труд при казенном управлении — дело почти немыслимое и, во всяком случае, более вредное для казны, чем обязательный труд»². Признав неспособность вести производство на новых началах, министерство решило использовать частную инициативу, что соответствовало экономической политике правительства в 1860—1870 гг.³

И в министерстве, и в военных кругах знали, что подобные меры практиковались во Франции, где правительство передавало производство оружия на государственных заводах по контракту подрядчику по условленной цене⁴. Однако министерство не допускало сдачи своих заводов в аренду «частным спекулянтам», тем более иностранцам (хотя в 1857 г. об этом просили бельгийские фабриканты Фалисс и Трапман)⁵, и пошло на своеобразную меру — передачу заводов в арендно-коммерческое управление их же командирам.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 310.

² Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952, с. 141.

³ Ляшенко П. П. История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1948, с. 182—186.

⁴ Аничков В. Н. Военное хозяйство. СПб., 1860, с. 307—309; Чебышев В. Л. Оружейные заводы во Франции.— Оружейный сборник, 1861, № 2, с. 9—15.

⁵ ЦГВИА СССР, ф. 503 (Артиллерийский департамент), оп. 5, д. 465, л. 3 об.

Здесь имелась в виду не обычная аренда (наем недвижимого имущества), а сделка иного характера. Главнначальствующий артиллерией вел. кн. Михаил Николаевич заявлял, что «завод передается командиру оно не в арендное содержание (выделено нами.— В. А.), а в коммерческое управление на отпускаемые правительством суммы»⁶.

Закон допускал «коммерческий способ заготовления», когда операция поручалась «благонадежному чиновнику» по договорным ценам без прямого участия казны.

Условия предстоящего арендно-коммерческого управления явно отходили от этого. Командиру на определенный срок передавался оружейный завод; он, кроме платы за винтовки, получал содержание от казны, значительные суммы на ремонт строений и машин. Ему предоставлялись существенные привилегии — отпуск металла по казенной цене, получение стальных стволов из-за границы с пониженной пошлиной и прием заказов от полков. Постройки и оборудование впоследствии сдавались в казну безвозмездно. Правительство контролировало производство, но материальной ответственности за неисправную сдачу оружия не устанавливалось. Таковы были основные условия контрактов, которые несколько изменились применительно к отдельным заводам.

В. И. Ленин, рассматривая особенности капиталистического развития России, говорил о капитализме: «помещичьем, полуфеодалном, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционном и наиболее мучительном для массы»⁷. Одним из проявлений этого помещичьего полуфеодалного капитализма и было арендно-коммерческое управление. Оно стало своеобразным этапом в развитии русской военной промышленности (1863—1883 гг.), однако не нашло достаточного освещения в литературе. Дореволюционные очерки заводов ограничивались немногими фактами⁸. Советские историки отчасти касались его в связи с исследованиями перевооружения армии или историей заводов⁹. Это также в значительной мере объясняется тем, что документы коммерческих управлений почти не сохранились и частью дошли до нас лишь в фонде Ижевского завода¹⁰, карти-

⁶ АВИМАИВС, ф. 6 (Главное артиллерийское управление), оп. 54/3, ф. 243, л. 58.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 6.

⁸ Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе.— Оружейный сборник, 1890, № 2, с. 33—56; Орфеев А. История Сестрорецкого оружейного завода.— Оружейный сборник, 1904, № 2, с. 14—17; Соловьев А. Материалы для истории Ижевского оружейного завода.— Оружейный сборник, 1902, № 3, с. 36—46.

⁹ Зайончковский П. А. Указ соч., с. 141—143; Ашурков В. Н. Кузница оружия. Тула, 1947, с. 63—65; Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1952, с. 96, 104—108; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 297—298, 307; Сестрорецкий инструментальный завод им. С. П. Воскова. Л., 1968, с. 32—35.

¹⁰ ЦГА УАССР, ф. 4 (Ижевский оружейный завод), 1807—1917.

на деятельности которого является типичной для коммерческого управления вообще.

В декабре 1864 г. Главное артиллерийское управление предложило командиру завода полковнику Д. А. Фролову с его помощником капитаном М. К. Стандершельдом (старший брат его генерал К. К. Стандершельд с 1863 г. управлял тульским заводом) изготавливать оружие на следующих условиях¹¹. Завод передавался им на пять лет для ежегодной выделки 30 тыс. шестилинейных (15, 24 мм) винтовок по 15 руб. 50 коп. Металл отпускался по казенной цене. Купленные машины и построенные здания потом переходили в казну бесплатно. Разрешалось покупать за границей сталь и стволы с пониженной пошлиной не более чем на 1/3 наряда, остальные готовить в заводе, для чего отпускался чугун по казенной цене.

Выдавалось под залог 150 тыс. руб. в год по оружейному и 25 тыс. по железоделательному заводу. В обеспечение машин и зданий вносилось 32 тыс. руб. Дополнительно разрешалась заготовка древесины и угля в казенных лесах и получение 20 тыс. пудов чугуна по казенной цене взамен брака в ствольном железе. При недоделе более одной третьей наряда контракт мог быть расторгнут. Казна проверяла производство в части «совершенства, прочности, независимости от случайных или вне государства заимствованных средств»¹².

25 октября 1865 г. был заключен контракт с Фроловым и Стандершельдом¹³, который фактически стал во главе дела. Фролов, не имея оборотных средств, безуспешно искал их на стороне. М. К. Стандершельд был удачливее. Он получил на 30 тыс. руб. ценных бумаг у некоего Классона. Вскоре тот, уже как доверенный фирмы Бергер (Виттен, Вестфалия), «согласил Бергера доверить Стандершельду залоги» для получения от казны еще 33 тыс. руб., поручителем в сделке стал его брат — управляющий тульским заводом. Так, начались длительные связи Стандершельдов с Бергером. Но средств не доставало, и лишь к ноябрю 1865 г. арендаторы внесли залоги на 92 тыс. руб.¹⁴ Дело строилось в расчете на займы и авансы, но было выгодной авантюрой. Военное ведомство связывало с арендой расчеты на реконструкцию завода, но арендаторы не спешили. В 1866 г. станочный парк увеличился на ... три станка!

Работали в заводе по найму в 1867 г. 2637 чел., почти на полторы тысячи меньше, чем до аренды. Оплата и распорядок устанавливались произволом администрации. Правил, определявших взаимоотношения рабочих и завода, не было. Широко

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 1 (Канцелярия военного министерства), оп. 1, т. 8, д. 27141, л. 28—48.

¹² Там же, л. 42 об.

¹³ Там же, ф. 504 (Главное артиллерийское управление), оп. 7, д. 21, л. 259, 267.

¹⁴ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 52, д. 2971, л. 27, 56—57, 62—65.

практиковались, как и до реформы, выдачи денег в счет заработка, что закабаляло рабочих.

Все это вызывало у рабочих протесты, о чем говорят многочисленные увольнения «за дерзость», за «упорное слушание». За «обвинение действий коммерческого управления при всей зарварной артиели» был уволен из ствольного цеха рабочих Г. Королев¹⁵.

Нещадно эксплуатируя рабочих, арендаторы выполняли заказы по нарядам. За 1863—1866 г. завод сдал 127 647 шестилинейных винтовок¹⁶. Перевооружение нарезным оружием завершилось. Но инспектор заводов генерал Игнатъев считал, что арендно-коммерческое управление — «мера, вынужденная обстоятельствами», что выгоды арендаторов «не должны быть увековечены на будущие времена»¹⁷. Он предвидел неизбежность новых перевооружений и связанные с этим новые претензии арендаторов.

Европейские государства начали перевооружение казнозарядным оружием. В России также была принята скорострельная игольчатая винтовка образца 1867 г. (на основе системы И. Карле¹⁸).

Для армии требовалось 200 тыс. новых игольчатых винтовок и 666 тыс. переделанных из шестилинейных. Из этого количества Ижевскому заводу следовало дать за 1868 г. 60 тыс. новых и 200 тыс. переделанных¹⁹. Это обещало миллионные прибыли.

Такое количество оружия, по мнению известного оружейника В. Л. Чебышева, можно было дать только «при вполне машинном способе выделки»²⁰, т. е. с переходом от мануфактуры к фабрике. Но этого не делали арендаторы.

Завод начал выпуск винтовок с 1868 г. и сдал за год 17 тыс. новых вместо 53 тыс. и ни одной переделанной. Все заводы выполнили лишь 10 % заказа, что крайне тревожило военного министра генерала Д. А. Милютинна²¹.

Царь Александр II приказал расследовать причины медленного хода работ и принять меры к их ускорению. В Ижевск прибыл командующий войсками Казанского округа генерал Б. Г. Глинка-Маврин. Материалы его расследования дают достаточно объективную характеристику арендно-коммерческого управления. Глинка признал, что «контракт, не обеспечивая

¹⁵ Там же, оп. 55, д. 3511, распоряжения №№ 22, 24, 29, 31 — 1869 г.; № 19 — 1870 г.

¹⁶ ЦГВИА СССР, Отчеты Военного министерства: 1863 г., с. 6—7; 1864 г., с. 8—9; 1865 г., с. 10—11; 1866 г., с. 7—8.

¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 965 (Инспектор заводов), оп. 1, д. 64, л. 109—111.

¹⁸ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка, изд. 2-е. Л., 1984, с. 53—57.

¹⁹ ГБЛ, отд. рук., ф. 169 (Д. А. Милютин), № 7848, с. 245.

²⁰ О мерах, принятых для вооружения нашей армии скорострельным оружием.— Оружейный сборник, 1869, № 1, с. 64.

²¹ Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 173.

интерес казны, открывал возможности для полной безответственности арендаторов»²². Поэтому они «в видах наибольших барышей», кроме 60 тыс. новых игольчатых винтовок, взяли огромный дополнительный заказ. Расчеты на механизацию работ не оправдались. При сумме заказа 2240 тыс. руб. станков было куплено всего на 51 тыс. руб. Большинство работ велось вручную, опытных слесарей не хватало²³.

Б. Г. Глинка-Маврин считал, что от арендаторов ни усовершенствования выделки оружия, ни обеспечения машинами, ни «поднятия благосостояния мастеровых, по самому существу дела, ждать нельзя». Единственный выход он видел в расторжении контракта и переходе заводов «в казенное управление, примененное к современным условиям»²⁴. Пока военное министерство не могло этого сделать.

В срок заказ не был исполнен. Но М. К. Стандершельд, заявляя, что Глинка желает «затормозить коммерческое оружейное дело», просил повысить плату за винтовку, возместить 56 тыс. руб. «убытка», открыть кредит на 100 тыс. руб. для заказов за границей, отсрочить выполнение наряда до 1 января 1871 г.²⁵

В начале 1869 г. оружейное дело, по признанию Д. А. Милютина, «находилось, можно сказать, в положении отчаянном»²⁶. Оно осложнялось и тем, что игольчатая винтовка себя не оправдала и предстояло новое перевооружение. Весной 1869 г. была принята шестилинейная винтовка системы чешского оружейника Крнка²⁷. Для производства ее следовало пересмотреть контракты, и арендаторы воспользовались этим.

Они хотели получить доплату за сделанные игольчатые винтовки и их детали, прибавки 1 руб. к цене новой винтовки за издержки по установке производства. По подсчетам Милютина, Фролову и Стандершельду причиталась внушительная сумма — 277 тыс. руб.²⁸

Наученное горьким опытом Главное артиллерийское управление изменило условия контрактов²⁹. Завод должен был начать производство в течение 11 месяцев. Цена винтовки определялась в 20 руб. Допускалась покупка деталей за границей с огромным снижением пошлины — 75 коп. с пуда, вместо 16 руб. Задаток выдавался под залог с погашением из оплаты оружия. Приобретенные станки и здания поступали в казну бесплатно.

²² АВИМАИВС, ф. 6, оп. 5/2, д. 671, л. 213 об.

²³ Там же, л. 224—226.

²⁴ Там же, л. 229—232.

²⁵ Там же, л. 315, 327; Оружейный сборник, 1890, № 1, с. 48—49.

²⁶ ГБЛ, отд. рук., ф. 169 (Д. А. Милютин), № 7849, с. 300.

²⁷ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Указ. соч., с. 66—70.

²⁸ ГБЛ, отд. рук., ф. 169 (Д. А. Милютин), п. 23, № 30, л. 25—28, п. 24, № 29, л. 36.

²⁹ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 56, д. 3624, л. 6/№.

Наряду со «своей отчетностью» арендаторов обязали вести «вещевые и денежные книги по форме». Этим бралась под сомнение добросовестность арендаторов, что, однако, их не смущало. При недоделе более 1/4 количества оружия контракт мог быть расторгнут. Новые условия отчасти обеспечили интересы казны, но цена винтовок была высокой и гарантии своевременной их сдачи сомнительными.

В апреле 1869 г. контракты были утверждены³⁰. Ижевскому заводу к 1 января 1881 г. предстояло изготовить 62 тыс. новых и 70 тыс. переделанных винтовок. Избегая затрат на оборудование, арендаторы выписывали многие детали из-за границы. Работы осложнялись нехваткой рабочих, так как некоторые, получив земельный надел, не желали работать за грошевую плату. Все же за 1864—1873 гг. завод дал 412 947 новых винтовок Крнка³¹, что было достигнуто ценой огромных усилий и еще раз показало неудобство арендно-коммерческого управления.

С дальнейшим совершенствованием стрелкового оружия в России была принята «винтовка образца 1870 г.» (Бердана № 2) калибром 4,2 линии (10,67 мм). Предстояло новое перевооружение. Для этого было решено вернуть в казну тульский завод и провести его реконструкцию. При недостаточных ассигнованиях военному министерству вопрос о других заводах так не ставился. В 1870—1873 гг. был полностью реконструирован тульский завод, ставший механизированной государственной фабрикой. Это упростило позиции казны в отношении арендаторов³².

Реконструкцию других заводов военное ведомство предполагало все же провести «коммерческим способом», однако на иных условиях, чем арендно-коммерческое управление. Теперь изготовитель, «принимавший на себя работы по поставке оружия», получал завод с обязательством «все необходимые приспособления и устройства произвести из цены, назначенной за ружье», и, окончив поставки, сдать на завод на ходу³³. Заготовители не имели былых льгот и субсидий, но при отсутствии конкурентов могли рассчитывать на высокие прибыли.

К 1871 г. срок арендно-коммерческого управления Ижевским заводом кончался. Фролов и Стандершельд не отказались продолжать работы. Начальник Главного артиллерийского управления генерал А. А. Баранцов предложил заключить контракт на работы в Ижевске своему адъютанту капитану П. А. Биль-

³⁰ ГБЛ, отд. рук., ф. 169 (Д. А. Милютин), п. 16, № 2, М 7849, с. 196, п. 24, № 30, л. 65 об.

³¹ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 303, табл. 59.

³² Исторический обзор Тульского оружейного завода.— Оружейный сборник, 1873, № 4, оп. 2, с. 12 и сл.; Исторический обзор Тульского оружейного завода и настоящее его положение.— Русский инвалид, 1873, № 266, 6 декабря.

³³ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, т. 9, д. 68668, л. 10 об.

дерлингу³⁴. Он знал оружейное дело и, по мнению современников, отличался энергией и предприимчивостью. Вскоре Бильдерлинг стал зятем Баранцова и в столичных салонах с иронией говорили, что он дал завод в приданое за дочь³⁵. Управление им стало почти семейным делом.

В декабре 1871 г. был подписан контракт с Бильдерлингом на передачу ему с января 1872 г. на 7 лет Ижевского завода для ежегодной выделки 30 тыс. винтовок Бердана по 27 руб. Первые два года, пока осваивалось производство, делали на прежних условиях 10 тыс. винтовок Крнка, чтобы сохранить контингент рабочих³⁶.

Бильдерлингу передавался на год и железоделательный завод для опытов по установке «нового и столь важного для России производства» стальных стволов. Он знал, что, по мнению ученого-металловеда полковника Н. В. Калакуцкого, это могло обеспечить заводу особое значение в дальнейшем³⁷.

Бильдерлинг «нуждался в людях для руководства работами и в деньгах для оборота». Он обратился к владельцу Петербургского механического завода Л. Нобелю, которого знал давно и считал другом. Они вступили «в нераздельное товарищество» по управлению заводом³⁸. Военное ведомство не допускало участия в этом «штатских», но под влиянием Баранцова сделало исключение. 24 января 1872 г. Бильдерлинг выдал Нобелю доверенность «на полное управление всеми делами».

Сам Бильдерлинг так характеризовал их взаимоотношения: «Мы условились с ним, на правах полного равенства и риска и в возможных выгодах, вести дело таким образом, что его завод делается как бы механической мастерской для Ижевска, его контора — главной конторой для сношения с Главным артиллерийским управлением по всем финансовым операциям и денежным расчетам, так же с иностранными фирмами»³⁹. Кроме старых связей с Бергером, через Нобеля установились и новые.

Завод финансировал Нобель, переводя Бильдерлингу крупные суммы⁴⁰. Нобель и стал фактически главой предприятия, оставив Бильдерлингу представительство и административное руководство. В феврале 1872 г. Нобель внес для получения аванса ценных бумаг на 400 тыс. руб. В Ижевск прибыли техники и мастера фирмы с инженером Линдбергом, знакомым с

³⁴ ЦГАУ УАССР, ф. 4, оп. 58, д. 3851, л. 1.

³⁵ ГБЛ, от рук., ф. К/5 (Киреевы), К/6 1873, л. 61.

³⁶ АВИМАЙВС, ф. 6, оп. 5—1, д. 445, л. 154—157.

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, т. 9, ф. 30007, л. 59—69; Калакуцкий Н. Испытание ствольной стали и опыты над малокалиберными стволами разных заводов.— Оружейный сборник, 1871, № 3, с. 81—83.

³⁸ Бильдерлинг П. А. Деятельность Л. Э. Нобеля как участника в выполнении на Ижевском заводе правительственных заказов.— Зап. Русского техн. общества, 1889, № 5, с. 25—32.

³⁹ Там же, с. 26.

⁴⁰ ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 58, д. 3851, л. 167, 168, 192, 193, 205 и др.

производством русских винтовок в Англии. Сверлильщики стволов пригласили от Бергера. Станки изготовляли на заводе Нобеля, частью покупали за границей⁴¹.

С началом реконструкции завода работы сократились. С августа 1872 г. по август 1873 г. вместо 2292 рабочих было занято всего 424, что поставило остальных «в неожиданную крайность». Бильдерлинг писал Баранцову, что он не ручается «за спокойствие завода», и, чтобы «предупредить беду», просил дать заказ на 20 тыс. винтовок Крнка по 18 руб. штука⁴². Такой заказ был дан, что обещало до 200 тыс. руб. и упрочило их финансовое положение при наступавшем промышленном кризисе 1873—1875 гг.

Уплатив компенсации Бергеру, компаньоны получили от него технологию выделки стальных стволов. Опытные работы дали удовлетворительные результаты. Благодаря личным указаниям Н. В. Калакуцкого, ижевские стволы «не только не уступали заграничным, но даже превосходили их»⁴³.

Теперь Бильдерлинг желал получить железоделательный завод на более длительный срок. С 1 января 1873 г. завод и был сдан ему на шесть лет для выделки 500 тыс. стволов с коробками по 3 руб. 59 коп. штука с бесплатным отпуском металла от казны, но при условии проведения реконструкции. Компаньоны становились монополистами в поставке стволов для всех заводов, что сулило им новые прибыли⁴⁴.

В 1873 г. строился корпус сталелитейного завода, устанавливались станки для отделки стволов. На оборудование для сталествольного производства затратили 34 тыс. руб. и 8 тыс. руб. для оружейного. Технологический процесс изготовления винтовки, разработанный специалистами Нобеля, отличался «простотой, целесообразностью, практическим решением задач»⁴⁵.

Валовые работы по выделке винтовок могли начаться только с 1 июня 1874 г., и контракт продлили до января 1880 г. Завод стал капиталистической фабрикой, что изменило и технику, и организацию работ. Устанавливался 10-часовой рабочий день, плата назначалась администрацией, дисциплина обеспечивалась штрафами. «Свободные» рабочие оказались в полной зависимости от арендаторов.

Демократически настроенный врач ижевской земской больницы А. Романов в своих статьях⁴⁶ ярко характеризует, как он иронически называет, «новую эру», наставшую для рабочих

⁴¹ Там же, л. 41; оп. 55, д. 3511, распоряжения 1872 г., № 20.

⁴² АВИМАИВС, ф. 6, оп. 5—2, д. 737, л. 25—27, л. 4—5.

⁴³ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, т. 9, д. 30007, л. 72; ЦГАУ, ф. 4, оп. 58, д. 3855, л. 453 об.; АВИМАИВС, ф. 6, оп. 2—3, д. 514, л. 262—263.

⁴⁴ Там же, л. 77—78.

⁴⁵ Бильдерлинг П. А. Указ. соч., с. 28—29.

⁴⁶ Романов А. Ижевский оружейный завод.— Сборник сочинений по судебной медицине... Изд-во Медицинского департамента СПб., 1875, т. 3, отд. 2, с. 1—37; 1876, т. 1, отд. 2, с. 1—51.

с арендой Бильдерлинга и Нобея. «Необходимость,— пишет он,— вынуждает рабочих подчиняться всем условиям труда и платы, какие только предложит аренда»⁴⁷.

В 1984 г. в заводе работало 3364 чел.— 44,6 % населения; 25 % рабочих составляли подростки, которые оплачивались «по возможно низкой цене». Тяжелые условия труда, особенно на вредных работах, влекли за собой массовую заболеваемость и большую смертность. За 1866—1872 гг. она составила 4,6 %, выше средней по России (3,7 %), многие не доживали и до 50 лет⁴⁸.

Изнурительный труд едва обеспечивал существование. Формально средний месячный заработок рабочего считался в 18 руб. 75 коп., в действительности он был 12 руб. 50 коп., из которых платились повинности — 4 руб. 21 коп. На 1875 г. за ижевским населением значилось 13 тыс. руб. недоимки⁴⁹. Это достаточно ярко свидетельствует о бедственном положении рабочих.

Условия жизни были ужасающими. Дома, вернее избы, у большинства обветшали. Перенаселенность, убогая обстановка (владелец самовара и часов-ходиков считался «богачом»), скудное питание — «хлеб да квас, остальные продукты приправа к хлебу» — медленно, но верно сокращали жизнь ижевского рабочего.

Но это был уже не прежний заводской поселенин, а свободный наемный рабочий, уровень понятий которого, как отмечал современник, «был значительно выше обыкновенного крестьянина»⁵⁰.

Реорганизация завода отвечала интересам казны. Разработка деталей винтовки велась на 431 станке. Для выделки стали завод имел печь Мартена (250 пудов стали в сутки), 24 сталеплавильные печи, два прокатных стана, паровые молоты, стволосверлильную и стволотокарную мастерские. В 1874 г. завод выпустил 36 тыс. стволов, а в 1879 г. уже 140 тыс., что вскоре устранило закупку их за границей. Успешно шло и производство винтовок Бердана — за 1873—1879 гг. их было сдано 600 тыс., причем в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. завод выполнил максимальные наряды — в 121 и 168 тыс. винтовок⁵¹.

К январю 1880 г. кончались контракты, и компаньоны не стали их продолжать. Помощник Бильдерлинга капитан Г. А. Стандершельд пожелал вести работы с платой 20 руб. за винтовку, но она стоила в Туле 18 руб., и он согласился на эту цену.

⁴⁷ Там же, 1876, т. 1, отд. 2, с. 17.

⁴⁸ Там же, с. 22—23, 32; 1875, т. 3, ч. 2, с. 35.

⁴⁹ Там же, Там же, от. 2, с. 15; т. 3, с. 25—26.

⁵⁰ Андржеевский Ив. Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880, с. 37.

⁵¹ Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 307, 308.

В апреле 1879 г. была утверждена «Инструкция коммерческому заготовителю» по Ижевскому заводу. Он передавался Г. А. Стандершельду⁵² на 6 лет с 1 января 1880 г. для выделки 480 тыс. винтовок Бердана по 18 руб. Все работы выполнялись машинами. Расходы по заводу и производству велись только из сумм, причитавшихся за оружие. Разрешалось беспошлинно выписывать из-за границы оборудование и стволы с коробками. За первый 1880 г. заготовителю выплачивалась половина суммы стоимости годовой выделки оружия. Остальное удерживалось в обеспечение исправности поставки и выплачивалось в 1885 г. после сдачи всего оружия. Ежегодный расчет проводился по числу изготовленных винтовок. Назад в казну завод сдавали на ходу, готовым к ежегодному выпуску 80 тыс. винтовок.

«Инструкция» существенно отличалась от прежних контрактов, обстановка, в которой действовали заготовители, изменилась. Казна располагала Тульским заводом, ведущим в отрасли. Его работа дала надежный критерий для определения цен и расходов производства, для объективной оценки деятельности других заводов при коммерческом заготовлении.

На 1 января 1880 г. в заводе имелось семь мастерских для выработки оружия и особые цехи для производства стали (мартековский, сталелитейный, тигельный и др.) и отделки стволов. В 1881 г. там работало 5188 чел. при объеме продукции до 3 млн руб.⁵³

За введение сталествольного производства и выделки специальных сортов сталей заводу на Всероссийской выставке 1882 г. был присужден диплом 1 степени, а на Сибирско-Уральской промышленной выставке 1882 г. ижевская сталь получила высшую оценку⁵⁴.

Коммерческое заготовление было характерно для режима, «теряющего свойства исключительно крепостнического, делающего шаги к буржуазной монархии», и оно объективно способствовало тому, что чисто капиталистические отношения, которые созревали с 1861 г., утвердились и в государственном оружейном производстве⁵⁵.

Перевооружение винтовкой Бердана завершалось. На 1882 г. Ижевскому заводу вместо 132 тыс. винтовок следовало дать всего 72 тыс.⁵⁶ Это уменьшало доходы заготовителей, и Стандершельд поставил вопрос о возвращении завода казне с 1 июля 1884 г.⁵⁷

⁵² ЦГА УАССР, ф. 4, оп. 66, д. 4862, л. 6—15.

⁵³ Там же, оп. 67, д. 4975, л. 3 об.; оп. 68, д. 5016, л. 28—29.

⁵⁴ Латышев Н. Вклад Камских заводов в историю русской техники в XIX в.— В кн.: Записки Удмуртского научно-исследовательского ин-та, вып. 13. Ижевск, 1950, с. 67—68.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 303; т. 23, с. 394.

⁵⁶ Бескровный Л. Г. Указ. соч., с. 311, табл. 65.

⁵⁷ АВИМАИВС, ф. 6, оп. 5—2, д. 947, л. 1—4.

Главное артиллерийское управление должно было установить «порядок управления заводами в дальнейшем». Предстояло новое перевооружение магазинной винтовкой, и заготовители могли требовать повышения цен и разных льгот⁵⁸.

В ноябре 1882 г. комиссия во главе с инспектором заводов признала, что нет оснований платить выше цены винтовки в Тульском заводе и Ижевский оружейный и сталелитейный и Сестрорецкий заводы следует вернуть в казну⁵⁹. Передача потребовала некоторого времени, и с 25 июля 1884 г. Ижевский завод стал действовать как казенный на основе «Положения об артиллерийских технических заведениях» 1870 г.

Перевод заводов в полное распоряжение государства занял два десятилетия. Причиной были условия того времени: относительная экономическая отсталость царской России от стран Западной Европы, крепостнические пережитки, бюрократическая рутина, влияние придворной камарильи — все это сделало процесс перестройки русской военной промышленности в капиталистическое производство затяжным и сложным. В. И. Ленин указывал, что новый способ производства не мог привиться сразу «без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов»⁶⁰. Это в полной мере относится и к русским оружейным заводам.

Сосредоточение всех оружейных заводов в руках казны и в военном и в финансовом отношении имело положительное значение. Но финансовые трудности, консервативно-бюрократическое руководство, пренебрегавшее развитием техники, наконец, монопольное положение заводов в производстве оружия — все это осложняло их дальнейшее развитие и совершенствование. Царизм не был способен обеспечить прочные основы обороноспособности государства и обрекал русский народ на тяжкие испытания и жертвы в предстоящих империалистических войнах.

⁵⁸ Там же, ф. 6, оп. 5—2, д. 921, л. 26, 62.

⁵⁹ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 15, д. 40308, л. 5.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 19.

Е. Ю. АЛФЕРОВА

**ГОРНОЗАВОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА
НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 г.
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ**

К настоящему времени в исторической литературе утвердилось мнение, что основным источником формирования горнозаводского пролетариата на Урале было прикрепленное к заводам еще в дореформенный период так называемое горнозаводское население. Однако выделить горнозаводское население из общего состава сельского населения применительно к кануну реформы 1861 г. не так просто потому, что в первой половине XIX в. крестьянское население Урала, обитавшее в горнозаводских дачах, состояло из различных категорий, в той или иной степени связанных с горнозаводским производством, и не всегда ясно, какие категории населения следует относить к горнозаводскому, поскольку некоторая часть растворилась в общей массе крестьянского населения.

Ряд авторов (В. В. Адамов, Ф. С. Горовой, С. И. Сметанин и др.)¹ выдвинули идею существования накануне падения крепостного права особого сословия «горнозаводское население». По их мнению, горнозаводское население — замкнутое сословие, сложившееся на базе горнозаводской промышленности, основной характеристикой которого было прикрепление к горнозаводскому производству, обязательность работ в той или иной его сфере.

Согласно данной концепции, в течение XVIII в. шел процесс постепенного складывания горнозаводского сословия путем прикрепления к горнозаводскому производству выходцев из крестьян и других сословий. К началу XIX в. все категории населения, прикрепленные к горнозаводскому производству, практически уравнились в своих правах и обязанностях и получили организацию и статус особого горнозаводского сословия. На этом ос-

¹ Адамов В. В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала.— В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966, с. 163—182; Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Сметанин С. И. Разложение горнозаводского населения и формирование рабочего класса на Урале.— Вопр. истории, 1982, № 2, с. 29—41.

новании в литературе предпринимаются попытки установить строго определенную численность и состав горнозаводского населения в первой половине XIX в. и накануне реформы 1861 г. Выделяемые в среде горнозаводского населения категории: люди, данные от казны, казенные; крепостные заводские; люди, поселенные на заводе на полном владельческом праве, или владельческие,— представляются этим авторам лишь категориями учета населения, а не объективно существовавшими сословными группами, имевшими те или иные сословные (юридические) особенности.

Существование особого слоя населения, сформировавшегося в первой половине XIX в. на базе горнозаводской промышленности, не вызывает сомнений. Однако прежде, чем характеризовать горнозаводское население как сословие, следует выяснить, что же понимается под термином «сословие» и какие социальные группы и на каком основании являются «сословными».

Классики марксизма-ленинизма указывали, что деление общества на сословия есть одна из форм классовых различий. Под сословными понимаются социальные группы, правовое положение которых обусловлено принадлежностью к тому или иному классу и закреплено обычаем, религией или законом. Таким образом, для сословия как социальной группы характерна, в отличие от класса, социально-правовая природа: в основе сословного деления лежит социально-экономическое классовое деление общества. «Сословия,— указывал В. И. Ленин,— предполагают деление общества на классы»². В то же время различие классов, зафиксированное в сословном делении населения, «сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса»³. Это «особое юридическое место» выражалось через закрепление за сословием определенных прав и обязанностей, характер которых диктовался экономическим местом класса-сословия в общественной структуре. Таким образом, для характеристики определенной социальной группы как сословия мало дать ее социально-экономическую характеристику, необходимо исследовать и комплекс специфических прав и обязанностей данной группы.

Все сказанное касается и горнозаводского населения. До сих пор, характеризуя горнозаводское население как цельное замкнутое сословие, исследователи ограничивались оценкой его социально-экономического положения. Права и обязанности горнозаводского населения в целом и отдельных групп, входящих в него, не привлекали пристального внимания, хотя именно исследование правового статуса горнозаводского населения позволит убедительно доказать, сложилось ли на Урале в первой половине XIX в. на базе горнозаводской промышленности спе-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 476.

³ Там же, т. 6, с. 311.

цифическое замкнутое сословие, имеющее «особое юридическое место» в государстве.

Структура населения России была окончательно оформлена законодательными положениями, изложенными в «Своде законов Российской империи» издания 1857 г. В нем сконцентрировалось законодательство, регламентирующее правовые отношения во всех сферах жизни государства накануне реформы 1861 г. Для нас особый интерес представляют те статьи «Свода законов...», в которых определяется сословно-правовая структура общества, характеризуется правовое положение отдельных групп крестьянского населения России, и, в частности, тех, которые связаны были с горнозаводским производством. Это Уставы о состояниях, податях, земских повинностях, рекрутский, монетный, горный, о соли.

Согласно «Уставу о состояниях», в середине XIX в. все население Российской империи «по различию прав состояния» разделялось на дворянство, духовенство, городских обывателей, сельских обывателей, каждое из этих сословий пользовалось «правом состояния, оному присвоенным»⁴. Таким образом, в государстве было официально зафиксировано четыре сословия. Каждое из этих сословий включало в себя ряд сословных групп или, как называет их Устав, — разрядов. Так, сельские обыватели по различию земель, на которые они были водворены, составляли пять разрядов: водворенные на землях казенных, удельных, дворцовых, владельческих, собственных⁵.

Сельские обыватели на казенных землях имели различные наименования: наряду с государственными или казенными крестьянами и некоторыми другими категориями, платившими оброк в казну, те из них, указывалось в «Своде законов...», кто «вместо платежа оброка в казну отправляет повинности и работы при разных заведениях, именуется вообще приписными, а в особенности приписанные к ... оружейным и горным казенным заводам — заводские»⁶.

Особый разряд сельского населения составляли «люди, приписанные по прежним узаконениям к посессионным фабрикам и заводам», принадлежность их к заведениям и отношения с владельцами определялись в уставах — горном и о промышленности фабричной и заводской⁷.

Таким образом, на основании законов о состояниях можно выделить сельских обывателей, имевших отношение к горнозаводской промышленности: это заводские, приписанные к казенным горным заводам, и приписанные к посессионным заводам. Они входили в качестве сословной группы в единое сословие сель-

⁴ Свод законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. СПб., 1857, ст. 2, 3.

⁵ Там же, ст. 613.

⁶ Там же, ст. 614, п. 5.

⁷ Там же, ст. 996, п. 1.

ских обывателей и были наделены теми же правами, что и все остальные представители этого сословия.

Комплекс обязанностей населения раскрывается в «Уставе о податях» и в «Уставе о рекрутской и земских повинностях». Все вообще состояния в государстве разделялись на податные и неподатные. К податным относились: 1) сельские обыватели: государственные крестьяне, крестьяне приписные, удельные, разного наименования свободные поселяне, крестьяне крепостные и дворовые люди помещичьи; 2) мещане, цеховые и рабочие люди в городах⁸. Изымался из подушной подати ряд наименований приписных, в том числе мастеровые и рабочие люди и непрменные работники «при горных и соляных заводах и промыслах казенных и кабинету Его Императорского Величества принадлежащих»⁹. Так, сельские обыватели, которые в «Уставе о состояниях» фигурировали как «заводские при казенных заводах», не платили подушной подати. Все остальные разряды сельских обывателей, за редким исключением, не имеющие отношения к горнозаводскому производству, платили подушную или оброчную подати.

Однако форма выплаты податей была различна, в частности, в отношении людей, приписанных к горным и соляным заводам, полагалось следующее: «крестьяне, приписанные от казны к посессионным горным заводам, равно и крепостные люди таковых заводов освобождаются лично от платежа государственных податей, оные вносятся ... самими содержателями заводов, крестьяне же обязаны зарабатывать им оные»¹⁰. Заводчики вносили также подати за «состоящих при заводах мастеровых и непрменных работников». В этих случаях подати уплачивались заводчиками «без вычета из жалования или задельной платы»¹¹.

Таким образом, в отношении основной государственной повинности — подушной или оброчной подати — можно выделить (с учетом принадлежности к горнозаводскому производству) три разряда сельских обывателей: вообще все сельские обыватели, платившие подушную подать самостоятельно в размере 86 коп. (и дополнительно 9 коп. на устройство путей сообщения); изъятые из подушного оклада заводские на казенных и кабинетных горных заводах и соляных промыслах; крепостные посессионных заводов и казенные мастеровые и непрменные работники при посессионных горных заводах, за которых подати платили заводчики без вычета из жалования или задельной платы.

Другой разновидностью общегосударственных обязанностей являлись государственные повинности: рекрутская и земские. Под последними понимались либо денежные сборы, взимаемые

⁸ Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях. СПб., 1857, ст. 5.

⁹ Там же, ст. 9, п. 1.

¹⁰ Там же, ст. 143.

¹¹ Там же, ст. 144, 145.

отдельно от податей и следующие в общие доходы казны, либо отработки натурой по нарядам или очередям.

Порядок отправления повинностей интересующими нас разрядами податного населения был следующим. «Рекрутской повинности,— указывалось в «Уставе о рекрутстве»,— подлежат в государстве все те сословия, которые платят в казну подать подушную или ей соответственную»¹². Следовательно, рекрутской повинности не подлежали заводские, приписанные к казенным и кабинетным горным и соляным заводам, так как они были изъяты из подушной подати.

Рекрутская повинность отправлялась натурой, то есть в рекруты поставлялось, в соответствии с указанием манифеста о рекрутском наборе, определенное число мужчин с 1000 душ мужского пола. Однако в некоторых случаях рекрутская повинность отправлялась не натурой, а деньгами. В частности, на частных горных заводах заводчики платили в казну определенную сумму за каждого рекрута из собственных своих доходов, не вычитая из жалования или задельной платы. Заводчики выплачивали рекрутскую повинность деньгами за всех штатных и сверхштатных людей, мастеровых и непременных работников, отданных от казны заводам для работ, и за штатное число людей, приписанных к заводам на праве посессионном¹³.

Владелец посессионного завода мог отправлять рекрутскую повинность натурой за штатных на заводе людей, но только в том случае, если общее число людей на заводе было «более, чем по штату для действия оного положено», и только тогда, когда эти люди были крепостными заводчика, а не казенными. За казенных людей рекрутская повинность отправлялась только деньгами¹⁴. Число людей, подлежащих денежной рекрутской повинности на посессионных горных заводах определялось Горным правлением по мере действия каждого завода, для чего в казенные палаты из Горного правления доставлялись особые ведомости¹⁵. Заводчик-посессионер мог отдать в рекруты человека, купленного к заводу, или за дурное поведение, или за неспособность к мастерству, или по собственному его желанию. Тогда вместо него казенная палата давала заводчику рекрута, принятого от другого участка. Так же дозволялось поступать и с людьми на казенных горных заводах¹⁶.

Земские повинности простирались также лишь на те разряды податного населения, которые платили подушную или ей соответственную подать¹⁷. Следовательно, мастеровые и непремен-

¹² Свод законов Российской империи. Т. 4, кн. 1. Устав о рекрутстве. СПб., 1857, ст. 4.

¹³ Там же, ст. 9, п. 13.

¹⁴ Там же, ст. 10, п. 1.

¹⁵ Там же, ст. 37, прим.

¹⁶ Там же, ст. 498.

¹⁷ Свод законов Российской империи. Т. 4, кн. 2. Устав о земских повинностях. СПб., 1857, ст. 53, прим., п. 1.

ные работники на казенных заводах не платили земских повинностей (за исключением ряда местных повинностей, указанных в «Горном Уставе»¹⁸). Об этом в «Уставе о земских повинностях» говорилось так: «На посессионных горных заводах Уральского хребта свободны от исправления как натурою, так и деньгами ... всех тех повинностей, которые могли отвлекать от работ: мастерские и рабочие заводские казенные, штатные и сверхштатные, так же из числа купленных к заводам, определенные по штатам по количеству действия заводского, в том числе все дроворубы, углежельщики, возчики руды, угля и флюсов, находящиеся непрерывно в действительной работе, за исключением сверхштатных, живущих в деревнях, имеющих хлебопашество и другие собственные свои промыслы и занимающиеся только временно заводскими работами, как то рубкою дров, возкою руды, угля и т. п.»¹⁹

Таким образом, в отношении государственных рекрутской и земской повинностей законодательство позволяет выделить также три категории податного населения: все сельские обыватели, платившие повинности общим порядком; мастерские и непременные работники казенных заводов, изъятые из платежа всех повинностей; крестьяне, приписанные от казны или купленные к посессионным заводам, за которых повинности платили заводчики из собственных доходов. Следует добавить, что из последней категории заводчики платили подати лишь за тех, кто был занят в заводских работах постоянно и входил в число штатных. Следовательно, и здесь не существовало единообразия в отправлении повинностей для всех категорий населения, которые были заняты в горнозаводском производстве.

Таким образом, анализ законодательства середины XIX в. показывает, что группы населения, занятые в горнозаводском производстве, имели разные государственные обязанности и обладали одинаковыми правами со всем сословием сельских обывателей, они не представляли собой единого, юридически оформленного сословия.

В нашей исторической литературе имеются различные взгляды на структуру горнозаводского населения Урала накануне реформы 1861 г. Ряд авторов под горнозаводским населением дореформенного Урала понимает все или почти все население горнозаводских округов, подразделяемое лишь по принадлежности к горным заводам разных форм собственности. Так, А. А. Савич считал, что в начале XIX в. горнозаводское население Урала распадалось на три категории: государственные, приписные крестьяне; прикрепленные к посессионным заводам; крестьяне, составлявшие личную собственность заводладельцев²⁰.

¹⁸ Там же, т. 7. Устав горный. СПб., 1857, с. 328, 329, 330.

¹⁹ Там же, т. 4, кн. 2, ст. 53, прим., п. 14.

²⁰ Савич А. А. Прошлое Урала. Пермь, 1925, с. 89.

Ф. С. Горовой в качестве основы градации горнозаводского населения перед реформой принимает тот же принцип принадлежности к заводу, в результате чего выделяет военно-крепостных рабочих казенных заводов, крепостных рабочих посессионных заводов и крепостных рабочих частных заводов в особые группы, т. е. традиционно смешивает горнозаводское население и рабочих горнозаводских предприятий²¹.

Далее Ф. С. Горовой рассматривает структуру каждой группы следующим образом: работавшие на казенных заводах нижние чины (урядники) и рабочие (подмастерья, мастерские, урочные работники и цеховые ученики); работавшие на посессионных заводах крепостные от казны, заводские крепостные и крепостные на владельческом праве; занятые на вотчинных заводах крепостные на владельческом праве и подзаводские крестьяне. «Таким образом,— заключает Ф. С. Горовой,— горнозаводское население казенных и частных заводов дореформенного Урала делилось как минимум на 7 категорий»²². Фактически в эти 7 категорий объединено все население горных округов Урала, в том числе и крестьянство. Неясен принцип выделения той или иной категории, принцип объединения их понятием «горнозаводское население».

Попытка конкретизировать структуру горнозаводского населения была предпринята Л. И. Легошиным и М. И. Чернышом. Они писали: «Перед реформой 1861 г. горнозаводское население состояло из постоянно работающих на заводах «непрерывных работников», крепостных мастеровых и вспомогательных работников, купленных крепостных, вольнонаемных, занятых не только на основных цеховых, но и в особенности на вспомогательных цеховых работах»²³. Безусловной заслугой авторов является тезис о недопустимости смешения рабочих горнозаводского Урала со всей массой горнозаводского населения. Однако структура горнозаводского населения у них по-прежнему остается нечеткой: не ясно, куда относятся «непрерывные работники», занятые на вспомогательных работах, что имеется в виду под категорией «вспомогательных работников и купленных крепостных», вызывает сомнение включение в состав горнозаводского населения вольнонаемных, поскольку их сословная принадлежность и социально-экономические характеристики были весьма разнообразны.

Рядом авторов (А. А. Савичем в 30-е гг., Э. А. Лившиц в 40-е, М. А. Горловским и А. Н. Пятницким в 50-е) была предпринята

²¹ Горовой Ф. С. Влияние реформы 1861 г. на формирование рабочего класса Урала.— В кн.: Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961, с. 153.

²² Там же, с. 154.

²³ Легошин Л. И., Черных М. И. Историография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период (Обзор литературы, 1956—1967 гг.).— История СССР, 1969, № 1, с. 141.

попытка выработать единый критерий принадлежности разных групп населения к горнозаводскому. Основанием для выработки этого критерия явились документы комитетов горнозаводчиков, созданных в конце 50-х гг. для подготовки проектов положений об освобождении крестьян.

В 1858 г. было создано три таких комитета: Замосковский, Оренбургский и Уральский. Им вменялось в обязанность «изготовить предварительные соображения об улучшении вообще быта рабочих людей и крестьян, находящихся как на казенных, так и на частных заводах, подведомственных Министерству Финансов, на соляных приисках, а равно на заводах, принадлежащих кабинету ... Императорского Величества»²⁴. Таким образом, компетенция этих комитетов ограничивалась сведениями о тех заводских людях, которые состояли в ведомстве Министерства Финансов и кабинета, на них впоследствии и распространились законоположения 1861 г. о горнозаводском населении.

В циркуляре Министра Финансов Главному начальнику горных заводов хребта Уральского от 12 ноября 1858 г. особо подчеркивалось о недопущении смешения людей, подведомственных Министерству Финансов, с людьми, подведомственными Министерству Внутренних Дел. Что же касается заводских крестьян, которые обращены в таковых из владельческих волею самих владельцев и поэтому по сведениям Министерства Финансов не числились в разряде заводских работников, то для разработки проекта об их освобождении был создан специальный дворянский комитет в Перми. При учреждении этого комитета Министр Внутренних Дел особо отметил, что «смешение означенных крестьян с теми, которых считает заводскими само правительство, могло бы иметь вредные последствия»²⁵.

Относительно крестьян, живущих на территории горных округов и занятых горнозаводскими работами, но подведомственных Министерству Внутренних Дел, были выработаны «Дополнительные правила о крестьянах и рабочих, отбывающих при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах»²⁶. Эта группа населения по реформе 1861 г. не включалась в состав горнозаводского населения.

Таким образом, в соответствии с реформой 1861 г. в состав горнозаводского населения вошли те категории населения горных округов, которые были подведомственны Министерству Финансов. А. А. Савич отмечал, что крестьяне, числящиеся по ведомству Министерства Финансов, были разбиты по двум департаментам: 1) приписанные к фабрикам и заводам «мануфактурной промышленности» находились в ведомстве Департамента мануфактур и внутренней торговли (сюда относились заводы

²⁴ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 246, л. 3 об.

²⁵ Там же, л. 30—32.

²⁶ Там же.

стеклянные, свеклосахарные и др., население которых безусловно не могло быть отнесено к горнозаводскому); 2) приписанные к горным заводам и промыслам и числящиеся по Департаменту Горных и Соляных Дел. Именно последних он и относил к предреформенным горнозаводским крестьянам ²⁷.

Поддержала и углубила эту точку зрения Э. А. Лившиц. Она писала: «Под крестьянами горнозаводскими подразумевалось все крестьянское население частных горных заводов, подведомственное (через горное управление) Министерству Финансов, а не Министерству Внутренних Дел, как все прочее крестьянское население. Горнозаводские крестьяне делились на следующие разряды: 1) приписанные к частным заводам от казны; 2) крепостные заводские, прикрепленные к заводу, а не к лицу; 3) состоящие на праве владельческом, но числящиеся по спискам Министерства Финансов» ²⁸.

Таким образом, А. А. Савич и Э. А. Лившиц основным критерием принадлежности к горнозаводскому населению считали подведомственность Министерству Финансов (по Горному Департаменту).

Ввиду отсутствия полной ясности в определении состава горнозаводского населения до сих пор остается не выясненным вопрос о численности его накануне реформы. Для решения проблемы исследователи используют разные, порой несравнимые источники.

Впервые данные о численности горнозаводского населения появились в 1925 г. в работе А. А. Савича ²⁹. Как указывалось выше, автор смешивал горнозаводское население со всем крестьянством Урала. Данные он брал из работ статистико-экономического характера конца прошлого века ³⁰, не указывая, имеет ли он в виду только мужской пол или население обоего пола, когда говорил о крестьянах Пермской губернии, приписанных к казенным заводам (46 500 душ) и к частным заводам (148 587 душ) накануне реформы.

Значительно глубже к определению численности горнозаводского населения перед реформой подошел Ю. Гессен (1929 г.). Исследуя разные источники, он установил, что сведения о числе крестьян с семьями, перед реформой прикрепленных к частным заводам, противоречивы. При проведении в 1858—1859 гг. X народной переписи фабричные и горнозаводские крестьяне были отнесены к одной группе. На основании данных работы А. Трой-

²⁷ Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М., 1931, с. 86.

²⁸ Лившиц Э. А. «Реформа» 1861 г. и горнозаводские крестьяне Урала.— Исторические записки, 1949, № 30, с. 141.

²⁹ Савич А. А. Прошлое Урала..., с. 94.

³⁰ См.: Красноперов Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права... Пермь, 1886; Грибель В. Поземельная собственность в Пермской губернии. Пермь, 1886; и др.

ницкого о X ревизии³¹ Ю. Гессен составил таблицу, в которой крепостное заводское население на владельческом праве показано только в Оренбургской губернии (87 522 душ об. п.), на посессионном праве — во всех губерниях (307 589 душ об. п.), а на казенном праве не показано вообще. Однако, как отмечает далее автор, по сведениям Горного Департамента, в Пермской губернии на владельческом праве числилась 102 551 душа об. п., которые не показаны в работе А. Тройницкого, будучи, вероятно, включенными по X ревизии в общее число помещичьих крестьян. Данные о казенных округах в материалах ревизии у А. Тройницкого также отсутствуют, поэтому число населения 6 казенных округов Урала (192 801 душа об. п.) Ю. Гессен извлек из материалов Государственного Совета по отделению дел об устройстве сельского состояния. Поскольку автор считал, что данные, взятые из трех источников (А. Тройницкий, Горный Департамент, Государственный Совет), не сопоставимы, он не пытался их суммировать и общей цифры горнозаводского населения ни по Уралу, ни по Пермской губернии не дал³².

Э. А. Лившиц (1949 г.) составила ведомость о горнозаводских людях, состоявших на частных горных заводах ведомства Уральского и Московского горных правлений по X ревизии, на основании хранящихся в ЦГИА СССР материалов Министерства Финансов³³. Автор отмечает, что эти данные расходятся с данными А. Тройницкого, но Министерству Финансов отдает предпочтение как более осведомленному учреждению. Именно на основании этих ведомостей Министерством Внутренних Дел впоследствии были разосланы губернаторам ведомости о приписанных к частным горным заводам крестьянам по отдельным губерниям. Последнее замечание особенно ценно, поскольку позволяет видеть в этих данных именно тот контингент людей, на которых распространились законы 1861 г. о горнозаводском населении. Характерно, что данные по вотчинным заводам Пермской губернии полностью совпадают с данными Ю. Гессена, что также говорит в пользу этих цифр. Всего, по данным Э. А. Лившиц, на частных и посессионных заводах Пермской губернии числилось 377,6 тыс. душ об. п., а по Уралу — 495,7 тыс.

В работе М. А. Горловского и А. Н. Пятницкого (1954 г.) со ссылкой на данные X ревизии и без указания источника называлась численность горнозаводского населения Пермской губернии в 1858 г. (438,3 тыс. душ об. п.)³⁴. Однако, как нам известно, в материалах ревизии не выделялось горнозаводское население вотчинных и казенных округов, поскольку оно было объединено

³¹ Тройницкий А. Крестьянское население России по X народной переписи. СПб., 1861, с. 21, 47.

³² Гессен Ю. История горнорабочих в СССР. М., 1929, т. 2.

³³ Лившиц Э. А. «Реформа» 1861 г. ..., с. 171—173.

³⁴ Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954, с. 291.

со всей массой крестьянского населения. Ввиду этого данные М. А. Горлового и А. Н. Пятницкого вызывают большое сомнение.

В работе Ф. С. Горового, вышедшей также в 1954 г., приводятся данные о горнозаводском населении Пермской губернии в 1860 г. (486,7 тыс. душ об. п.), взятые из работы Е. И. Красноперова «Двадцатипятилетие Пермского края...»³⁵. Но у Е. И. Красноперова не указан источник, откуда взяты эти данные, поэтому не ясно, какие категории населения включены в понятие «заводские мастерские при казенных заводах», «при посессионных заводах», «при заводах на помещичьем праве»³⁶. В 1959 г. М. И. Черныш повторил в своих работах эти цифры, указав, однако, что это данные по X ревизии (хотя у Е. И. Красноперова такой ссылки нет)³⁷.

Наиболее фундаментальное исследование о проведении реформы 1861 г. на горных заводах Урала было выполнено Ф. С. Горовым³⁸. Его монография детально освещает численность, положение и формы классовой борьбы разных категорий населения горнозаводских округов накануне реформы, процесс ее подготовки и осуществления на заводах разных форм собственности, борьбу населения в пореформенный период. Численность горнозаводского населения перед реформой Ф. С. Горовой также извлек из данных Министерства Финансов, дополнив уже известные нам по статье Э. А. Лившиц данные по частным и посессионным заводам данными по казенным заводам. В результате этого нам впервые была представлена численность всего горнозаводского населения Урала накануне реформы 1861 г.— 328 158 душ м. п.

Более детальный анализ этих данных дает Р. Е. Рутман, используя также ведомости о людях, прикрепленных к горным заводам, отложившиеся в фондах Министерства Финансов³⁹.

Данные Министерства Финансов используются и в новейших исследованиях, посвященных истории рабочих Урала в период капитализма, где общая численность горнозаводского населения Урала перед реформой исчисляется в 329 354 души м. п. Под горнозаводским населением понимаются люди, подведомственные Министерству Финансов⁴⁰.

³⁵ Красноперов Е. И. Указ. соч., с. 110—113.

³⁶ Горовой Ф. С. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954, с. 19.

³⁷ Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; История Урала. Пермь, 1963, т. 1, с. 304.

³⁸ Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

³⁹ Рутман Р. Е. Состав и численность рабочих горнозаводского Урала накануне отмены крепостного права.— Исторические записки, 1977, т. 80, с. 271—286.

⁴⁰ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. М., 1985, с. 29.

Однако остается недостаточно ясным, какие же категории населения ко времени реформы 1861 г. находились в ведении Министерства Финансов⁴¹. В структуре Департамента Горных и Соляных Дел делами горнозаводской промышленности ведали отделение казенных заводов и отделение частных заводов. Отделение казенных заводов имело в своем ведении, в частности, «все казенные горные металлургические заводы (исключая принадлежащие кабинету Его Императорского Величества) с их чиновниками, мастеровыми и рабочими людьми, непременноми работниками и приписными крестьянами, пока сии последние приписными остаются»⁴². В ведении отделения частных заводов находились «мастеровые и работные люди, данные от казны заводам, имеющим от казны пособие»⁴³. Никакие другие категории населения в ведении Министерства Финансов по Горному Департаменту не находились.

Таким образом, до времени подготовки реформы Министерство Финансов ведало лишь людьми, данными от казны либо казенным, либо посессионным заводам; все остальные категории населения находились в ведении Министерства Внутренних Дел (на крепостном или ограниченном крепостном праве) или Министерства Государственных Имуществ (государственные крестьяне и т. п.). В процессе подготовки реформы возникла необходимость выяснить общую численность населения, так или иначе занятого в горнозаводском производстве или прикрепленного к горным заводам. В результате этого, на наш взгляд, и возникли вошедшие в научный оборот ведомости о горнозаводском населении, подведомственном Министерству Финансов.

Таким образом, в документах Министерства Финансов сосредоточились данные не о численности горнозаводского населения как специфического сословия, образовавшегося на базе горной промышленности, а о численности населения, принадлежащего к разным сословным группам, но в той или иной степени занятого в горнозаводском производстве.

⁴¹ ПСЗ-1, т. 31, № 24 688.

⁴² Там же, § 45.

⁴³ Там же, § 48, п. 2.

Ю. И. КИРЬЯНОВ

**УЛИЧНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ РАБОЧИХ В РОССИИ
В 1895—1900 гг.**

В советской историографии уделено большое внимание стачкам: исследованию стачечных выступлений рабочих, разработке статистики стачек в различные периоды рабочего движения; специальных же исследований по этой теме не предпринималось. В литературе нет данных о числе демонстраций, их классификации, по причинам и другим показателям; не делалось и попыток сопоставления числа стачек и демонстраций по годам. Более того, приводимые в некоторых работах данные, например, о первомайских демонстрациях, разноречивы. Методика подсчета данных о демонстрациях, как правило, неясна и разнородна: в одних случаях учитывались лишь уличные демонстрации, в других — и манифестации в театрах и т.п. Иногда выпуск листовок с призывом к политической борьбе и демонстрациям учитывался как свершившаяся демонстрация.

Между тем В. И. Ленин уже в первые годы XX в. придавал важное значение изучению различных форм борьбы рабочего класса, в том числе и демонстраций. В работе «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду» (декабрь 1902 — январь 1903 гг.) он обратил внимание на важность сбора сведений о демонстрациях: «22. Демонстрации. Свод данных по каждой демонстрации. Попытки организации вообще? — отпора в частности? — вооружения? Взгляды на этот счет рабочих и «практиков» вообще?

Дополнение и проверка партийной литературы о демонстрациях»¹.

Одной из предпосылок всестороннего изучения рабочего движения является составление «сводок» объективных данных, создание достаточно полной источниковой базы исследования вопроса.

В данной статье предпринята попытка на основе проработки довольно обширного и разнообразного круга печатных и архивных источников составления хроники всех уличных демонстра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 79.

ций рабочих и демонстраций рабочих с участием студентов и интеллигентов (демонстрации, в которых принимали участие исключительно студенты и интеллигенты, не учитывались), составить их сводку с учетом возможно большего числа показателей и дать их анализ.

Мы учитывали только уличные демонстрации (шествия), какими бы кратковременными они ни были. К ним причисляются манифестации на вокзалах в связи с проходами политических ссыльных, которые, однако, по условиям мест их проведения, как правило, не выливались в шествия. Демонстрации, проходившие одновременно в различных местах города или в одном и том же месте, но в различное время дня, рассматривались в каждом отдельном случае как самостоятельные выступления. Не учитывались уличные манифестации типа уличного собрания, митинга, а также «отмененные» демонстрации (когда рабочие собирались в условленном месте, но затем по указаниям организаторов расходились); не учитывались демонстрации протеста — манифестации — в помещениях, например, в театрах, в церквях, тюрьмах (эти последние демонстрации-манифестации могут быть предметом самостоятельного изучения). Следует подчеркнуть, что среди демонстраций необходимо выделить в особую группу именно уличные, как наиболее действенную форму протеста.

Схема учета сведений об уличных демонстрациях следующая: 1. год, месяц, число; 2. город (поселок), улица, уезд, губерния; 3. причина (повод): А — 1 Мая; Б — репрессии: арест, высылка, сдача в солдаты студентов, расправа над участниками массовых выступлений, запрет на проведение вечера, собрания и т. п.; В — правительственные акции, манифесты или их годовщины (например, годовщина отмены крепостного права 19 февраля 1861 г.); Г — призыв на службу в армию; Д — тяжелое экономическое положение, стачка на этой почве; Е — смерть и похороны рабочего или участника революционного движения; Ж — прочие и с невыясненным поводом; 4. состав участников (рабочие или рабочие совместно со студентами, интеллигентами); 5. количество участников; 6. продолжительность; 7. организатор (комитет РСДРП или др.); распространялись ли предварительно прокламации (их темы, название, издатель); 8. поднимались ли флаги (каковы были надписи на них)? пелись ли песни (какие)? произносились ли речи (их темы)? распространялись ли прокламации? 9. были ли столкновения с полицией? имелись ли жертвы? были ли аресты? 10. общественный резонанс (повторная демонстрация, сообщение в печати и др.); 11. источники: архивные (официальных лиц — полицейских чиновников и др.); газетные и журнальные; публикации документов в советское время.

Следует специально остановиться на источниковой базе работы. Это документы полицейских чиновников, фабричных ин-

спекторов, следственные материалы в фондах Особого отдела и 7-го делопроизводства Департамента полиции МВД, Министерства юстиции, еженедельные всеподданнейшие записки, материалы Горного департамента ЦГАОР СССР и ЦГИА СССР в Ленинграде, а также соответствующие документы ЦГИА УССР, ЦИА БССР, ЦГИА г. Москвы, Государственного архива Владимирской области и некоторых других областных и городских архивов; материалы нелегальной печати тех лет.

По приведенной выше схеме с использованием описанной выше методики учета и на базе весьма разнообразного и широкого (без видимых упущений) круга источников нами составлена хроника уличных демонстраций за 1895—1900 гг. Хроника дает возможность составить статистические таблицы и перейти от изучения демонстраций через их описание к изучению путем анализа репрезентативного систематического материала, включающего в себя важнейшие показатели этой формы борьбы. Вполне понятно, что ограниченность сведений в первоисточниках не позволяла подчас собрать и представить в хронике данные по всем 11 рубрикам описанной выше учетной карточки. И тем не менее собранный материал дает широкую возможность для наблюдений и заключений относительно развития рабочего движения и его политизации непосредственно накануне первой российской революции.

Перейдем к анализу сводки данных об уличных демонстрациях рабочих в России в 1895—1900 гг. (см. приложение).

Для этого периода выделяются четыре группы поводов: 1 — 1 Мая, 2 — репрессии властей, 3 — похороны товарищей по работе или революционеров, 4 — прочие и с невыясненными причинами.

Уличные демонстрации рабочих (или с их участием) до 1899 г. исчислялись ежегодно единицами: 1895 г. — 1, 1896 г. — 2, 1897 г. — 3, 1898 г. — 5. В последующие годы они стали исчисляться десятками: 1899 г. — 24, 1900 г. — 25. Основной повод для демонстраций первых четырех лет рассматриваемого периода — репрессии властей. Но уже в 1898 г. 2 демонстрации прошли в связи с празднованием Дня международной пролетарской солидарности — 1 Мая. С 1899 г. заметно увеличивается число демонстраций по всем названным выше причинам. В ряде мест стали практиковаться политические демонстрации во время похорон товарищей по работе, активистов партийного подполья. Примечательно, что начальник Варшавского отделения охраны в донесениях в Департамент полиции в 1900 г. обращал внимание на антиправительственные демонстрации в Варшаве, сопровождавшие похороны рабочих; студентов, писателей, артистов и других лиц.

Демонстраций по поводу призыва новобранцев, мобилизации в армию, весьма распространенных в начале XX в., в рассматриваемый период была лишь одна: в 1899 г. — в Минске.

Наибольшее число демонстраций в рассматриваемый период прошло в Польше (25). На Украине и в Прибалтике (Латвии, Литве, Эстонии) их было по 9, в Белоруссии — 7. Рабочие Петербурга и всего Северо-Западного региона, Москвы и всего Центрального промышленного района, а также Урала проявили в это время слабую активность: число уличных демонстраций здесь определялось соответственно 1, 2 и 1. В таких регионах, как Среднее и Нижнее Поволжье, Дон и Северный Кавказ, Центральный Черноземный район, Сибирь и Дальний Восток, Кавказ и Закавказье (Азербайджан, Грузия, Армения), Молдавия, Средняя Азия и Казахстан, уличных демонстраций с участием рабочих ни нелегальной печатью, ни полицейскими документами зарегистрировано не было.

В 1895—1900 гг. уличные демонстрации рабочих по всем поводам прошли в 23 населенных пунктах: в 11 губернских городах, в 8 уездных и 4 — иного статуса. При этом выделялись губернские центры Варшава (14), Харьков (6), Вильно (5), Витебск (5); по две демонстрации прошли в Риге, Лодзи, Гельсингфорсе, по одной — в Петербурге, Москве, Киеве, Минске. В уездных городах и прочих населенных пунктах организовать уличные демонстрации было гораздо сложнее. Поэтому среди них редко встречались места, где удавалось провести более одной демонстрации: пролетарский район Домброво, Бендинского уезда Петроковской губ. (7) и Белосток, уездный город Гродненской губ. (2). В остальных уездных городах — Златоусте (Уфимской губ.), Двинске (Витебской губ.), Кременчуге (Полтавской губ.), Шуе (Владимирской губ.), Або, Выборге, Котке (Финляндия), а также Жмеринке (Винницкого уезда Подольской губ.), Креславке (Двинского уезда Витебской губ.), Сморгони (Ошмянского уезда Виленской губ.) прошло по одной демонстрации. Особенно активно участвовали в демонстрационном движении рабочие западных городов.

Тот скачок в числе уличных демонстраций, который наблюдался в 1899 и 1900 гг. по сравнению с предшествовавшим периодом, был следствием более активного участия партийных сил в руководстве движением. До 1899 г. источники редко содержат сведения о партийном руководстве демонстрациями: имеются указания на социал-демократов и представителей Польской социалистической партии (ППС). С 1899 г. такие ссылки уже более часты: в этой связи говорится о социал-демократической партии, социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), ППС. Демонстрации стали сопровождаться пением революционных песен. Наиболее популярными были «Варшавянка» и «Красное знамя», «Дубинушка» (Харьков); в Минске на первомаяской демонстрации (18 апреля) пели «Марсельезу». На многих демонстрациях их участники несли красные флаги нередко с революционными лозунгами. Обычно это были призывы к борьбе, требование «хлеба и свободы», здравицы в честь

рабочего союза (Витебск, 1899; Вильна, 1900). На первомайском выступлении в Минске в 1900 г. впервые прозвучал лозунг «Долой самодержавие!»

Даты в приведенной ниже «Хронике» даны по старому стилю; соблюдается хронологический порядок подачи сведений; события, происшедшие в один день, даются в порядке алфавита городов.

Приложение

Хроника уличных демонстраций рабочих в России в 1895—1900 гг.

1895 г.

№ 1. 1. май, 17; 2. Шуя, уездный город Владимирской губ.; 3. «встреча» арестованных тейковских рабочих, препровождаемых в местную тюрьму (Б); 4. рабочие; 5. 2000 чел.; 8. манифестация «без сочувственных возгласов по отношению к арестованным», встречавшие были свободны от работ; 11. 1) Рабочее движение в России в XIX в., т. IV, ч. 1, М., 1961, с. 103—104. (Далее «р. дв.»).

1896 г.

№ 1. ноябрь, начало; 2. Варшава, Варшавский уезд и губ.; 3. похороны рабочего, погибшего у вальцевой машины на фабрике железных изделий (Е); 4. рабочие; 11. 1) Листок «Работника», Женева, 1896, декабрь, № 2, с. 5; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 732.

№ 2. 1. ноябрь, 18; 2. Москва, Ваганьковское кладбище, Московский уезд и губ.; 3. полугодовщина Ходынской катастрофы (гибель людей на празднестве в связи с коронацией Николая II) (Б); 4. рабочие; 7. накануне социал-демократами издана прокламация; 11. 1) Лядов М. История РСДРП. Ч. II. СПб., 1906, с. 3—4.

1897 г.

№ 1. 1. март, 4; 2. Петербург, Казанская пл.; 3. по поводу самоубийства курсистки М. Ф. Ветровой (Б); 4. учащаяся молодежь, а также рабочие; 11. ЦГАОР СССР, ДП, 3 д-во, 1891, д. 789, ч. 109.

№ 2. 1. март, 18; 2. Киев; 3. демонстрация в память курсистки М. Ф. Ветровой, покончившей с собой (Б); 4. студенты и рабочие; 10. аресты; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1903, л. 1003, л. 12.

№ 3. 1. декабрь, 14; 2. Вильна; по дороге от пересыльной тюрьмы на станцию; Виленский уезд; 3. высылка из города партии политических заключенных (Б); 8. «во время сопровождения из пересыльной тюрьмы на железнодорожную станцию «Вильна» партий арестантов, высылаемых административным порядком», несколько человек [мещан], «желая выразить высылаемым свои симпатии, кричали им вслед «ура», снимали шляпы, махали им руками»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124 (МЮ, Врем. канц.), 1898, д. 90, л. 1.

1898 г.

№ 1. 1. апрель, [18 ?]; 2. Кременчуг; уездный город Полтавской губ.; 3. демонстрация 1 Мая (А); 4. [рабочие]; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 3-д-во, 1903, д. 1317, ч. I.

№ 2. 1. май, 1; 2. Домброво-Сосновицы; Петроковская губ.; 3. шествие по улицам города 1 Мая (А); 7. распространение объявлений от имени Рабочего комитета с приглашением 1 мая в 3 часа прийти на «большое собрание в Силезский парк»; 8. красные флаги на деревьях и на телеграфных столбах, на некоторых из них надписи: «Да здравствует 1 Мая!», «Да здравствует Польша рабочих!», «Мы требуем 8-часового дня!» и т.д.; шествие по улицам возле парка, который оказался запертым, с пением «Красного знамени»; шествие по улицам города. 9. заблаговременно к парку были вызваны полиция, жандармы и солдаты из Ченстохова; 11. 1) «Летучие листки» фонда Вольной Русской Прессы в Лондоне, 1898, 7 июля, № 43, с. 10—11.—ЦГАОР СССР, коллекция нелегальных изданий, № 5761; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, М., 1963, с. 254, 773.

№ 3. 1. май, 7; 2. Котка; Екатерининский парк; Финляндия; 3. сходка «демонстративного характера» в связи с борьбой против пьянства и неудовлетворенностью экономическим положением (Д и Ж); 4. фабричные рабочие г. Котки; 5. 5—6 тыс. чел., сопровождаемые толпой; 8. произносились речи революционного характера с эстрады; 2 красных флага с девизами «Общими силами к общей цели» и «Долой неравенство голосов» (при общественных выборах); флаги бело-синий и красный с надписями «долой силу алкоголя»; один из ораторов «обрисовал гнет, под которым он нашел рабочих в долине р. Кюммене», советовал рабочим всех местных фабрик и заводов забастовать и тем принудить хозяев к исполнению их (рабочих) требований», «в заключение оратор указал, что лишь рабочие борются за идеальные цели, прочие же члены общества заботятся исключительно о своих интересах и выгоде»... 10. В связи с призывом одного из ораторов к стачке на следующий день 140 рабочих завода Хистансна забастовали; 11. 1) Донесение начальника Финляндского ЖУ от 15 мая 1898 г.—ЦГАОР СССР, ДП. ОО, 1898 г., д. 4, ч. 24, л. 1—2.

№ 4. 1. май, 18; 2. в трех верстах от Выборга; парк Хусниemi; 3. общее собрание всех рабочих Выборга «с целью взаимного обсуждения положения рабочего класса»; 4. рабочие; 5. 6000 рабочих, мужчин и женщин; 8. выступление нескольких ораторов; сотрудник одной из финских газет («Wipurin Sanomat») сказал, что «уже давно финский рабочий класс добивается улучшения своего положения, т. е. увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня, но напрасно, и на все свои просьбы получает со стороны богачей и хозяев лишь оскорбления»; в заключение он воскликнул: «Да здравствуют цели и стремления рабочих!»; рабочий-медник сказал, что «рабочим нечего ожидать от хозяев и капиталистов, когда само финляндское правительство отнимает от рабочих, делая заказы за границей»; особое же впечатление на рабочих произвела речь печника Рясненена, «в заключение он указал на стачку в г. Котке, где забастовали рабочие завода Халле, причем предложил собрать для их поддержки сколько-нибудь [средств] среди присутствующих, что и было последними исполнено»; 11. 1) Донесение в. и. д. начальника Финляндского жандармского управления от 27 мая 1898 г.—ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 4, ч. 24, л. 6.

№ 5. 1. сентябрь, 18; 2. на кладбище поселка завода Гута-Банкова; Бендинский уезд Петроковской губ.; 3. в память убитых солдатами год назад—18 сентября 1897 г. (во время волнения) рабочих этого завода (Б); 4. рабочие завода Гута-Банкова; 7. организация ППС; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1899, д. 541, л. 150.

1899 г.

№ 1. 1. январь, 19; 2. Витебск; Витебский уезд и губ.; 3. похороны работницы (Е); 4. рабочие; 11. 1) Рабочее дело, 1900, апрель, № 6, с. 76—77; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 787.

№ 2. 1. февраль, 28; 2. Вильна; сбор у Пересыльной тюрьмы и затем «демонстрация» у железнодорожного депо; 3. отправленные партии арестантов (включая 8 политических) из Пересыльной тюрьмы на железнодорожную станцию «Вильна» в связи с их административной высылкой (Б); 4. народ, рабочие; 5. «толпа народа»; 8. «когда арестанты в сопровождении конвоя и чинов полиции дошли до железнодорожных мастерских, их встретили толпы сапожников, каменщиков, столяров и других рабочих и их жен. Во время прохода этапа люди эти, сняв шапки и фуражки, стали кричать «ура», «браво» и махать фуражками и платками. Затем часть толпы бросилась к арестантам, но была отогнана полицией и конвойными»; 9. Столкновение с полицейскими; задержаны двое рабочих и женщина, кричавшая «ура»; 11. 1) Отношение прокурора Виленской судебной палаты от 3 марта 1899 г.—ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 8, 1899, д. 117, л. 1—1 об.

№ 3. 1. март, 6; 2. Белосток; Гродненская губ.; 3. демонстрация по поводу высылки в Сибирь осужденных участников летней стачки ткачей 1896 г. (Б); 4. рабочие; 11. 1) Рабочее дело, 1899, август, № 2—3, с. 102; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 789.

№ 4. 1. апрель, 3; 2. Харьков; вокзал; Харьковский уезд и губ.; 3. проводы студентами «своих товарищей, высланных из Харькова за участие в студенческом движении» (Б); 4. студенты (от 400 до 500 чел.) и рабочие; «3 и 4 апреля на вокзале среди публики были замечены лица, политически неблагонадежные, и рабочие, последние поддерживали студентов криками «ура»; «Демонстрации студентов, взбудоражившие весь город и вызвавшие общее сочувствие харьковского населения, нашли особенно живой отклик в рабочей среде. Аресты сотен демонстрантов и препровождение их под конвоем в тюрьмы, проводы высылаемых студентов, дышавшие бодростью и призывом к борьбе речи, произносимые студентами на вокзале, захватывали рабочих, и среди 2—3-тысячной толпы, нередко собиравшейся на вокзале для проводов высылаемых, всегда были многие сотни рабочих, открыто выражавших свое сочувствие студентам»; 5. 2—3-тысячная толпа, включавшая несколько сот рабочих; 8. на вокзале студентами произносились речи о солидарности с киевскими студентами; при отходе поезда крики «ура»; 11. 1) Донесение начальника губернского жандармского управления в ДП от 6 апреля 1899 г.— ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 3, ч. 1, лит. Б, т. 3, л. 62; 2) Рабочее движение в Харькове. Женева, 1900, с. 4—15 (ЦГАОР СССР, колл., нелег. изд., № 1390).— Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 617.

№ 5. 1. апрель, 4; 2. Харьков; вокзал; Харьковский уезд и губ.; 3. вторая демонстрация на вокзале в связи с проводами студентами «своих товарищей, высланных из Харькова за участие в студенческом движении» (Б); 4. студенты (от 400 до 500 чел.) и рабочие; «3 и 4 апреля на вокзале среди публики были замечены лица, политически неблагонадежные, и рабочие, последние поддерживали студентов криками «ура»; 8. на вокзале студентами произносились речи о своей солидарности с киевскими студентами; при отходе поезда крики «ура»; рабочие поддерживали студентов криками «ура»; 11. 1) Донесение начальника Харьковского губернского жандармского управления в ДП от 6 апреля 1899 г.— ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 3, ч. 1, лит. Б., т. 3, л. 62.

№ 6. 1. апрель, 17; 2. Рига; вокзал; Рижский уезд Лифляндской губ.; 3. высылка из Риги студентов за участие в студенческом движении (Б); 4. студенты и рабочие; 5. «большое количество рабочих»; 8. «лифляндский губернатор в отношении в МВД упоминал о присутствии на вокзале в г. Риге большого количества рабочих, готовых принять активное участие в демонстрации студентов, провожавших своих товарищей, высылаемых из Риги за участие в студенческом движении»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 3, ч. 1, лит. Б, т. 5, л. 55 об.

№ 7. 1. апрель, 19; 2. Вильна; сбор в Замковом сквере; шествие от дома главного начальника края по Большой ул. в 9 часов вечера; Виленский уезд и губ. 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. сначала 30—40 чел., а затем 200 чел.; 8. впереди толпы несли на короткой палке красный флаг; возгласы «Да здравствуют рабочие!», «Ура!»; пение; на месте шествия найдена рукопись под названием «Марсельеза» («Отречены от старого мира»); 9. толпа вооружена палками, аресты 4 чел.; всего задержано 17 чел.; попытки освободить арестованного; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124 (МЮ. Врем. канц.), 1899, д. 11900, л. 1—2; 2) ф. 124, оп. 8, 1899, д. 118, л. 1—4 об.; 3) ДП, 3 д-во, 1900, д. 1375, л. 1, 3; 4) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 794.

№ 8. 1 апрель, 19; 2. Домброво-Сосновичский каменноугольный район; Петроковская губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 11. 1) Рабочее дело, 1899, август, № 2—3, с. 28; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 794.

№ 9. 1. апрель, 30; 2. Варшава; Варшавский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 11. 1) Рабочее дело, 1899, август, № 2—3, с. 27; 2) киевская рабочая газета «Вперед», 1899, ноябрь—1900, март, с. 43—44 — перепечатка из «Vorwärts» (ЦГАОР СССР, коллекция нелегальных изданий, № 98); 3) Р. дв., т. IV; ч. 2, с. 461, 795.

№ 10. 1. апрель [с 28 по май, 1]; май, 1; 2. Харьков; возле здания казарм, где содержались арестованные студенты; Харьковский уезд и губ.; 3. арест студентов «за участие в уличных беспорядках» (Б); 4. студенты и рабочие; 5. толпы; 1500 рабочих; 8. «около здания казарм, где содержатся арестованные, каждый вечер собирались будто бы толпами рабочие и проводили сочувственные студентам демонстрации»; «вечером в день 1 мая, по рассказам очевидцев, полуторатысячная толпа рабочих, заводских и ремесленных окружила здание Ващенко-Васильевских казарм, где содержались арестованные студенты, и кричала им «ура». Среди рабочих поговаривали о необходимости освободить арестованных, поддержать со своей стороны движение, поднятое студентами»; 9. казахи разъезды встречали свистками и бросанием камней; «около казарм толпа держала себя очень вызывающе, и в результате явилось столкновение с полицией и казаками...» 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 3, ч. 1, лит. Б, л. 140; 2) Рабочее движение в Харькове. 1900, с. 4—15 (ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., 1390).—Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 617, 618.

№ 11. 1. май, 1; 2. местечко Жмеринка; шествие по поселку Жмеринка в 10 часов вечера; Винницкий уезд Подольской губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. 200 чел.; 7. в ночь с 27 по 28 апреля в Жмеринке были расклеены от имени «социал-демократической партии» 8 прокламаций, призывавших рабочих к забастовке 1 мая (по н. ст.) и предъявлению различных требований; в ночь с 27 на 28 апреля в поселке Жмеринке на станционных путях около железнодорожного депо и около квартир некоторых част-

ных лиц были разбросаны и расклеены несколько экземпляров «воззвания к 1 Мая» за подписью Российской социал-демократической рабочей партии» и «№ 5 [за март] киевской рабочей газеты [«Вперед»], изд. Киевским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии»; 8. во время шествия возгласы «ура»; 9. «рассеяна мерами полиции»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 34, д. 7—7 об.; 2) ЦГАОР СССР, ф. 124 (МЮ, Врем. канц.), 1899, д. 11934, л. 12—13 об.; 3) ДП, Ежегод. зап., 1899, д. 83, л. 119—121; 4) Р. дв., т. IV, ч. 2, л. 797.

№ 12. 1. май, 1; 2. Харьков; Харьковский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 11. 1) Извлечение из всеподданнейшего отчета Харьковского губернатора (ноябрь 1899 г.).—ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 12, лит. А., л. 44—46.

№ 13. 1. май, 2. город в Финляндии; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 3 д-во, 1901, д. 1, ч. 25, лит. А (первомайская демонстрация 1899 г.).

№ 14. 1. май, 7 (пятница); 2. Рига; шествие от фабрики к дому губернатора, вечером; Рижский уезд Лифляндской губ.; 3. работницы одной из фабрик, недовольные расчетом фабричной конторы (Д); 4. работницы; 5. несколько сот человек; 9. полиция; пожарные пытались разогнать демонстрантов, поливая их водой из труб, подоспевшие отцы, мужья, братья женщин-работниц избили околоточного и пристава, вызваны войска, разогнавшие толпу; арестовано 6 чел.; 11. 1) Рига (от нашего корр.).—газ. «Россия», 1899, 11 (23) мая, № 14; 2) ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 13, ч. 12, л. 1, 4 об.

№ 15. 1. июнь, 19 [июнь, начало, по н. ст.]; 2. Витебск; Витебский уезд и губ.; 3. демонстрация в связи с похоронами слесаря М. Кивенсона, привлекавшегося по политическому делу и «покончившего в тюрьме самоубийством» (Е и Б); 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 8, 1899, д. 139 (199), л. 1—4; 2) ДП, ОО, 1905, д. 226, л. 1, 15 об. (Список разыскиваемых участников демонстрации в Витебске); ДП, ОО, 1905, д. 221, л. 13 об.; 3) ДП, 1902, д. 2557; 4) Рабочее дело, Женева, 1899, август, № 2—3, с. 97 (ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., № 5254); 5) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 604.

№ 16. 1. июнь, 21; 2. Златоуст; уездный город; Уфимская губ.; 3. похороны бывшего заводского мастера А. С. Тютёва, «главного агитатора по рабочему вопросу, умершего через несколько дней после возвращения из Уфимской тюрьмы» (Е); 4. рабочие; 5. «большое количество»; 8. 2 венка, на одном надпись: «Незабвенному А. С. Тютёву, братья и друзья рабочих»; по поводу смерти Тютёва рабочие говорили, что он «пострадал невинно, что его уморили, уморят и других арестованных, что Тютёв пострадал из-за рабочих, интересы которых он отстаивал...»; «за Тютёва с товарищами нужно богу молиться, т. к. благодаря им время суточной работы сокращено до 8 часов»; «рабочие высказывали сожаление, что не знают, кто выдал Тютё-

ва»; «если знали бы, то убили бы того человека»; 10. в июле 1902 г. на Кусинском заводе было обнаружено воззвание «К уральским рабочим», изданное к годовщине смерти рабочего Тютёва А. С., привлекавшегося в 1899 г. к следствию» за участие в кружковой работе на Златоустовском заводе»; 11. 1) Отношение Уфимского губернатора от 16 июля 1899 г.—ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 9, ч. 7, лит. А, л. 1; 2) ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 3, лит. В, л. 13—17.

№ 17. 1. лето [до августа]; 2. Варшава; шествие от д. Дреwnицы, под Варшавой, до города; Варшавский уезд и губ.; 4. рабочие; 5. несколько сот рабочих; толпа, шедшая к Варшаве с песнями, состояла из 200 чел.; 8. в лесу возле д. Дреwnицы рабочие сидели группами, пели песни «преступного содержания» («Варшавянку», «Червоный штандарт» и т. п.); во время шествия из деревни к Варшаве — пение; 10. в августе «пошли на Варшавских фабриках и в мастерских забастовки», «забастовали и каменотесы; пошли аресты...»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1899, д. 541, л. 166, 168.

№ 18. 1. сентябрь, 18; 2. поселок завода Гуты-Банкова, возле Домброва; римско-католическое кладбище, близ колонии Реден; Бендинский уезд Петроковской губ.; 3. годовщина убийства рабочих завода 18 сентября 1897 г. (Б); 4. рабочие; 5. до 100 чел.; 8. рабочие собирались на могилах убитых товарищей, «ходили с красным революционным флагом с белыми надписями, пели революционные песни»; на могиле оказался положенным венком с красной лентой с надписью на польском языке «От жителей Домброва и окрестностей работникам»; речь на кладбище: «сборище рабочих состоялось не с тою только целью, чтобы почтить память убитых товарищей в годовщину их смерти, но показать правительству, что рабочие готовы на борьбу с его деспотизмом..., ищут политической свободы и учреждения польской республики»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1899, д. 541, л. 149; 2) ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 21, лит. А, л. 40; 3) ф. 124, оп. 8, 1898, д. 173, л. 1; 4) Угник, 1899, октябрь, № 10; 5) Рабочее дело, 1899, сентябрь — декабрь, № 4—5, с. 122—123; 6) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 810.

№ 19. 1. сентябрь, 19; 2. поселок завода Гута-Банкова, возле Домброва; римско-католическое кладбище, близ колонии Реден; Бенденский уезд Петроковской губ.; 3. годовщина убийства рабочих завода 18 сентября 1897 г. (Б); 4. рабочие; 5. до 100 чел. (как и в предыдущий день); 8. хождение по кладбищу с красным флагом, пение революционных песен; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1899, д. 541, л. 149; 2) ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 21, лит. А, л. 40; 3) ф. 124, оп. 8, 1898, д. 173, л. 1.

№ 20. 1. сентябрь, 19; 2. Варшава; Варшавский уезд и губ.; 3. шествие по некоторым главным улицам в 4 часа пополудни; демонстрация; во время похорон столярного подмастера Игнатия Милевского, умершего в больнице от тифа (Е); 4. рабочие;

5. похоронную процессию сопровождало «значительное число рабочих»; 400 чел.; 8. на похоронных дрогах были венки с красными лентами; на одной была надпись: «От товарищей идеи»; «по совершении погребения, рабочие, собравшиеся в толпе более 400 чел., пели на Брудновском кладбище песни, а затем, разорвав ленты венков, разделили между собой отдельные куски»; пение «Червоного штандарта»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 8, 1899, д. 114, л. 1.

№ 21. 1. октябрь, 28; 2. Варшава; Варшавский уезд и губ.; 3. демонстрация (в день прибытия царя в Скерневичи на охоту); похороны социал-демократа Я. Танского — одного из деятельных борцов за рабочее дело, основателя «Союза социал-демократов в Королевстве Польском», сознававшего неразрывную связь польского рабочего движения с русским и стремившегося к объединению в один союз рабочих всех народностей (Е); 4. рабочие; 5. тысячная толпа рабочих и работниц; 8. не было духовенства и церковного песнопения, гроб несли рабочие; на катафалке — венки с красными лентами, на которых были надписи: «Товарищу — социалисты рабочие и работницы», «Он сеял семена человеколюбия», «Яну Танскому — молодежь»; «боевая песня пролетариата»; 11. 1) киевская рабочая газета «Вперед», 1899, ноябрь — 1900, март, № 8—9, с. 43—44 (перепечатка из «Vorwärts») — ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., № 98; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 459—461, 812.

№ 22. 1. ноябрь, 17; 2. Витебск; сбор в 4 часа дня возле управления уездного воинского начальника и шествие к вокзалу; Витебский уезд и губ.; 3. в связи с проводами новобранцев (Г); 4. преимущественно рабочие; 5. 300—400 чел.; 8. речь в саду около вокзала; слышались фразы: «Мы все тюрьмы и части прошли, себе свободы не нашли. Станем, братья, вплотную...»; «рабочие пропели несколько песен преступного характера на русском и еврейском языках»; 9. толпа в саду разогнана полицией; аресты; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1905, оп. 5, д. 263, л. 9 (Список разыскиваемых); 2) Рабочее дело, 1900, апрель, № 6, с. 75; 3) ДП, 3 д-во, 1901, д. 307; 4) ф. 124, оп. 8, 1899, д. 131, л. 1; 5) ДП, 00, 1898, д. 5, ч. 30, лит. Г, л. 27; 6) ДП, 00, 1903, д. 857, л. 4; 7) ДП, 00, 1905, д. 221, л. 15 об.; 8) ДП, 00, 1898, д. 6, ч. 857, л. 4; 9) ЦГАОР СССР, ДП, 5 д-во, 1900, д. 114; 10) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 813.

№ 23. 1. ноябрь, 18; 2. д. Нивей; Бендинский уезд Петроковской губ.; 3. демонстрация на могиле во время похорон рабочего копи графа Ренарда К. Пржиковского, участника восстания 1863 г. (Е и Ж); 4. фабричные рабочие; 5. до 30 чел. рабочих; 7. собравшиеся на похороны рабочие были известны как принадлежавшие «к рабочему кружку Польской социалистической партии»; 8. «на похороны... собралось до 30 чел. рабочих, которые, став вокруг могилы, пели революционные песни и положили на могилу венков с тенденциозными изображениями»;

«когда ксендз и родственники покойного ушли с кладбища, то туда явилось около 15 чел., неизвестных сторожу кладбища мужчин, вынули ноты и, пропев патриотические песни, положили красный флаг на могилу» и разошлись; 9. 3 участника заключены под стражу; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 7 д-во, 1899, д. 541, л. 149; 2) ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 8, 1899, д. 174, л. 1.

1900 г.

№ 1. 1. февраль, 13 (воскресенье); 2. Гельсингфорс; шествие на Сенатскую пл. рядами; Финляндия; 3. (Д и Б); 4. рабочие; 5. от нескольких сотен до 2000 чел.; 8. у демонстрантов значки с надписями «Хлеба голодным, правосудия обиженным», «8-часовой рабочий день», «Общее право голоса»; после речи сапожника была принята резолюция о необходимости подать в установленном порядке ходатайство, дабы заседающему в это время сейму было предложено рассмотреть вопросы о введении 8-часового рабочего дня и предоставления права голоса на выборах всем, кто достиг 21-летнего возраста; после возгласов «да здравствует» — резолюции одобрены; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1898, д. 9, ч. 20, лит. В, л. 1, 3; 2) Новое время, 1900, 17 февраля, № 8612.

№ 2. 1. февраль, 20 (воскресенье); 2) Варшава; шествие в 9 часов утра от костела больницы св. Роха на Брудновское кладбище; Варшавский уезд и губ.; 3. похороны рабочего Студзинского, освобожденного несколько ранее (в числе других) из-под стражи (Е); 4. рабочие различных национальностей; 5. 3000 чел.; 7. рабочие намеревались, собрав сведения о Студзинском, напечатать некролог в «Работнике» [орган ППС] и предложили «устроить демонстрацию во время его похорон в знак уважения к его личности как борцу за свободу и дабы еще раз показать правительству, насколько рабочие солидарны в борьбе за свои интересы»; 8. часть дороги рабочие несли гроб на руках; пение революционных песен «Красный штандарт», «Варшавянка», «Жегнай нас люду» и т. п.; «все время пути от костела до кладбища присутствовавшие шли с обнаженными головами, что вообще не принято у католиков и в особенности у евреев»; 11. 1) Отношение в. и. д. пом. Варшавского генерала-губернатора по полицейской части от 22 февраля 1900 г. — ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1898, д. 2, ч. 7, лит. А, л. 6 об.—7; 2) ЦГАОР СССР, ДА, Ежемед. зап., 1900, д. 32, л. 52—52 об.; 3) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 817.

№ 3. 1. февраль, 25 (ст. ст.); 2. Або; шествие в 12 часов дня от помещения дома «Союза рабочих» вдоль реки Луры до острова Харвенало; Финляндия; демонстрация; 4. рабочие механического завода «Crichton et CS»; 5. 60 чел.; 8. 22 февраля рабочие получили отказ на требование прибавить заработную плату; песни; красное знамя; шествие встречалось не участвовав-

шими в стачке рабочими того же завода возгласами «ура»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1898, д. 4, ч. 24, лит. Б, л. 4.

№ 4. 1. февраль, 27; 2. Вильна; Виленский уезд и губ. 3. отправка в 12 часов дня партии заключенных из пересыльной тюрьмы на ст. Вильна (Б); 4. «из ремесленного класса»; 5. толпа; около 100 чел.; 8. толпа «из ремесленного класса», встретив этап, начала кричать: «Ура, да здравствует свобода и наш рабочий люд!», подбрасывая при этом шапки; возгласы: «Да здравствуют политические! Ура! Да здравствует свобода и наш рабочий союз!»; 9. при появлении полицейских «вся толпа разбежалась»; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124 (МЮ, Врем. канц.), д. 11282, л. 1; 2) ф. 124, оп. 9, 1900, д. 178, л. 1—2; 3) ДП, 5 д-во, 1900, д. 223, ч. 1, л. 18; 4) ДП, 00, 1905, оп. 5, д. 263, л. 25 об.; 5) ДП, 00, 1905, оп. 5, д. 226, л. 4 об.; 6) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 817.

№ 5. 1. март, 4; 2. Белосток; уездный город Гродненской губ.; 3. демонстрация на похоронах товарища, умершего от туберкулеза (Е); 4. рабочие; 5. 2000 чел.; 11. 1) Искра, 1900, декабрь, № 1.—Искра. Вып. 1, Л., 1926; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 818.

№ 6. 1. март, 5; 2. Варшава; шествие из костела по Дикой ул.; 3. похороны студента Э. Живановского, «нанесшего себе рану в грудь выстрелом из револьвера» (Е); 4. студенты и «примкнувшие к ним по пути следования рабочие»; 5. толпа; 8. студенты и рабочие «порывались несколько раз петь песни революционного характера вроде «Варшавянки» и «Красный штандарт» и т. п.», в толпу брошена красная лента; 9. задержано несколько десятков человек, в том числе несколько рабочих (литейщик, сапожник, наборщик); 11. 1) Донесение в. и. д. пом. Варшавского ген.-губ. по полицейской части в ДП от 6 марта 1900 г.—ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1898, д. 2, ч. 7, лит. А, л. 20—23.

№ 7. 1. апрель, 10; 2. М. Сморгонь; Ошмянский уезд Виленской губ.; 3. похороны рабочего, умершего от туберкулеза (Е); 4. рабочие; 8. речи, в том числе о значении 1 Мая; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, октябрь, № 3, с. 15—16; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 819.

№ 8. 1. апрель, 16; 2. Варшава; демонстрация по Уездовской аллее от Лазенок к пл. св. Александра в 6 часов вечера; Варшавский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие с участием студентов; 5. свыше 1000 чел.; «громадная толпа рабочих»; 7. с 13 апреля в Варшаве распространяли в большом количестве печатные объявления «Варшавского рабочего комитета», приглашавшие рабочих в связи с приближением рабочего праздника 1 Мая (н. с.) собраться 16/29 апреля в 5 часов пополудни на Уездовской аллее, а в 6 часов открыть шествие по улицам Нового Света и Краковского Предместья к памятнику А. Мицкевичу; в те же дни были распространены прокламации на еврейском языке «социально-революционного характера», призы-

вавшие рабочих к демонстративному празднованию 1 Мая; 8. пение «рабочей революционной песни «Варшавянка», агитация среди манифестантов; 9. столкновение с полицейскими и казаками; вызваны казаки и затем три роты Литовского полка; бросаны камни в казаков; задержано до следующего утра в казармах крепостной артиллерии 705 чел.; арестовано 500 чел.; 11. 1) Рапорт прокурора Варшавской палаты от 18 апреля 1900 г.—ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 171, л. 3; 2) ДП, 7 д-во; 1900, д. 250, л. 40; 3) ДП, 7 д-во, 1900, д. 437, ч. 1, л. 33; ч. 2, л. 2, 15; 4) ДП, ОО, 1898, д. 5, ч. 9, лит. Б, л. 26—29 (краткое содержание статьи о демонстрации 29 апреля (16 апр.) в Варшаве из журн. «Pochudnia» («Светоч»)); 5) Р. дв., т. IV, ч. 2 с. 652—654, 821.

№ 9. 1. апрель, 17; 2. Двинск; шествие в 2 часа дня от завода Коварского на завод Мазрани; Двинский уезд Витебской губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. вначале — толпа рабочих-каменщиков, в числе свыше 20 чел., к которым затем присоединились рабочие завода Коварского; 8. толпа рабочих потребовала прекратить работы, заявляя, что «сегодня рабочий праздник»; знак с изображением «2 взаимно поднимающих друг друга руки, под коими буквы «с.в.б.» [по-видимому, «свобода»], а над руками — два флага — красный и белый; призыв работать с 6 часов утра до 6 вечера и за более высокую плату; забастовки на ряде предприятий; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 193, л. 1.

№ 10. 1. апрель, 18; 2. Вильна; Виленский уезд и губ.; 3. демонстрация 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. 1 500 чел.; 11. 1) Южный рабочий, 1900, июнь, № 2, с. 20.

№ 11. 1. апрель, 18; 2. Минск; в 10 часов вечера собралось на улице «совершенно случайно» 200 рабочих и двинулись к городскому саду; Минский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. 200 чел.; 6. «Эта совершенно случайная демонстрация продолжалась около 15 минут»; 7. накануне разбросаны гектографированные прокламации (на русском языке) за подписью Минского комитета РСДРП, объяснявшие значение 1 Мая; 8. пение «Марсельезы» и возгласы «Долой самодержавие, долой капиталистов, да здравствует 1 Мая, да здравствует социализм!» и т. д.; 9. столкновение с полицейскими; арестовано 4 чел.; 10. хотя демонстрация «случилась без всякой подготовки и совершенно неожиданно, тем не менее она произвела внушительное впечатление». «Город был возбужден страшно: еще никогда 1 Мая не проходило у нас с таким шумом, не было столько разговоров и такого возбуждения»; «около 20 мая распристраниена прокламация на еврейском языке, в которой выясняется смысл происшедших событий и указывается на необходимость борьбы с правительством»; 11. 1) киевская рабочая газета «Вперед», 1900, декабрь, № 10, л. 23—25 (ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., № 98); 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 638—639, 821.

№ 12. 1. май, 1; 2. Варшава; Варшавский уезд и губ.; 3. по-

хороны кузнеца Ф. Дмовского, просидевшего около полугода в Варшавской цитадели за участие в стачке (Е); 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, август, № 2, с. 11; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 824.

№ 13. 1. май, 1 (ст. ст.); 2. Гельсингфорс; Финляндия; 3. празднование 1 Мая (А); после отклонения сеймом петиции рабочих о запрещении продажи спиртных напитков рабочие «с целью выразить сейму свое негодование организовали 1 Мая минувшего года [т. е. 1900 г.] грандиозную манифестацию»; 4. рабочие; 5. «грандиозная манифестация»; 8. речи, в которых осуждалось отношение сейма к петиции [рабочих]; 11. 1) Доне-сение начальника Финляндского жандармского управления в ДП.—ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1898, д. 9, ч. 20, лит. В, л. 7—8; 2) Политический обзор по Финляндии за 1900 г.—ЦГАОР СССР, ДП, 3 д-во, 1901, д. 1, ч. 25, л. А, л. 7.

№ 14. 1. май, 1; 2. м. Домброво; демонстрация; Бендинский уезд Петроковской губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. многочис-ленная; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, июнь, № 1, с. 6.

№ 15. 1. май, 1; 2. Креславка; Двинский уезд Витебской губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие; 5. 300 чел.; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, июнь, № 1, с. 4; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 824.

№ 16. 1. май, 1; 2. Харьков; «толпа пыталась устроить по городу шествие» вскоре после того, как собрались на работе, около 10 часов утра; шествие через Кузинский мост; Харьковский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4. рабочие харьковских желез-нодорожных мастерских; 5. 2000 рабочих; 8. красный платок, прикрепленный на палку; на Вещенковской леваде подняты красные флаги; пение «Дубинушки»; 9. задержано 164 чел., из них 32 отпущено; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, 5 д-во, 1900, д. 242, ч. 1, л. 141—149 (опубл.: Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 601—613); 2) ф. 124, оп. 9, 1900, д. 243, л. 1—2; 2) Рабочее движение в Харькове, 1900, с. 4—15 (ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., № 1390).—Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 621; 3) Рабочее дело, 1900, ав-густ, № 7, с. 37; 4) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, июнь, № 1, с. 3; 5) Летопись революции, 1924, № 2, с. 222—223; 6) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 621, 825.

№ 17. 1. май, 1; 2. Харьков; сбор на Конной и попытка «устро-ить шествие»; Харьковский уезд и губ.; 3. 1 Мая (А); 4) рабо-чие паровозостроительного завода, железнодорожных мастер-ских и Бельгийского механического завода; 5) толпа (из кото-рой 80 чел. было задержано); 8. «пытались устроить шествие с пением, имея в руках красные значки»; 9. «из участвовавших в этой толпе было задержано 80 чел., которые также были отправлены в пересыльную тюрьму»; 10. на следующий день «рабочие харьковских заводов просили губернатора об осво-бождении арестованных товарищей; а ввиду того, что они чест-ным словом ручались, что беспорядки после этого прекратятся,

арестованные были отпущены». 11. 1) Рапорт прокурора Харьковской судебной палаты от 4 мая 1900 г.—ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 243, л. 2; 2) ДП, 5 д-во, 1900, д. 242, ч. 1, л. 145 об.

№ 18. 1. май, 6; 2. Витебск; демонстрация; Витебский уезд и губ.; 3. ... (Ж); 4. рабочие; 11. 1) ЦГАОР СССР, ДП, Ежемед. зап., 1900, д. 32, л. 151 об.; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 826.

№ 19. 1. май, 7; 2. Варшава; Варшавский уезд и губ.; 3. похороны рабочего-сапожника Ю. Яровского (Е); 4. рабочие; 5. 500 чел.; 8. пение революционных песен; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, август, № 2, с. 11; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 826.

№ 20. 1. май, 15; 2. Варшава; городское Брудновское кладбище; Варшавский уезд и губ.; 3. похороны умершего рабочего Б. М. Насеровского 25 лет (Е); 4. рабочие; 5. толпа рабочих в 150 чел.; 8. на могиле пели «Красное знамя»; возгласы «ура»; была «произнесена речь патриотического характера»; 11. 1) Отношение пом. Варшавского генерал-губернатора по полицейской части в ДП от 20 мая 1900 г.—ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1898, д. 2, ч. 7, лит. А, л. 35; 2) ЦГАОР СССР, ДП, Ежемед. зап., 1900, д. 32, л. 154; 3) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 826.

№ 21. 1. июль, 4; Варшава; шествие в 5 часов вечера на Вольское римско-католическое кладбище; Варшавский уезд и губ.; 3. во время похорон слесарного ученика Адама Целингера, умершего в больнице в связи с ранением при разрядении найденного патрона (Е); 4. рабочие; 5. 300 чел.; 8. у участников похорон — красные галстуки; венок с лентами красного цвета с надписью «От товарищей и товарок»; на кладбище — пение польской революционной песни «Под красным штандартом»; при опускании гроба в могилу «некоторые из присутствующих громко произнесли «Да здравствует революция рабочих»; красную ленту разрезали на куски и разобрали на память; 9. задержано 11 участников демонстрации; 11. 1) ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 173, л. 1; 2) ЦГАОР СССР, ДП, Ежемед. зап., 1900, д. 32, л. 186—186 об.; 3) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 830.

№ 22. 1. июль, 25; 2. Варшава: шествие к Брудновской заставе в 6 часов вечера; Варшавский уезд и губ.; 3. во время похорон столяра социал-демократа Э. Венгржиновича (Е); 4. рабочие; 5. толпа рабочих около 400 чел.; 8. пение; возгласы по-польски «Да здравствуют рабочие!», «Да здравствует революция!»; в первом ряду толпы — венок с большими красными лентами; в связи с прибытием казаков возгласы: «Теперь нужно нам держаться дружно, нам за это ничего не будет». 9. вызвана полусотня казаков, которые прибыли, когда процессия пришла уже на кладбище; демонстранты разогнаны казаками и полицейскими; арестовано 203 рабочих; как было установлено, некоторые из задержанных принимали участие в демонстрации 16 апреля (первомайской); у некоторых задержанных

была обнаружена литература ППС. 10. 22 декабря была издана листовка ЦК СДКПиЛ по поводу приговоров по делу участников демонстрации на похоронах Э. Венгржиновича с призывом объединиться с русскими рабочими для борьбы с царизмом; 11. 1) Отношение прокурора Варшавской судебной палаты от 31 августа 1900 г.—ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 9, 1900, д. 174, л. 1—4; ЦГАОР СССР, ф. 124 (МЮ, Врем. канц.), 1900, д. 11567, л. 2—2 об., 4—4 об.; 2) ДП, 00, 1905, оп. 5, д. 226, л. 5—10 об.; д. 221, л. 15 об.; ДП, 00, 1905, д. 221, л. 10; 3) ДП, 3 д-во, 1901, д. 1530, ч. 1, ч. 2, ч. 3, ч. 4; 4) ДП, 5 д-во, 1900, д. 301, ч. 1, л. 152—153, 170; 5) ЦГАОР СССР, колл. нелег. изд., № 19284 — Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 651—652; 6) Киевская рабочая газета «Вперед», 1900, № 10, с. 76 об.; 7) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 650—652, 831, 841.

№ 23. 1. август, начало; 2. Лодзь; Петроковская губ.; 3. ... (Ж); 4. рабочие; 9. арестовано 7 чел.; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, август, № 2, с. 10; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 832.

№ 24. 1. август, не позднее; 2. Лодзь; Петроковская губ.; 3. похороны рабочего (Е); 4. рабочие; 5. 1000 рабочих; 11. 1) Листок «Рабочего дела», Женева, 1900, август, № 2, с. 9; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 834.

№ 25. 1. декабрь, 31; 2. Варшава; демонстрация; Варшавский уезд и губ.; 3. во время похорон товарища (Е); 4. рабочие; 5. 100 рабочих; 11. 1) ЦГИА СССР (в Ленинграде), ф. МЮ, оп. 530, д. 1050, л. 43—44; 2) Р. дв., т. IV, ч. 2, с. 842.

А. Ю. ДРУГОВСКАЯ

**ПРОПАГАНДА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ ИСТОРИИ
РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СРЕДИ РАБОЧИХ УРАЛА [1895—1905 гг.]**

С началом пролетарского этапа освободительного движения в России вопрос об отношении к теоретическому и практическому опыту революционного прошлого приобрел особую важность. В своей борьбе российский пролетариат опирался на богатые революционные традиции, заложенные А. Н. Радищевым и декабристами, А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, народовольцами и группой «Освобождение труда».

В. И. Ленин указывал, что история социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения — таков тот материал, которым должны овладеть марксисты, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии¹. Русская революционная социал-демократия, следуя ленинским указаниям, глубоко изучала революционный опыт своих предшественников, пропагандировала лучшие революционные традиции. При этом особое значение придавалось пропаганде исторических знаний через революционные кружки.

Однако этот вопрос в научной литературе не получил достаточного освещения. В имеющихся исследованиях по истории местных партийных организаций Урала, истории социал-демократического, революционного и рабочего движения и революционной печати эта проблема вообще не рассматривается. Не уделяется ей внимание и в историографических обзорах по истории рабочего класса и революционного движения на Урале. В литературе имеются лишь отдельные, разрозненные сведения по исследуемому вопросу.

До сих пор не стала предметом специального изучения пропаганда социал-демократами исторических знаний и революционно-демократической литературы через революционные рабочие кружки, хотя это направление в деятельности социал-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 189—190.

демократии нашло свое отражение в разработке ею учебных программ для занятий с рабочими. Кстати, значительная часть программ не собрана воедино, не представлена в документальных сборниках, а рассеяна по архивам, что, безусловно, затрудняет работу с этим ценным историческим источником.

Пропаганда уральскими социал-демократами среди рабочих революционного наследия 60—70-х гг. XIX в. началась с середины 90-х гг. Члены созданного в 1897 г. в Екатеринбурге социал-демократического кружка наряду с марксистской литературой начали изучать сочинения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Ф. М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Некрасова, провели совещание социал-демократов, приурочив его к 20-летию со дня смерти Н. А. Некрасова².

Изучали революционно-демократическую литературу и в марксистском кружке в Перми. Кружок располагал хорошей библиотекой, в которой имелись произведения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и др. Пропаганду этой литературы пермские марксисты увязывали с исследованием общественно-политических идей, в частности Н. Г. Чернышевского, литературное наследие которого народники считали основой своих теорий³. Пермские кружковцы имели возможность на конкретном материале статей и книг великого революционного демократа убедиться, что он стоял ближе к марксизму, чем к народничеству.

Члены кружка с большой пользой для себя изучали разного рода каталоги и указатели марксистской и социал-демократической литературы. Сохранившийся в Пермском областном краеведческом музее каталог книг Е. А. Пузырева (1900 г.)⁴ — яркое доказательство разносторонних читательских интересов как самого Е. А. Пузырева, так и других членов пермской группы социал-демократов. Особой популярностью пользовался указатель «Библиотека социал-демократа» П. М. Керженцева (Платона Лебедева). Один из разделов, озаглавленный «История», включал в себя труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и произведения, их популяризирующие, а также произведения революционных демократов 60-х гг. и революционных народников 70-х гг. По воспоминаниям одного из участников Бисерской организации РСДРП, этот указатель помогал выработать систему в чтении политической литературы, что значительно облегчало ее изучение⁵.

Пользовался популярностью также указатель «Что читать

² ГММС, научно-вспомогательный фонд, д. 505, л. 147 (Рукопись воспоминаний Ф. Ф. Сыромолотова).

³ Борьба за власть. Пермь, 1923, т. 1, с. 22.

⁴ Пермский областной краеведческий музей, инв. № НВ 1261/28-1. Каталог книг Е. А. Пузырева.

⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 78, л. 37.

социал-демократу?». Наряду с марксистской литературой, в нем значительное место отводилось сочинениям В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и др.

Большое значение для организации пропаганды в кружках имели специально разработанные социал-демократами программы для занятий. Их содержание свидетельствует о том, что освещение истории революционного движения в России, анализ исторических событий прошлого занимали значительное место в организационно-пропагандистской деятельности уральских социал-демократов. Причем эти вопросы рассматривались на занятиях в кружках в неразрывной связи с пропагандой марксистской теории, изучением программы, стратегии и тактики большевистской партии, актуальных политических задач. Программы занятий кружков составлялись с учетом конкретных социально-экономических условий Урала, положения дел в партии и уровня знаний слушателей⁶.

Программа занятий кружков, разработанная под руководством Пермского комитета РСДРП (1903 г.), представляла собой копию печатного проекта программы «Искры» с некоторыми рукописными изменениями. Она нацеливала руководителей кружков на изучение истории русского революционного движения, ставила перед рабочим классом задачи политической борьбы. В ней говорилось: «Страницу за страницей раскрывайте перед слушателями историю нашей борьбы, дышащую кровью, зовущую к отмщению... Перед ними пройдут образы настоящих, закаленных революционеров; они увидят примеры революционной стойкости на допросах, судах, при самых тяжелых минутах... Самая атмосфера этой жизни, которая так или иначе общается слушателями, закаляет их...»⁷.

Программа давала ценные методические советы по изучению истории революционного движения, работы А. Гуна «История революционного движения в России», романа С. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и др., систематическое ознакомление с которыми должно было способствовать самообразованию рабочих, развивать «зарождавшиеся уже и в них самих чувства людей, отдавшихся великому общему делу, от которого не могут отказаться ни под какой грозой»⁸.

В мае 1903 г. группой пропагандистов Пермского комитета РСДРП была подготовлена вторая программа для занятий в рабочих кружках, выпущенная отдельной листовкой. В основу ее была положена программа, разработанная Петербургским Комитетом РСДРП⁹. В первых разделах давался краткий очерк

⁶ Плеханов М. Е. Подпольные партийные школы в Екатеринбурге (1905—1907 гг.).— Вопросы истории КПСС, 1985, № 6, с. 115.

⁷ О постановке пропаганды в кружках.— Искра, 1903, № 34.

⁸ Засулич В. Штундист Павел Руденко.— Заря, 1901, № 1, с. 288.

⁹ ГАПО, ф. 160, оп. 2, д. 19, л. 47—48 об.

революционного и рабочего движения в России. Критиковались «экономизм» и программа эсеров.

Рассматривая развитие общественной жизни в России, следовало показать, что в XVIII — первой половине XIX вв. вопрос об освобождении крестьян не сходил с исторической сцены, что необходимо отметить ничтожность тех реформ, которые были предприняты для ограничения крепостного права в царствование Павла I, Александра I и Николая I.

Большое место уделялось анализу реформы 1861 г., ее значения и последствий. Особое внимание обращалось на знакомство слушателей с историей революционного движения в 70-е гг., на выяснение причин его неудач, на характеристику мировоззрения народников. Программа рекомендовала знакомить рабочих с деятельностью землевольцев, народовольцев, чернопредельцев, их программой и тактикой. При этом ее составители особо подчеркивали, что на вопросе о критике тактики народовольцев «нужно подробно остановиться ввиду стремления социал-революционеров воскресить прежний (террористический — А. Д.) метод борьбы»¹⁰.

Особенность этой программы состоит в том, что в ней не только излагался конкретный план занятий, но и давались методические советы, рекомендации по изучению тех или иных вопросов. Это свидетельствовало о достаточно высоком уровне теоретической подготовки составителей программы, об их пропагандистском мастерстве.

В начале 1905 г. Уральский комитет РСДРП разработал специальную программу для пропаганды марксизма в партийных кружках рабочих и учащейся молодежи¹¹. Она начиналась с анализа партийной программы-максимум о неизбежности победы социализма, объективно обусловленной экономическим развитием общества и развитием классовой борьбы. Утверждалась идея необходимости завоевания пролетариатом политической власти и установления диктатуры пролетариата. Четвертый и пятый разделы были посвящены изучению программы-минимум. В ней подчеркивалась «возможность полного осуществления программы-минимум лишь при завоевании демократической республики».

В шестом разделе «Крестьянство и социал-демократия» подробно рассматривался вопрос о сельской общине, причинах развития общинного землевладения. Большое место в этом разделе было уделено характеристике реформы 1861 г. и анализу тех крепостнических пережитков, которые после осуществления царским правительством реформы легли тяжелым бременем на плечи крестьянства. Основные задачи социал-демократии в обла-

¹⁰ ГАПО, ф. 160, оп. 2, д. 12, л. 48.

¹¹ Идеям партии верны. Свердловская областная организация КПСС. 1903—1981. Хроника. Свердловск, 1983, с. 20. Текст программы см.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 20, л. 41—44; д. 101, л. 226.

сти аграрных отношений увязывались с критикой реформы 1861 г., ее сущности и антинародного характера. Осмысление исторических фактов прошлого помогало большевикам правильно решать насущные задачи.

По этой программе Уральского комитета РСДРП вели занятия многие партийные кружки. Так, Пермский комитет РСДРП в июне 1905 г. сообщал: «Были организованы кружки рабочих для ведения пропаганды по программе Уральского комитета»¹².

С развитием революционных событий в России возникла необходимость обновления программы для занятий кружков. Эту работу после ареста членов Уральского комитета проделал Пермский комитет РСДРП. Новый вариант программы четко излагал основы марксистского учения о классовой борьбе и большевистскую стратегию и тактику¹³. Она предусматривала проведение пяти лекций по соответствующим разделам, для каждого из которых была рекомендована литература. Первые две лекции предусматривали критику капиталистического строя в России, разъяснение ближайших целей и задач пролетариата в буржуазно-демократической, а затем в социалистической революции. Значительная часть третьей лекции была посвящена истории революционного движения XIX в. в России. Составители программ большое внимание уделили рассмотрению истории борьбы за политическую свободу в России, начало которой связывалось с выступлением первых борцов за политическое освобождение страны — декабристов.

Программа рекомендовала пропагандистам занятия в кружке посвящать изучению опыта борьбы таких организаций, как «Земля и воля», «Народная воля», зарождению массового рабочего движения. Вместе с тем историю революционного движения в России предполагалось самым тесным образом увязывать с историей возникновения и развития социал-демократического движения, с характеристикой «экономизма» как оппортунистического течения, имевшего в начале XX в. заметное влияние на Урале. Одним из важнейших пунктов плана этой лекции был вопрос: «РСДРП — вождь рабочих в их борьбе». Называлась литература, необходимая для изучения всех поставленных программой тем. Прежде всего программа рекомендовала марксистские издания — работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», материалы журнала «Заря», а также книгу А. Туна «История революционных движений в России» и широко известный роман С. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и др.¹⁴

¹² Быстрых Ф. П. Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1959, с. 110.

¹³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 16, л. 34—37; ГАПО, ф. 160, оп. 2, д. 46, л. 1—4.

¹⁴ ГАПО, ф. 160, оп. 2, д. 46, л. 3—3 об.

В четвертой лекции рекомендовалось изучение программы РСДРП, ее политических и экономических положений, работ В. И. Ленина «К деревенской бедноте», «Аграрная программа русской социал-демократии». В заключение рассматривалась стратегия и тактика большевиков, раскрывался вред индивидуального террора, проповедуемого эсерами. Как видим, пропаганда революционного марксизма в программе была тесно увязана с пропагандой революционных традиций русского освободительного движения, продолжателями которых выступили социал-демократы.

Пермский комитет РСДРП, разрабатывая учебные программы для кружков, учитывал тип этих кружков и уровень подготовки слушателей. Так, в 1905 г. после III съезда партии коллегия пропагандистов переработала программу для кружков низшего типа, состоявшую из восьми лекций¹⁵. Программа нацеливала рабочих на изучение программы-максимум, программы-минимум, стратегии и тактики большевиков. Изложение материала в пятой лекции «Крестьянское движение и социал-демократия» увязывалось с характеристикой реформы 1861 г. и ее последствий¹⁶.

В программу работы кружков высшего типа, в которых занимались рабочие, уже имевшие соответствующую теоретическую подготовку, была включена лекция по истории революционного движения в России. В ней предусматривалось рассмотрение вопросов, связанных с изучением истории народнического, народофильского движения, а также освещение истории первых рабочих союзов в России¹⁷. Лекция по теме «Первые шаги социал-демократии в России» тесно увязывалась с анализом конкретного материала периода, предшествующего истории развития революционного движения в стране. По этим программам, разработанным Пермским комитетом РСДРП, занимались рабочие не только Перми, но и Уфы, Златоуста, Белорецка.

По определенной программе проходили занятия и лекции в школе пропагандистов, созданной в 1905 г. в Екатеринбурге Я. М. Свердловым. Школу посещали партийные пропагандисты, рабочие-активисты в основном с Верх-Исетского завода и завода Ятеса (от 30 до 50 чел.). Здесь читались лекции по истории партии, истории революционного и рабочего движения, истории социализма, по политэкономии. Лекции читали Я. М. Свердлов, Н. Н. Батулин, М. А. Безруков и др. Занятия шли по определенной программе и имели огромное значение для рабочих Екатеринбурга, которые с жадностью воспринимали марксистскую науку. Лекции были обоснованными и краткими, план каждой из них агитационная коллегия разрабатывала заранее с указа-

¹⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 16, л. 27—33.

¹⁶ Там же, л. 31.

¹⁷ ГАПО, ф. 160, оп. 2, д. 19, л. 29—29 об.

нием фамилии лекторов и времени проведения занятий¹⁸. Рабочие, слушатели школы, проявляли живой интерес к революционно-демократической литературе¹⁹.

Таким образом, пропаганда социал-демократами среди рабочих Урала истории революционного движения в России и изучение революционно-демократической литературы были составной частью всей агитационно-пропагандистской деятельности партии. Они способствовали идейно-политическому, нравственному воспитанию рабочего класса, формированию у него широты политического кругозора, способности правильно оценивать исторический опыт прошлого и видеть перспективы будущего, выявлять исторические закономерности общественного развития.

¹⁸ ГММС, д. 505, л. 221, 270.

¹⁹ Рычкова Г. Мгновения и годы. Пермь, 1962, с. 15; ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 22, л. 40; оп. 1, д. 19, л. 53.

А. В. ДМИТРИЕВ

**РАБОЧИЕ — ЗАГОТОВИТЕЛИ ТОПЛИВА
ДЛЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА
В 1901—1914 гг.**

Заготовители топлива для уральских заводов представляли собой наиболее многочисленную группу вспомогательных рабочих, незаслуженно обойденную вниманием исследователей. Автором настоящей статьи на основе анализа источников, уже известных и вводимых в научный оборот впервые, предпринята попытка изучения численности, форм найма и эксплуатации этой своеобразной в социальном отношении категории уральских рабочих в период империализма.

Экономический кризис начала XX в. сопровождался на Урале затяжной депрессией. Снижение выплавки чугуна здесь продолжалось до 1909 г., и лишь в 1912 г. уральская промышленность вновь вышла на уровень 1900 г. Столь медленное и скачкообразное развитие ведущей отрасли хозяйства края объясняется, наряду с ее технико-экономической отсталостью, обусловленной феодальными пережитками, истощением топливных ресурсов и все более обострявшейся кадровой проблемой при осуществлении куренной операции.

С ростом производства в годы промышленного подъема все горнозаводские округа в той или иной степени ощутили недостаток «древесного сгораемого», были вынуждены вносить коррективы в производственные программы, несмотря на благоприятную рыночную конъюнктуру. Одни — из-за недалековидного истребления ближайших к заводам лесных массивов и практической невозможности использования отдаленных участков дач с помощью гужевого транспорта¹. Другие, например, Богословский, Златоустовский, Нижнетагильский, Белорецкий, оказались вообще не в состоянии снабдить себя достаточным количеством топлива из собственных или приписанных лесных дач².

¹ При среднем расстоянии заготовок дров и угля, увеличившемся до 15—40 верст, исключалась экономическая целесообразность доставки их на заводы гужом (см.: Пермские ведомости, 1910, 2 апреля; Лесопромышленник, 1912, 25 ноября, с. 972).

² ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 242, л. 196; ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 870, л. 12; ф. 643, оп. 4, д. 245, л. 42.

Неизбежность перевода уральской металлургии на коксовую плавку была осознана еще в 60-х гг. Однако решение этой задачи откладывалось на неопределенное время из-за неконсумности местных углей, а затем в связи с запоздалым освоением Кузнецкого бассейна и удаленностью Донбасса.

Правда, в целях экономии древесины заводоладельцы внедрили минеральное топливо в сталеплавильное, медеплавильное и прокатное производства. Но, поскольку цены на дрова и выжигаемый из них уголь, несмотря на непрерывное повышение, все же уступали стоимости дальнепривозного каменного угля и нефти³, доля минеральных горючих веществ в топливном балансе края не превышала 10—12%⁴.

Таким образом, и на монополистической стадии капитализма горнозаводская промышленность Урала базировалась на древесном топливе. Норма прироста древесной массы при любых злоупотреблениях заводоладельцев жестко лимитировала выплавку основного продукта — чугуна, что, в свою очередь, делало невозможной успешную конкурентную борьбу за рынки сбыта с Югом.

Как и в предшествующий период, на лесосеках и транспортировке сырья и топлива было занято подавляющее большинство рабочей силы. По официальным данным, абсолютная и относительная численность вспомогательных рабочих, ядро которых составляли дроворубы и углежогги, имела отчетливо выраженную тенденцию к сокращению (табл. 1).

Официальная статистика не позволяет достаточно точно определить среднегодовую численность лесных рабочих, занятых в рассматриваемый период в черной металлургии Урала. Для достижения этой цели можно воспользоваться косвенными данными (табл. 2), которые наглядно отражают последствия кризисных явлений и нового экономического подъема на Урале. Нормы расхода древесного топлива на выплавку чугуна и последующие переделы в рассматриваемый период по сравнению с домонополистическим почти не изменились⁵. Стало быть, сокращение производства в металлургии края в 1901—1909 гг. привело к уменьшению объема заготовок топлива для заводов и к падению спроса на рабочую силу.

По наблюдениям представителей самих заводууправлений, численность занятых на вспомогательных работах из-за нестабильности производства была подвержена существенным колебаниям⁶. Поэтому нельзя согласиться с В. В. Адамовым, утверж-

³ Аба мелек-Лазарев. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. СПб., 1910; Горнозаводское дело, 1913, № 35.

⁴ Гирбасов П. А. и др. Железородное и топливное хозяйство Урала. Харьков, 1927, с. 109.

⁵ Известия общества горных инженеров, 1908, № 9, с. 10; Торгово-Промышленная газета, 1914, 30 апреля.

⁶ Промышленность и торговля, 1914, № 5, с. 244.

Таблица 1

**Динамика численности вспомогательных рабочих
железодельательной промышленности Урала
в 1900—1914 гг., тыс. чел.***

Год	Всего рабочих	В том числе вспомогательных	
		Абс.	%
1900	172,0	108,7	63,2
1901	158,1	96,9	61,3
1903	148,7	84,1	56,6
1905	145,7	81,3	45,8
1907	147,6	74,4	50,4
1909	144,4	76,4	52,9
1910	106,6	52,8	49,5
1911	110,0	76,4	69,5
Янв. 1912	112,2	Нет данных	Нет данных
1913	118,1	42,2	35,7
Март 1914	119,2	40,2	33,8

* Свод статистических данных по железодельательной промышленности, вып. 3. СПб., 1914, с. 7; Промышленность и торговля, 1914, № 5, с. 244; Труды ЦСУ, вып. 1. М., 1921, с. 75; Сягов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, с. 215.

Таблица 2

**Выплавка чугуна на Урале и размеры отпуска
древесины в казенных округах в 1900—1913 гг.***

Год	Общая выплавка чугуна, млн пуд.	В том числе на казенных заводах	Отпуск древесины из дач казенных округов, тыс. куб. саж. **
1900	50,4	6,2	513,1
1901	47,9	6,6	539,3
1902	44,7	5,3	464,0
1903	40,6	5,8	428,6
1904	40,1	5,8	355,5
1905	40,6	5,5	403,6
1906	38,2	4,3	435,2
1907	37,2	5,5	445,1
1908	35,8	4,2	440,0
1909	34,7	4,4	468,3
1910	39,1	6,1	383,3
1911	44,9	6,4	849,6
1912	50,6	8,9	921,9
1913	55,7	9,0	443,7

* ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 627, л. 348 об.; д. 772, л. 368 об.; Горный журнал, 1913, № 10, с. 42; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 году. СПб., 1913, с. 18; Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915, с. 205; Лес и его разработка, 1916, № 1, с. 16.

** Примерно 3/4 древесной массы предназначалось предприятиям, остальное — населению заводских поселков, Перми и Екатеринбургa.

давшим, что «для обеспечения металлургического производства уральская промышленность в 1900—1913 гг. нуждалась примерно в одном и том же количестве лесных рабочих»⁷.

Есть все основания предполагать, что в предвоенные годы в заготовках топлива для заводов участвовало значительно больше людей, чем в начале XX в. И, на первый взгляд, вполне правомерно заключение Л. И. Лесковой, полагавшей, что нехватка кадров на вспомогательных, в первую очередь на лесных, работах возникла лишь в результате промышленного подъема⁸. Логика автора понятна: безработица в связи с улучшением экономической конъюнктуры сменилась напряженным положением с рабочей силой. Но Л. И. Лескова не учла одного важного обстоятельства: общеизвестный избыток цеховых рабочих на Урале, как это ни парадоксально, сосуществовал с хроническим дефицитом вспомогательных, особенно конных работников.

Недостаток дроворубов и углежогов заявил о себе еще на первом этапе капиталистических преобразований — в 80-е гг. В дальнейшем, по мере расширения рынка труда не только за счет традиционных для края отраслей хозяйства, но и обрабатывающей промышленности, железнодорожного и водного транспорта, с развитием товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве недостаток этот становился все более ощутимым. Тяжелому и низкооплачиваемому труду в лесу рабочие предпочитали работу в горной, мелкой промышленности, на транспорте и т. д. Доказательством служит тот факт, что даже при периодически повторяющихся спадах производства заводоуправлениям не удавалось привлечь в лесосеки нужное количество людей и планы заготовки топлива нередко срывались.

Возможность выбора сферы приложения труда обуславливалась наличием у потенциальных лесных рабочих своеобразного «страхового капитала» — хозяйства с земельным наделом. У бывших мастеровых, по своей или не по своей воле расставшихся с производством, оно, разумеется, было меньше, чем у крестьян. Но тем и другим известная материальная независимость, особенно владение лошадьми, позволяла отклонять неприемлемые виды работ или условия найма. При неурожаях, нередко сопутствовавших кризисам «железной» промышленности Урала, работодатели сводили до минимума заработную плату на куренной операции. Зная об этом по собственному опыту, зажиточные крестьяне, имевшие четыре — пять лошадей, и большинство среднеобеспеченных (с двумя — тремя лошадьми) отпра-

⁷ Адамов В. В. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900—1917 гг. — В кн.: Вопросы истории Урала, № 8. Свердловск, 1969, с. 159.

⁸ Лескова Л. И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910—1914 гг. — Исторические записки, 1960, № 67, с. 265.

лялись на заработки не в заводские курени, а на перевозку грузов в торговых центрах и городах Приуралья и Западной Сибири либо на заготовку деловой древесины для набиравшей силу лесопромышленности⁹. Бывшие мастерские-полупролетарии и крестьянская беднота разных национальностей такими возможностями не располагали. При хронической безработице им ничего не оставалось, как наниматься на лесные работы, не связанные с использованием конной силы¹⁰.

Вследствие ускорения технического прогресса в период империализма, прежде всего дальнейшего распространения печного выжига угля, проведения узкоколейных железных дорог в лесные дачи, расширения сплава древесины и частичной механизации ее доставки к местам потребления затраты труда на заготовках топлива, особенно в углежжении, заметно снизились. Поэтому при увеличении объема заготовок топлива в период промышленного подъема металлургические заводы нуждались в меньшем количестве рабочей силы, чем в конце XIX в. В годы кризиса и депрессии оно не превышало, на наш взгляд, 75—85 тыс. чел., в предвоенных же условиях достигло 95—105 тыс. При существенных колебаниях (на отдельных этапах, как видим, и в сторону увеличения) преобладающей в динамике численности лесных рабочих горнозаводской промышленности в период капитализма была тенденция к ее постепенному сокращению.

Наем рабочих на заготовки топлива осуществлялся преимущественно самими заводоуправлениями, неуклонно освобождавшимися от невыгодного для заводов посредничества подрядчиков¹¹. Условия письменных договоров, заключавшихся с артелями и индивидуальными работниками, по сравнению с домонополистической эпохой почти не изменились. Акцент в них, как и прежде, делался на обязательное выполнение работ в полном объеме на основе сохранявшейся круговой поруки. Предусматривалась также предварительная выдача задатков, столь необходимых крестьянам, обремененным податями, и оплата

⁹ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 426, л. 196; ГАСО, ф. 46, оп. 1, д. 262, л. 202; ф. 47, оп. 1, д. 555, л. 42; ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 1580, л. 49—50; Уральская жизнь, 1909, 18 сентября.

¹⁰ Уральское горное обозрение, 1906, 1 февраля, с. 6; Уральская жизнь, 1909, 22 декабря; Семенов К. С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925, с. 49.

¹¹ Источники свидетельствуют, что подрядный способ в рассматриваемый период применялся лишь на некоторых казенных заводах и в посессионных округах, получавших значительную часть топлива не из своих, а из арендованных у казны или частных владельцев лесных дач. Поэтому вряд ли допустимо пример одного из таких округов — Нижне-Тагильского — представлять в качестве типичного явления для всего Урала. — См.: Гуськова Т. К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX — начале XX в. (По материалам Нижне-Тагильского округа). — В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972, с. 261.

труда по мере завершения операций, оговариваемых в двусторонних соглашениях¹².

Вместе с тем самодержавию и местным органам власти, обеспокоенным нарастающим недовольства трудящихся накануне первой русской революции, приходилось считать не только с выступлениями пролетариата крупных индустриальных центров. Все более активными становились формы социального протеста крестьянской массы, временно вливавшейся в ряды рабочего класса и такой характерной для Урала группы, как «наемные рабочие с наделом»¹³.

Правилами 1902 г. о найме горнозаводских казенных заводов изготовители топлива приравнивались по условиям найма к фабрично-заводским рабочим. Контроль за соблюдением этих правил возлагался на окружных инженеров. По закону от 2 июня 1903 г. на рабочих углевыжигательных центров казенных и частных заводов с постоянно действовавшими печами распространялось право на получение компенсации за утрату трудоспособности в результате несчастных случаев¹⁴.

Возраставший недостаток конных работников несколько смягчался притоком на Урал обездоленного «пришлого элемента», что оказывало влияние на организацию куренной операции. В домонополистический период договоры с большинством артелей заключались на весь объем работ в куренях. В новых условиях заготовка топлива в округах с высокой производительностью стала делиться на два самостоятельных процесса. Безлошадным пришлым и местным кадрам обычно поручались рубка, сплав дров и обслуживание стационарных углевыжигательных печей. Выжигом кучного угля и доставкой его на предприятия занимались главным образом бывшие мастеровые и сельские жители близлежащей к заводам округи, имевшие лошадей. Незаменимыми в данном случае являлись «многосемейные, многолошадные, в хозяйственном отношении сильные, богатые провиантом местные крестьяне»¹⁵.

Тяжелый труд в заводских куренях был по силам лишь физически крепким, здоровым людям. Поэтому в артелях лесных рабочих преобладали мужчины молодого и среднего возраста. При заключении соглашений с отдельными работниками имелось в виду участие в заготовке топлива и членов их семей. Семья из трех-пяти человек с одной-двумя лошадьми брала обязательство на поставку в среднем 100 коробов угля¹⁶.

¹² ГАСО, ф. 14, оп. 1, д. 1029, л. 162—163; ф. 72, оп. 1, д. 5030, л. 19; ф. 78, оп. 1, д. 929, л. 62; ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 1588, л. 4; ГАКО, ф. 496, оп. 3, д. 91, л. 41—70.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 583.

¹⁴ ПСЗ-З, 1902, т. XXII, № 21186; 1903, т. XXIII, № 23 060.

¹⁵ Грум-Гржимайло В. Основания реконструкции древесноугольной промышленности Урала.— Хозяйство Урала, 1927, № 8—9, с. 11.

¹⁶ Семенов К. С. Лесное хозяйство Урала, с. 50.

Для обеспечения рабочей силой лесных дач горнозаводчики, наряду с экономическим, зачастую прибегали и к внеэкономическому принуждению. «Средством приобретения рабочих рук, — подчеркивал В. И. Ленин, — является на Урале не только наем, но и отработки»¹⁷. Артельщикам, получившим задатки, навязывалась круговая порука. Местные жители пользовались на льготных условиях или «бесплатно» (то есть за отработки) похосами, топливом и строевым лесом. В особо неблагоприятных ситуациях на заготовку топлива под угрозой увольнения направлялись кадры с основного производства¹⁸. В целях привлечения рабочих заводоуправления нередко подкупали сельские власти окрестных волостей, которые за определенное «содержание» обязывали крестьян-должников зарабатывать в куренях деньги для уплаты недоимок¹⁹.

Ускорение развития капитализма на монополистической стадии расшатывало устои «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала с его казавшейся незыблемой «заводско-окружной» системой хозяйства. Это нашло свое выражение в акционировании одними и теми же банками ряда округов, в планах дальнейшей концентрации производства на территории, выходящей за пределы окружных границ, с учетом запасов полезных ископаемых, размещения и специализации предприятий; в расширении масштабов торговли между округами рудой, топливом, полуфабрикатами. Наконец, — в увеличении подвижности населения, вынужденного в поисках работы надолго отрываться от родных мест. «Уральский рабочий, — отмечал корреспондент одной из либерально-демократических газет, — отыскивает себе заработок сам, нередко бродя по огромному рабочему рынку, по величине равняющемуся западно-европейскому государству»²⁰.

Во внеземледельческом отходе участвовали не только безработные закрытых уральских заводов и цехов, но и еще более многочисленная масса пришлых рабочих, большинство из которых нанималось в заводские лесосеки не в конторах и лесничествах, а на крупных рынках рабочей силы в городах и индустриальных центрах края, где орудовали агенты предприятий, «перехватывавшие» друг у друга ценных работников²¹.

Утверждение о том, что «почти каждый завод имел свой собственный рынок труда, складывавшийся из предложения

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486.

¹⁸ ГАСО, ф. 55, оп. 1, д. 682, л. 90; Уральская жизнь, 1907, 20 июня; Вятская речь, 1911, 12 января; Четин В. Е. Монополистический капитализм и средневековые привилегии уральских горнозаводчиков. — В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. 4. Челябинск, 1969, с. 34—35.

¹⁹ Тарасевич В. Рабочая сила на лесозаготовках Урала. — Хозяйство Урала, 1928, № 7, с. 103.

²⁰ Уральский край, 1908, 1 августа.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 426, л. 77; ф. 880, оп. 3, д. 53, л. 6.

рабочих рук со стороны местных рабочих, окрестных крестьян и лишь в очень слабой степени со стороны пришлых рабочих»²², не отражало, на наш взгляд, общеуральского характера найма, а имело отношение лишь к немногим отсталым предприятиям, обходившимся при сравнительно скромных размерах производства и заготовки топлива в основном местными кадрами.

Даже в годы кризиса и депрессии округа, занимавшие лидирующие позиции, получали дрова и уголь из-за недостатка или нежелания местного населения трудиться в лесу главным образом за счет привлечения рабочих со стороны, самовольный уход которых приводил к затягиванию сроков куренной операции, вызывал дополнительные затраты по неотработанным задаткам²³. Но отказаться от столь ненадежного контингента рабочих было невозможно, ибо заменить их было нечем.

Проблема найма лесных рабочих, сложная для всего периода капитализма, приобрела особую злободневность в годы нового экономического подъема, когда резко возросла потребность в рабочей силе во всех отраслях хозяйства края. Возведение новых и модернизация действовавших горнозаводских предприятий, железнодорожное строительство, оживление крупной фабричной и мелкой промышленности привели к расширению рынка рабочей силы, сопровождавшемуся заметным сокращением армии безработных и количества желающих подвергать себя эксплуатации в лесосеках. Труд в лесу, по общему признанию, был настолько непривлекательным, что при первой же возможности занятые там люди устремлялись на заводы, рудники, на прииски и железные дороги²⁴.

В прошлом при массовой безработице беднейшим слоям населения ничего не оставалось, как гнуть спину в куренях, теперь же большинство не только местных, но и пришлых кадров пыталось найти не любую, а относительно выгодную работу. Доказательством тому служит возросшая миграция населения внутри региона и за его пределами. Распространенным явлением стал уход из лесничеств целыми партиями (30—50% общей численности) пришлых рабочих до выполнения договорных обязательств.

Апелляция к властям и бесконечные судебные разбирательства по этому поводу ощутимой пользы не приносили. Поэтому, проанализировав возникшую ситуацию, владельцы ведущих округов пришли к выводу, что достигнуть положительных результатов можно не административно-полицейскими, а экономическими мерами. В дачах округов, наращивавших металлур-

²² Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах, т. 2. Свердловск, 1927, с. 13—14.

²³ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 425, л. 67; ф. 880, оп. 3, д. 639, л. 14 об.; ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 2338, л. 152; ГАСО, ф. 643, оп. 4, д. 238, л. 133.

²⁴ ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 55, л. 53; ф. 47, оп. 1, д. 1028, л. 8; Уральский техник, 1910, № 3, с. 39.

гическое производство, развернулось строительство жилых поселков, помещений для хранения продовольствия, фуража и т. п.²⁵

На первых порах улучшение снабжения и жилищно-бытовых условий заготовителей топлива предполагало комплектование относительно устойчивого контингента временных рабочих из крестьян-отходников. В последующем владельцами передовых округов (Богословского, Лысьвенского, Гороблагодатского и др.) выдвигалась задача формирования постоянных рабочих-профессионалов, подобно тем, что обслуживали углевыжигательные центры²⁶.

При наличии кадров, освобожденных от пресловутого «надела», новые хозяева Урала — члены правлений ведущих банков России — преследовали далеко идущие цели. Акционерные общества намеревались, в частности, освоить из-за оскудения горнозаводских дач нетронутые лесные массивы Северного Урала и Западной Сибири, создать общеуральский рынок древесного топлива, расширить эксплуатацию магнитогорского, бакальского и некоторых других перспективных железорудных месторождений и на этой основе резко увеличить выплавку качественного древесно-угольного чугуна²⁷.

Но для претворения в жизнь вынашиваемых замыслов, кроме капитала, нужно было известное время. Пока же акционеры продолжали иметь дело с малонадежными крестьянами-отходниками (русскими, коми-зырянами, башкирами, татарами, удмуртами и др.), старались преодолеть последствия дефицита заготовителей топлива, особенно конных возчиков. В поисках выхода администрация казенных заводов и частные владельцы добивались от властей разрешения на привлечение в лесосеки «арестантов», переселенцев из Европейской России и населения, терпевшего бедствия от часто повторявшихся неурожаев²⁸.

Обеспокоенные обострением конкурентной борьбы между представителями разных отраслей хозяйства края вследствие растущей нехватки рабочей силы, прежде всего заготовителей топлива, заправили горнозаводской промышленности незадолго перед войной попытались заключить взаимоприемлемое для предпринимателей соглашение по найму, исключавшее нежелательное «переманивание кадров друг у друга»²⁹. Утопичность

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 427, л. 24; ф. 616, оп. 1, д. 727, л. 19—20; ГАСО, ф. 24, оп. 8, д. 466, л. 58.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 426, л. 196; ф. 595, оп. 2, д. 301, л. 43, 51; ф. 616, оп. 1, д. 728, л. 169—170; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 5413, л. 4.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 1302, л. 3; ГАСО, ф. 24, оп. 8, д. 120, л. 56—57; д. 470, л. 79; ф. 47, оп. 1, д. 1035, л. 35, 37; Лесопромышленник, 1913, № 48, с. 1108.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 54, оп. 1, д. 429, л. 141; Лесопромышленник, 1912, № 8, с. 125; Зауральский край, 1913, 13 марта, 17 октября.

²⁹ Труды XIX съезда горнопромышленников Урала с 25 по 28 февраля 1914 года в Екатеринбурге. СПб., 1914, с. 5.

подобных усилий капиталистов в условиях буржуазного строя, да еще при многообещающей конъюнктуре, была очевидной.

В годы промышленного подъема существенно повысился спрос на квалифицированных рабочих. На заготовках топлива ими были в основном мастера-углежюги, или — как их нередко называли — «кабанщики». Потребность в углежюгах определялась организацией и технологией производства. Печи в крупных углевыжигательных центрах, функционировавшие круглый год, обслуживались сравнительно небольшим, но высокопрофессиональным контингентом кадров, проживавших, как правило, здесь же, в поселках индустриального типа. Выжиг угля в кучах («кабанах») производился периодически, обычно на исходе лета и осенью, значительным количеством полупрофессионалов-отходников и, как всякая сезонная операция, сопровождался приливами и отливами рабочей силы³⁰.

Истощение топливной базы и напряженное положение с кадрами диктовали необходимость ускоренного внедрения в рассматриваемый период более прогрессивного в сравнении с кучным печного углежжения. По приблизительным данным, на Урале в начале XX в. в печах получали не более 1/3 угля, а накануне первой мировой войны — до 60%³¹. К этому времени в регионе действовало около 6 тыс. углевыжигательных установок различных типов, главным образом образцов печей конструкции Шварца со всевозможными модификациями³².

Процесс обжига древесины длительное время оставался теоретически совершенно неизученным. Практика же использования из-за несовершенства печей зачастую сырых дров вместо сухих давала противоречивые результаты. На страницах научно-технических изданий того времени велись жаркие споры о преимуществах того или иного способа углежжения. Сторонники выжига угля в печах указывали на его экономичность, возможность механизации работ, получение, наряду с углем, ценных химических продуктов сухой перегонки древесины. Их оппоненты ссылались на решающее преимущество кучного угля: более высокое качество, теплотворную способность и механическую прочность.

И все же в условиях дальнейшей концентрации производства «подтягивания» куренной операции до уровня организации основных металлургических процессов приходилось руководствоваться количественным фактором. Поэтому невзирая на расходы по сооружению стационарных и мобильных («кочевых») печей заводоуправления и администрация казенных предприятий предусматривали в ближайшее время полностью заменить куч-

³⁰ Уральское горное обозрение, 1902, 1 сентября; Урал, 1906, 11 марта.

³¹ Лес и его разработка, 1916, № 3, с. 49.

³² Суханов Ф. П. Уральское углежжение и углевыжигательные аппараты. Екатеринбург, 1923, с. 24.

ной выжиг угля печным — более эффективным с точки зрения производительности и экономии затрат труда³³. Помимо снижения себестоимости топлива, ускорения оборота капитала в связи с непрерывным поступлением полуфабриката на заводы, эта мера в известной степени разрешала и проблему рабочей силы.

Кучное углежжение не удовлетворяло как предпринимателя, так и самих углежогов. Заготовка топлива в данном случае зависела от состояния сельского хозяйства, ибо в неурожайные годы приток рабочих в лесосеки резко сокращался. С появлением более выгодных работ они нередко покидали куренн, не выполнив контрактов, так как заготовка топлива для типичных полурабочих-полукрестьян была лишь дополнительным заработком к доходу от основного занятия — сельского хозяйства. К тому же труд углежогов был малооплачиваемым, вредным для здоровья и очень ответственным. При получении нестандартного угля (что происходило нередко из-за погодных условий и использования перестойного леса) они не только лишались части заработка, но и подвергались штрафованию, вплоть до конфискации недвижимого имущества. Не удивительно, что профессия углежого-универсала, выполнявшего весь комплекс работ в куренях, становилась все более непопулярной. Старшие поколения выбывали по возрасту, а молодежь, по признанию специалистов, «на эту тяжелую черную работу не шла»³⁴.

Воодушевленные правительственными заказами и хорошим сбытом металлоизделий «народного» ассортимента горнозаводчики, мобилизовав акционерный капитал, взяли курс на реконструкцию не только основного производства, но и куренной операции. В предвоенные годы в большинстве частновладельческих и в некоторых казенных округах развернулось строительство подъездных железнодорожных путей и канатных дорог, устанавливались подъемно-транспортные паровые машины у мест выгрузки древесины, испытывались механические пилы и дроворубки с различными двигателями. Особое внимание уделялось совершенствованию конструкций углевыжигательных печей и механизации труда в ведущих углевыжигательных центрах (Каквинский, Усьвенский, Губахинский и др.), которые поставляли основную массу угля³⁵. Стационарные печи обслуживал быстро растущий отряд углежогов и подсобных рабочих, численность которых к 1914 г. достигала примерно 25 тыс. человек.

³³ ГАСО, ф. 24, оп. 8, д. 466, л. 24; ф. 72, оп. 1, д. 5729, л. 5; Первый съезд окружных инженеров Уральской горной области (24 апреля—3 мая 1914 г.). Екатеринбург, 1914, с. 41.

³⁴ Уральский техник, 1910, № 3, с. 40; Лес и его разработка, 1916, № 3, с. 49.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 595, оп. 2, д. 301, л. 33—35; ГАСО, ф. 24, оп. 8, д. 466, л. 59; ф. 45, оп. 1, д. 209, л. 20; ф. 72, оп. 1, д. 5413, л. 3; ф. 635, оп. 1, д. 10, л. 138; Лесопромышленник, 1912, № 48, с. 972.

Полуграмотные куренные мастера и углежоги-самоучки были не в состоянии внедрить и эффективно использовать новую технику, осуществлять выжиг угля в печах и кучах в соответствии с научными рекомендациями. Поэтому в передовых округах по инициативе администрации была организована оперативная подготовка мастеров-углежогов. Обобщив накопленный опыт, первый съезд окружных инженеров Урала, состоявшийся накануне первой мировой войны, признал необходимым открыть специальные школы с трехгодичным курсом обучения, по типу лесных, для устранения повсеместной нужды в техниках углежжения³⁶.

Новый промышленный подъем, прерванный войной, оказался непродолжительным. Но было бы ошибочно полагать, что только война помешала реализации проектов горнозаводчиков по реконструкции уральской металлургии и, в первую очередь, переводу ее на смешанную древесно-коксовую плавку.

Приступив к организационно-технической перестройке ведущей отрасли хозяйства региона, правления акционерных обществ и владельцы неакционерных округов (Строганова, Абамелек-Лазарева и др.) рассчитывали на щедрую материальную поддержку правительства в области железнодорожного строительства, разведки полезных ископаемых и «приведения лесов в известность». Однако бюджета государства, давно уже сводившегося с дефицитом, не хватало, как известно, даже на военные приготовления царизма.

Сами же горнопромышленники выделили на эти цели недостаточные суммы, решились лишь на совместное строительство подъездных железнодорожных путей от заводов к существовавшим магистралям. В результате такой «экономии» на внутри-окружных перевозках грузов преобладал малопроизводительный, но дорогостоящий гужевого транспорт. Из-за летнего бездорожья он мог использоваться главным образом зимой.

В течение трех-четырёх месяцев с помощью конной силы невозможно было создать долговременные запасы топлива. Опыт крупнейшего в мире древесно-угольного металлургического завода — Надеждинского — показывал, что рациональная концентрация производства обуславливала необходимость перевода куренной операции на непрерывный режим работы. Достичь этого можно было на основе механизации заготовки и транспортировки топлива и замены сезонников постоянными кадрами.

Однако специфичные для Урала феодальные пережитки сдерживали процесс разложения крестьянства и формирования пролетариата. Крестьяне-отходники или рабочие с наделом, занятые большую часть времени в своих хозяйствах, выкраивали на заработки в куренях не более двух — трех месяцев

³⁶ Первый съезд окружных инженеров Уральской горной области, с. 42.

в году. При таком составе и характере использования рабочей силы непрерывность получения топлива была, разумеется, несущественна.

В итоге в разгар нового экономического подъема возник и стремительно увеличивался разрыв между потребностями металлургии в древесном горючем и состоянием топливной базы, все более отстававшей в развитии от основного производства³⁷. Хорошо зная причины данного явления, представители банковского капитала, занимавшие руководящие посты в правлениях акционерных округов, вновь потребовали от правительства немедленного разрешения (естественно, в свою пользу) злободневных для Урала проблем.

Лишь устранение феодальных препоны могло расчистить путь к развитию капитализма не только «вширь», но и «вглубь» и тем самым способствовать решению первостепенной экономической задачи: приведению топливной базы края в соответствие с запасами его рудных месторождений и рыночным спросом на металл. Однако классовые интересы уральских заводчиков-латифундистов противостояли стремлениям передовых буржуазных кругов, добивавшихся предоставления им на Урале таких же благоприятных условий предпринимательства, как в Южном металлургическом районе страны. И это сдерживало развитие весьма важной для края отрасли хозяйства.

³⁷ На большинстве крупных казенных и частновладельческих заводов выплавка чугуна уже в первой половине 1914 г. пошла на убыль из-за недостатка древесного угля.— См.: Уральская жизнь, 1915, 1 января.

Ю. Д. КОРОБКОВ

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА
В 1910—1914 гг.**

Широкое использование труда молодежи на промышленных предприятиях Российской империи, раннее вовлечение ее в революционное движение¹ и активное участие в борьбе с самодержавием выдвигают в число важных задач проблему изучения социально-экономического положения пролетарской молодежи и ее удельного веса в составе рабочего класса. Однако до сих пор нет обобщающих данных о численности молодых рабочих Урала. Имеющиеся сведения касаются либо горнозаводской, либо фабрично-заводской промышленности. Нет специальных работ, рассматривающих положение рабочей молодежи. Между тем его анализ имеет большое значение в определении истоков революционной активности молодого поколения уральского пролетариата. На недостаточную изученность возрастной структуры рабочего класса Урала указывали Н. К. Лисовский, Д. В. Гаврилов².

Среди факторов, затрудняющих установление численности рабочей молодежи в крае, можно назвать следующие: отсутствие всероссийских переписей населения после 1897 г.; сознательное занижение числа подростков владельцами предприятий; недостатки дореволюционной статистики, полное отсутствие сведений о численности молодых рабочих железнодорожного транспорта, мелкой, кустарной промышленности, строителей, водников. Сказывается также отсутствие у историков единства при определении численности уральского пролетариата в целом.

Следует, на наш взгляд, учитывать и возрастные границы молодежи. Вопрос этот не формален. Чрезмерное сужение по-

¹ Так, из 59 большевиков Урала, принятых в партию в период с 1910 г. по февраль 1917 г., по нашим подсчетам, 76 % вступили на путь революционной борьбы, начали выполнять задания большевиков в возрасте до 21 года.

² Лисовский Н. К. Некоторые вопросы историографии Октябрьской революции на Урале.— В кн.: Историография Октябрьской социалистической революции на Урале. Челябинск, 1985, с. 14; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861—1900. М.: 1985, с. 14.

Численность малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала в 1910—1914 гг.*

Год	Общее число рабочих	Малолетние и подростки	
		абс.	%
1910	47896	5814	12,1
1911	46541	5610	12,0
1912	46607	5793	12,4
1913	48290	5999	12,4
1914	49561	6620	13,4

* Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка. Пг., 1916, вып. 1, с. 68, 69, 78, 79, 88, 89.

нятия «молодежь» выводит за пределы анализа очень важные ее группы, а произвольное расширение приводит к утрате их специфики. Для дореволюционного периода молодежный возраст можно определить в пределах от 14 до 25 лет: нижняя граница — законодательно установленный возраст привлечения к работе; верхняя — достижение молодежью уровня социальной зрелости³. К сожалению, дореволюционная промышленная статистика причисляла к молодым рабочим лишь малолетних и подростков до 17 лет, остальные относились к категории взрослых рабочих. Исходя из официальных данных мы имеем возможность поэтому определить удельный вес в составе рабочих горнозаводской и обрабатывающей промышленности Урала именно этой группы молодежи.

Данные о молодежи, занятой в фабрично-заводской промышленности Урала, приведены в табл. 1.

Темпы роста числа подростков опережали прирост всех рабочих. Если количество рабочих в целом с 1910 по 1914 г. выросло на 3,4%, то число подростков — на 13,9%. Указанная тенденция сходна с общероссийской⁴.

Степень использования труда малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала была несколько выше, чем в целом по стране. Так, в 1911 г. доля малолетних и подростков в обрабатывающей промышленности России составила, по тем же источникам, 10,8%⁵. Причина заключается в преобладании на Урале средних и мелких предприятий, вла-

³ См.: Коробков Ю. Д. Борьба уральских большевиков за молодежь в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910—февраль 1917 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1985, с. 6—9.

⁴ См.: Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. М., 1965, с. 18.

⁵ Там же, с. 16.

**Численность малолетних и подростков в горнозаводской
и фабрично-заводской промышленности Урала
в 1911—1912 гг.***

Отрасль промышленности	Общее число рабочих	Малолетние и подростки	
		абс.	%
1911 г.			
Горнозаводская	208014	14354	6,9
Фабрично-заводская	254555	19964	7,8
1912 г.			
Горнозаводская	209301	16570	7,9
Фабрично-заводская	255908	22363	8,7

* Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 г. Пг., 1918, с. 55; ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 696, л. 43; оп. 75, д. 291, л. 222—224 (лесные и куренные рабочие не учтены).

дельцы которых значительно шире использовали детский труд. При определении численности молодежи в горнозаводской промышленности использовались данные сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности России и материалы по статистике несчастных случаев, которые собирались на Урале в 1911—1913 гг. Каждый из источников имеет свои недостатки. Данные сборников более полные, но в них нет возрастной структуры горнозаводского пролетариата. Архивные материалы менее точны (сказалось сознательное занижение численности рабочих, кроме того, ряд предприятий сведений не представили), но они отражают возрастную состав рабочих. С учетом этого мы определили численность рабочей молодежи, соответствующую материалам сборников (табл. 2).

Более низкий уровень занятости подростков в горнозаводской промышленности по сравнению с фабрично-заводской объясняется как спецификой данного производства, так и наличием избыточной рабочей силы, скрытой и явной безработицей, которая ограничивала доступ подростков в горное производство.

Степень участия подростков и малолетних в горнозаводском производстве Урала была несколько выше общероссийской, которая в 1913 г. составила 6,6 %⁶. Сказалась низкая техническая оснащенность уральских горных заводов, значительная доля подсобных, вспомогательных работ, на которых в основном применялся труд юных рабочих. Суммарные данные о числе моло-

⁶ Там же, с. 18.

дых рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности в 1911—1912 гг. показывает табл. 2.

Эти цифры не претендуют на абсолютную точность. Они показывают лишь приблизительную картину занятости подростков и тенденции ее развития.

Горнозаводская молодежь занимала передовые позиции в революционном движении среди других отрядов рабочей молодежи. Наряду с численным преобладанием, ее ведущая роль в классовой борьбе была обусловлена и другими факторами. К их числу прежде всего следует отнести высокую концентрацию производства в горнозаводской промышленности. Как отмечал В. И. Ленин, «на Урале нет или очень мало мелких предприятий в горной и металлургической промышленности»⁷.

На формирование облика молодого уральского рабочего оказывало заметное влияние увеличение в составе пролетариата доли потомственных рабочих. По подсчетам Л. И. Лесковой, дети местных рабочих составили в 1906—1913 гг. 78,4% всех приступивших к работе в металлопромышленности Урала⁸. Рост преемственности горнозаводского труда закладывал и основу преемственности революционных традиций, являлся серьезной объективной предпосылкой формирования молодого сознательного пролетария. По этому показателю Урал, наряду с Москвой и Петербургом, занимал ведущие позиции в стране⁹.

Большое значение для других групп имело раннее включение в производство пополнения уральского пролетариата — молодых крестьян, кустарей, ремесленников. Под влиянием кадровых уральских пролетариев ускорялся их переход на позиции пролетарской идеологии, отрыв от мелкобуржуазного мировоззрения. Кроме того, усиливалась связь молодых рабочих Урала с широкими массами трудящейся непролетарской молодежи.

Дети и подростки в горнозаводской промышленности использовались в основном на подсобных работах: подручными у станков, при печах, при чистке котлов и дымоходов, на подноске и подвозке различных металлов. Условия их труда подчас были тяжелее, чем у взрослых.

Типичную картину изнурительного труда детей на заводах Богословского горного округа рисует в своих воспоминаниях старый уральский рабочий В. А. Чашин, с 12 лет работавший на очистке от накипи паровых котлов. «Спускали нас пятерых малышей в душную тьму. Мы зажигали сальные свечи и начинали долбить молотками стенки котла, откалывая накипь. Рядом с нами действовал второй, параллельный нашему котел, поэтому жара внутри нашего котла была такая, что приходилось

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 291.

⁸ Лескова Л. И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910—1914 гг. — Исторические записки, 1960, № 67, с. 268.

⁹ См.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. М., 1982, с. 69.

работать без рубашек, обливаясь потом. Притока свежего воздуха не было, и мы начинали задыхаться в этой нестерпимой жаре и духоте. Вечером мы шли домой едва живые, вялые и обессиленные, с тяжелой головной болью»¹⁰.

В лудильном цехе Лысьвенского завода, где работало много молодежи, по воспоминаниям старого рабочего Л. А. Лазарева, «весь воздух был настолько насыщен известью-пушонкой, что рабочий не видел своего соседа, и у всех рабочих этого цеха были сильно разъедены нос, губы, рот»¹¹.

Жесточайшая эксплуатация детского труда была типичным явлением и для фабрично-заводской промышленности края. В погоне за максимальными прибылями владельцы предприятий низводили малолетних рабочих «до степени простого орудия накопления капитала»¹².

На одной из самых тяжелых работ — в качестве машинистов — использовались подростки на механическом заводе Балакшина в Кунгуре. «Труд этот поистине адский и нужно лично пожариться у топки, чтобы дать ему определение адского труда», — такое впечатление вынес репортер от посещения предприятия¹³. Чрезвычайно тяжелыми были условия труда на Бондюжском химическом заводе, где «в большинстве уже к 30 годам рабочий становится совершенно разбитым и неспособным к труду и выбрасывается за борт»¹⁴.

Домом калечения детей, молодежи, рассадником болезней, главным образом чахотки, называл большевистский журнал «Заря Поволжья» чаеразвесочную фабрику общества «Караван» в Уфе¹⁵. Подобные предприятия отличались особенно тяжелыми условиями труда. Поступая на работу, как правило в 12—13 лет, подростки к 18—19 годам в «награду» за каторжный труд получали чахотку¹⁶.

«Первое, что вас поразит, — отмечалось в корреспонденции газеты «Голос Приуралья», рассказывавшей о положении рабочих чаеразвесочной фабрики Губкина-Кузнецова в Челябинске, — это мелкая чайная пыль и спертый воздух. От них высыхают легкие рабочих. Затем, самые условия труда — это быстрые механические, однообразные движения рук по завертыванию чайных четвертушек — требуют от рабочего большого напряжения и адского терпения. Работают здесь большинство мальчиков от 12—16 лет. От непрерывного трения из оконечностей их пальцев струится кровь», «... подзатыльники и затрещины — обычное явление. Крики и площадная брань по адресу мальчи-

¹⁰ Ч а щ и н В. А. В суровые годы. Свердловск, 1957, с. 39.

¹¹ Цит. по кн.: Рычкова Г. П. Лысьва. Пермь, 1963, с. 24.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 197.

¹³ Юг Тобола, 1912, 2 сент.

¹⁴ Вятская речь, 1910, 28 июля.

¹⁵ Заря Поволжья, 1914, № 20, с. 11.

¹⁶ Там же.

ков — и за обиду не считается»¹⁷. Следствием этих страшных условий труда была высокая смертность. На фабрике в 1910 г. умерло от чахотки девять молодых рабочих, весной следующего года — еще четверо.

Широко применялся труд подростков в типографиях. Отсутствие фабричной инспекции усиливало произвол хозяев. Условия труда здесь были ниже всех допустимых норм. В типографии «Энергия» в Троицке, например, как отмечал корреспондент, «недостаток света и воздуха, сырость и грязь губительным образом сказываются на здоровье рабочих, вентиляция отсутствует; зловоние от варки клея и от керосинок сильно дает себя чувствовать; все рабочие сгруппированы в трех небольших комнатах; полы моются крайне редко; пыль носится целыми клубами. В типографии сильно развит труд детей... Все они работают наравне со взрослыми наборщиками, кроме того, зачастую оставляются и на вечерние сверхурочные работы»¹⁸. Труд малолетних жестоко эксплуатировался также в типографиях газет «Уральская жизнь», «Уральский край» и других подобных заведениях¹⁹.

Абсолютно бесправными были ученики, подмастерья многочисленных мелких мастерских. Их обучение в основном сводилось к помощи хозяевам на кухне, службе на посылках и получению «выволочек»²⁰. В мастерских дамских нарядов Ведерниковой в Челябинске, как отмечала пресса, учениц «вместо обучения заставляют с утра до вечера исполнять черную работу, обращаются как с животными»²¹. В таком же положении находились ученики и подмастерья сапожных мастерских.

Использование труда подростков на тяжелых работах при отсутствии элементарных средств охраны труда приводило к высокой степени молодежного травматизма. По неполным данным, на предприятиях фабрично-заводской промышленности Вятской губернии в 1914 г. произошло 95 несчастных случаев, 32 из них (33,7 %) приходились на долю рабочих в возрасте от 12 до 18 лет²². В 1911—1915 гг. на долю рабочей молодежи (до 21 года) Лысьвенского металлургического завода приходилось от 28 до 35 % всех несчастных случаев²³. На золото-платиновых приисках Пермского горного округа в 1916 г. уровень детского травматизма составлял 27 %²⁴.

Лишь в результате упорной борьбы рабочего класса Государственная дума в 1912 г. приняла закон о страховании от

¹⁷ Голос Приуралья, 1910, 19 июня; 1911, 15 июля.

¹⁸ Голос Приуралья, 1910, 13 мая.

¹⁹ Луч, 1912, 29 декабря; 1913, 6 апреля.

²⁰ Трудовой голос, 1913, 10 марта.

²¹ Северная мысль, 1913, 26 ноября.

²² ГАКО, ф. 566, оп. 1, д. 801, 804, 808, 817, 821, 827, 829, 832, 834, 836.

²³ ГАПО, ф. 209, оп. 1, д. 384—390, 676—680.

²⁴ ГАПО, ф. 174, оп. 1, д. 138.

несчастных случаев и по болезни. Причем на подростков страхование в случае болезни не распространялось.

Рабочий день юных рабочих был такой же продолжительности, что и у взрослых—10—11 часов в сутки. На Ижевском заводе, например, до 1910 г. ученики работали по 10,5 часа. Кроме того, подростки систематически оставались на сверхурочные работы, трудились порой больше, чем взрослые, на многих мелких предприятиях рабочий день подростка вообще был не ограничен. Более того, фабрикантами предпринимались многочисленные попытки обойти закон, запрещавший работу подростков в выходные и праздники. Так, владелица стекольного завода в Вятской губернии Юрасова просила у губернатора разрешения на использование труда 12—15-летних рабочих в выходные и праздничные дни. Свою просьбу она мотивировала тем, что «в поселке нет церкви и школы, и молодежь не может удовлетворить свои духовные потребности и время проводит праздну»²⁵.

Приравнивая во всех отношениях труд подростков к труду взрослых рабочих, предприниматели только в одном делали для них «исключение»—в оплате труда. На Нижне-Тагильских заводах средненедельный заработок рабочего составил в 1912 г. 5—6 руб., подростков—2—3 руб. при одинаковой продолжительности рабочего дня²⁶. Среднепостоянная заработная плата на Надеждинском заводе в 1908—1913 гг. была 1 руб. 02 коп.—1 руб. 16 коп., у подростков—42—50 коп.²⁷

Широко практиковавшимся способом снижения и без того низких расценок для юных рабочих было ученичество. Типичный пример такой формы приобретения специальности на уральских заводах приводит старый большевик И. И. Колыбалов: «1-й год использовали на топке печей и обслуживании рабочих (на побегушках). 2-й год в качестве мотора, т. е. заставляли вертеть маховик, приводящий в движение станок, всего за 5 копеек в день. 3-й и 4-й год работал подручным на строгальном станке в литейном цехе за 15 копеек в день»²⁸. В условиях острой нехватки ремесленных школ на Урале стремление заводчиков законсервировать ученичество как дополнительный источник доходов, продажа подростками своего труда за бесценок были характерны для всей уральской промышленности.

Постоянный голод, антисанитарные условия труда и быта, отсутствие элементарного отдыха подрывали здоровье молодых и взрослых рабочих. «Капитал,— писал К. Маркс,— потребляет

²⁵ Цит. по кн.: Ключикин В. И. Коммуны будущей творцы. Киров, 1971, с. 7.

²⁶ Луч, 1912, 28 сент.

²⁷ Буранов Ю. А. Положение рабочих Богословского горного округа в конце XIX—начале XX вв.—В кн.: Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969, вып. 9, с. 141.

²⁸ ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 10, л. 3. Воспоминания И. И. Колыбалова.

рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим»²⁹. Однако правящие круги не принимали серьезных мер для обеспечения трудящихся соответствующей медицинской помощью. На их медицинское обслуживание отпусkaliсь минимальные средства. В Богословском горном округе, например, в 1912 г. на одного врача и трех фельдшеров приходилось до 80 тыс. амбулаторных больных в год³⁰, а на Качканарских золотых приисках на 10 тыс. чел. было 2 врача, 3 ротных фельдшера, 2 акушерки³¹. Естественно, говорить о квалифицированной медицинской помощи в таких условиях не приходится.

Усиленная «экономия» на здоровье народа приводила к ужасающим размерам детской смертности. X съезд врачей в Пермской губернии, проходивший в мае 1910 г., констатировал, что уровень смертности детей в Шадринском уезде достиг 82%, а в целом по губернии такой же, что и сто лет назад, и даже увеличивается³².

Антинародная политика царизма не ограничивалась снижением жизненного уровня пролетариата. Боязнь просвещения масс привела к политике своеобразного «духовного» террора, к стремлению максимально ограничить доступ детей трудящихся к знаниям. Вся политика Министерства народного просвещения была, как отмечал В. И. Ленин, направлена на то, чтобы держать школы подальше «от простого и мастерового люда»³³.

Оторванность Урала от культурных центров, крайне немногочисленная интеллигенция, низкий технический уровень производства в совокупности с ограничением доступа в школы привели к тому, что образовательный и культурный уровень трудящейся молодежи края был ниже средних показателей по стране³⁴.

Хроническая нехватка школ в крае приводила к постоянному пополнению рядов безграмотных тысячами детей рабочих и крестьян. Так, на все население Чусовского завода (более 20 тыс. человек) существовало лишь три женские начальные школы³⁵. В Кушвинском заводе в 1910 г. не смогли попасть в школу 200 детей³⁶. Нередко ученики оставляли школу из-за низкой материальной обеспеченности, неспособности родителей внести плату за обучение своего ребенка, необходимости отдавать детей на работу. В Юговском заводе, например, в четыре начальных

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 656.

³⁰ Буранов Ю. А. Указ. соч., с. 148.

³¹ Голос Приуралья, 1910, 5 сентября.

³² Уральский край, 1910, 4 июня.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 20.

³⁴ См.: Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг., с. 72.

³⁵ Зауральский край, 1913, 19 сент.; Уральская жизнь, 1913, 15 февраля.

³⁶ Уральский край, 1910, 19 сентября; Уральская жизнь, 1913, 15 февраля.

класса училища поступили в 1911 г. 180 мальчиков и 130 девочек. Окончили же курс 40 мальчиков и 23 девочки³⁷.

В течение 1912—1913 гг. в Ирбитском уезде число начальных училищ сократилось на 14%, а двухклассных — на 9,5%. Причина заключалась в непосещении учащимися школ из-за низкой материальной обеспеченности³⁸. «Народное образование,— отмечала «Правда»,— поставлено у нас в такие условия, что низшая школа оказывается для многих детей крестьян и рабочих, особенно же девочек — роскошью»³⁹.

Классовая направленность дореволюционной школы, боязнь политического пробуждения масс накладывали отпечаток на содержание и структуру программы обучения. Весь режим школы был направлен на то, чтобы воспитать из учеников послушных исполнителей воли господствующих классов.

Тяжелое материальное положение пролетарской молодежи усугублялось ее политическим и гражданским бесправием. Самодержавие лишало молодых рабочих элементарных демократических прав и свобод. Они были лишены, в частности, права выборов в Государственную Думу, в местные органы самоуправления, рабочих старост. Как указывал В. И. Ленин, «все избирательные системы буржуазных стран даже наиболее демократические, ограничивают на деле избирательные права рабочих либо возрастом (в России требуется 25 лет), либо оседлостью и постоянством места работы (полгода в России) и т. д. Подобные ограничения падают обыкновенно тяжелее всего именно на молодые, более сознательные и решительные слои пролетариата»⁴⁰.

Раннее вовлечение в производство⁴¹, тяжелейшие условия жизни и труда, социальный гнет, политическое бесправие побуждали молодое пролетарское поколение к борьбе и против своих непосредственных эксплуататоров, и против существующего режима. Дополнительным условием для объединения, сплочения, организации молодых пролетариев, выработки классового сознания была концентрация на заводах большого количества молодых рабочих, высокая степень преемственности поколений уральского пролетариата. Благодаря этому сложились объективные условия для превращения молодежи в активного участника революционного движения. Пролетарская молодежь была главной составной частью армии рабочего класса, могучим резервом революции.

³⁷ Пермский край, 1912, 17 января.

³⁸ Зауральский край, 1913, 25 января.

³⁹ Правда, 1912, 31 августа.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 234.

⁴¹ Подавляющее большинство уральских рабочих начинали трудиться еще в детском возрасте. По данным переписи 1929 г., из 1857 рабочих, начавших трудовую деятельность в 1906—1913 гг. в металлопромышленности Урала, 66,1% начали работать в возрасте до 15 лет, 23,8% — 16—17 лет, 4,3% — 18—19 лет, 5% — 20—29 лет.

Л. С. ЮДИНА

**РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
(1914 г.— ФЕВРАЛЬ 1917 г.)**

Большое значение для понимания внутренних объективных предпосылок и условий победы социалистической революции в России имеет изучение истории массового рабочего движения в период от 1 августа 1914 г. до победы февральской буржуазно-демократической революции, когда создавалась и складывалась политическая армия революции.

Первая мировая война открыла новый этап в истории рабочего движения в России и, в частности, на Урале. Она стала суровым испытанием сил рабочего класса, его сознательности и организованности, классовой солидарности и чувства интернационализма.

Этот трудный, сложный период в истории рабочего класса и рабочего движения привлек внимание советских историков уже вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение источников, сбор воспоминаний участников революции тогда взяли на себя Истпарты. На Урале с помощью Уфимского Истпарта в 1919 и 1920 гг. были изданы два сборника, в которые вошли воспоминания об октябрьских днях в крае. В них нашли отражение некоторые события первой мировой войны и революционное движение того периода¹.

Большую роль в освещении рабочего движения на Урале сыграли журналы «Былое Урала» и «Уральский коммунист».

В 20-е гг. были изданы «Материалы по истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье» и сборник Уфимского Истпарта «Революционное прошлое», которые включали документы, освещавшие борьбу рабочего класса Урала в годы первой мировой войны и февральской революции, экономическое положение уральского пролетариата².

¹ Уфимский сборник Октябрьской революции. Изд. Уфимского комитета РКП(б). Уфа, 1919; Уфимский Октябрьский сборник № 2. Уфа, 1920.

² Ки й к о в А. Материалы по истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье. Уфа, 1923; Революционное движение, № 1; Сборник Истпарта. Уфа, 1923.

Довольно значительная литература по истории рабочего движения вышла к 10-летию Великого Октября. На Урале наиболее заметным явлением было издание сборника документов под редакцией А. П. Тяняева³, в котором содержался большой фактический материал, характеризующий состав уральских рабочих в годы войны, положение и борьбу рабочего класса Урала. Впервые в уральской литературе была сделана попытка составления хроники и статистики рабочего движения. В этой книге собраны данные, которые на долгое время стали основным источником для многих исторических исследований по истории рабочего движения на Урале.

Значительное внимание исследуемой проблеме уделено в работах советских историков середины 50-х гг. Особенностью этих исследований является расширение проблематики и источниковедческой базы. Вопросы истории рабочего класса и рабочего движения на Урале в годы первой мировой войны и февральской революции получили также освещение в диссертациях В. Шпилевой, В. В. Адамова, С. А. Залесского⁴, в работах по истории фабрик и заводов⁵, новых сборниках документов⁶.

В конце 60-х — начале 70-х гг. вышли в свет очерки истории большевистских организаций почти всех областей Урала⁷. В них получила некоторое освещение и борьба рабочего класса края в годы первой мировой войны и февральской революции.

Большую роль в изучении истории рабочего класса Урала периода 1914—1917 гг. сыграли работы Ф. П. Быстрых⁸,

³ Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Сборник документов / Под ред. А. П. Тяняева. Свердловск, 1927.

⁴ Шпилева В. Рабочее движение и большевистские организации на Урале в годы мировой империалистической войны и Февральской революции (1914 — март 1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1950; Адамов В. В. Горнозаводская промышленность Урала в годы первой мировой войны: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1954; Залесский С. А. Горнозаводская промышленность Урала в период первой мировой войны: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1955.

⁵ Алферов Р. Прочнее стали. Уфа, 1954; Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1957; Сергеев В. Л. Камские заводы. Из истории возникновения и развития Ижевского и Воткинского заводов. Ижевск, 1958; и др.

⁶ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сб. документов. Челябинск, 1951.

⁷ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. 1898—1918. Киров, 1965; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971; Очерки истории коммунистических организаций Урала. (1883—1920). Свердловск, 1971; и др.

⁸ Быстрых Ф. П. Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции на Урале.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960; Он же. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961; Он же. Рабочее стачечное движение на Урале в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г. М., 1964; и др.

Л. М. Гантмана⁹. В 80-е годы большое внимание уральские историки стали уделять отдельным отрядам рабочего класса, его союзу с крестьянством¹⁰.

Таким образом, уральскими историками проделана значительная работа по освещению истории рабочего класса, рабочего движения в период первой мировой войны и февральской революции.

Автор, опираясь на исследования своих предшественников, ставит своей целью систематизировать данные о рабочем движении в изучаемый период, дать хронику рабочего движения на Урале в 1914—1917 гг.

Рабочее движение на Урале, как и во всей стране, с августа 1914 г. по февраль 1917 г. можно разделить на три периода: 1) август 1914 г.—январь 1915 г.—временный спад, ослабление рабочего движения; 2) январь—конец 1915 г.—подъем рабочего движения, назревание революционного кризиса; 3) январь 1916 г.—февраль 1917 г.—дальнейший подъем стачечного движения, приближение революционного взрыва и февральская революция 1917 г.

Достаточным основанием для такой периодизации являются данные забастовочного движения, подсчитанные нами по документам архивов и документальным источникам: с августа по декабрь 1914 г. на Урале было 23 забастовки; в 1915 г.—95 забастовок; с января 1916 г. по февраль 1917 г.—214 забастовок. Причем только в январе—феврале 1917 г. было 32 забастовки, в которых участвовало около 100 тыс. чел.

Наиболее массовой формой борьбы пролетариата оставалась стачка. Несмотря на экономические требования, в условиях войны стачки носили антивоенный характер. В. И. Ленин писал, что «специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло гласное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий»¹¹.

Массовые революционные стачки и демонстрации, направляемые партией большевиков, являлись важнейшим средством всесторонней подготовки пролетариата и широких

⁹ Гантман Л. М. Борьба большевистских организаций Урала за Советы в период от февраля к Октябрю (по материалам Пермской губернии): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пермь, 1963; Он же. Обострение продовольственного кризиса и рост стихийного возмущения масс в Пермской губернии накануне февральской буржуазно-демократической революции.— В кн.: Вопросы истории Урала. Материалы 2-й научной сессии вузов Уральской зоны в г. Перми 20—22 апреля 1965 г. Пермь, 1966; и др.

¹⁰ Васильев С. М., Чемерис В. П. На путях к Октябрю (Краткий очерк рабочего движения в Башкирии в 1914—1917 гг.). Уфа, 1960. Левина Т. Л. Из истории борьбы партии большевиков за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы мировой империалистической войны (1914—март 1917 гг.): Пермь, 1963.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

Количество стачек в России
и на Урале в 1914 г.
(в скобках — число бастовавших) *

Месяц	В России	На Урале
Август	26 (27148)	6 (4700)
Сентябрь	10 (4661)	3 (3000)
Октябрь	9 (1153)	5 (3000)
Ноябрь	16 (2646)	4 (2800)
Декабрь	9 (1604)	5 (3200)
Всего	70 (37212)	23 (16700)

* Рабочий класс России, 1907 — февр. 1917 г. М., 1982, с. 328. Данные по Уралу: ПАСО, ф. 41; ГАПО, ф. 229; ГАОО, ф. 10; ЦГАОР СССР, ф. Д-4, 1914; Рабочее движение в годы войны. М., 1925; Васильев С. М., Чемерис В. П. На путях к Октябрю. Уфа, 1960; Зауральский край. 1914; Оренбургская жизнь, 1914.

трудящихся масс к превращению империалистической войны в гражданскую, к выполнению демократических задач пролетариата.

Начиная с августа 1914 г. рабочее движение на Урале было довольно значительным и ненамного уступало общероссийскому. В августе каждая четвертая забастовка происходила на Урале, в сентябре — каждая третья, в октябре — каждая вторая, в ноябре — каждая четвертая. А число бастовавших на Урале начиная с октября 1914 г. даже превосходило общероссийские цифры (табл. 1).

Наиболее крупными политическими событиями второй половины 1914 г. на Урале были забастовки рабочих Миньярского и Нязепетровского заводов, продолжавшиеся длительное время, и забастовки рабочих таких крупных заводов, как Тирлянский, Қалатинский, Шайтанский и Чусовской, а также Тугайкульских каменноугольных копей. На Миньярском заводе бастовало более 1 тыс. чел. Они выдвинули в качестве главных требований установление 8-часового рабочего дня и прекращения войны. Стачка носила ярко выраженный политический характер, она продолжалась восемь месяцев и была закончена только в феврале 1915 г. Руководила стачкой большевистская организация, были созданы страховые кассы, которые оказывали помощь бастующим. На соседних Симском и Аша-Балашевском заводах рабочие выражали солидарность бастующим товарищам, оказывали им материальную помощь.

На Нязепетровском заводе в течение шести месяцев бастовало 1500 чел. Не в силах справиться с бастующими, заводоуправление пошло на то, чтобы закрыть завод.

В разгар первой мировой войны, в октябре 1914 г., началась забастовка шахтеров на Тугайкульских (Челябинских) коях. Рабочие потребовали повышения расценок. Владельцы шахт, рассчитывавшие в условиях войны на увеличение своего капитала, ответили отказом.

Руководили забастовкой Иван и Павел Стряпунины, Никита Ряшин, Александр Иванов, Леопольд Гольц, ссыльный большевик Захар Филонов, Максим Вольский (Тимофей Ефремович

Таблица 2

Количество стачек в России
и на Урале в 1915 г.
(в скобках — число бастовавших) *

Месяц	В России	На Урале
Январь . . .	21 (8906)	4 (2700)
Февраль . . .	32 (24929)	11 (4300)
Март	35 (22404)	6 (1400)
Апрель	111 (38590)	10 (3000)
Май	165 (63008)	15 (6700)
Июнь	164 (80054)	9 (2700)
Июль	92 (28104)	7 (3000)
Август	76 (54625)	8 (1800)
Сентябрь . . .	184 (113866)	4 (900)
Октябрь	80 (78027)	7 (1600)
Ноябрь	55 (39628)	5 (1200)
Декабрь	48 (17102)	9 (2500)
Всего.	1063 (569243)	95 (31800)

* Рабочий класс России, 1907 — февр. 1917 г., с. 328. Данные по Уралу подсчитаны по материалам архивных и документальных источников.

жения на фронтах войны, резкое ухудшение материального положения трудящихся масс вследствие дороговизны и спекуляции. Но если стачечное движение в России резко шло на подъем, снижая темпы в июле — августе и с октября по декабрь 1915 г., то на Урале оно развивалось неравномерно, скачкообразно, с подъемами и спадами.

Резкое увеличение дороговизны определило направление стачек с чисто экономическими требованиями. Основным из них было повышение заработной платы. На Урале стачки с экономическими требованиями составляли более 80%. Они еще раз показали, что «только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть наиболее отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение нескольких месяцев в армию политических борцов»¹².

В первых рядах забастовщиков Урала шли рабочие Бело-рецкого завода. За время с января по декабрь 1915 г. они бастовали 9 раз. Следом за ними по активности значились рабочие Миньярского завода (7 забастовок), Оренбургских железнодорожных мастерских (7), Кочкарских золотых приисков (3), Невьянского и Усть-Катавского заводов (по 2). Стачки показа-

Лысов), бежавший из Александровского центра-ла Иркутской тюрьмы.

Шахтеры держались стойко. Управляющий был вынужден вызвать из Челябинска казачью сотню. Стачка прекратилась только тогда, когда были арестованы руководители забастовки. Масштабы рабочего движения в 1915 г. показаны в табл. 2.

Несмотря на законы военного времени и суровые репрессии царизма в начале 1915 г. стачечное движение в России шло на подъем. Этому способствовали постепенное освобождение мелкобуржуазных масс от шовинистического угара и пора-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314—315.

ли, что единство рабочего класса, вооруженного революционной теорией марксизма, которое было достигнуто к середине 1914 г., когда «правдивистская тактика», по подсчетам В. И. Ленина, объединила свыше 4/5 рабочих России, не было существенно поколеблено и в годы войны¹³.

Экономические стачки сочетались с политическими. Наряду с требованием о повышении заработной платы, выдвигались требования о 8-часовом рабочем дне, в защиту большевиков-депутатов IV Государственной думы. Рабочие выступали также против отправки на фронт за участие в забастовках.

На некоторых заводах, чтобы избежать репрессий за участие в забастовках, были приняты своеобразные «пораженческие» формы борьбы. Рабочие никаких требований администрации не предъявляли, стачки не объявляли, но по уговору между собой ежедневно группами не выходили на работу. Это нарушало нормальный процесс производства и срывало выполнение военных заказов. Так было на Нижне-Салдинском заводе, где в результате систематического неполного выхода рабочих в течение нескольких месяцев 1915 г. работа велась вместо трех смен фактически в одну. Выполнение заказов военного ведомства оказалось под угрозой срыва¹⁴.

Рабочие мартезовского и прокатного цехов Белорецкого завода в 1915 г. также нерегулярно выходили на работу. Помощник управляющего заводским округом сообщал: «Рабочие, особенно прокатного цеха, где вырабатываются материалы военных надобностей, пользуются всяким случаем, чтобы не явиться на работу». Правительственному инспектору он жаловался: «Не являются они целыми партиями, достаточно отметить, что за 7—8 декабря с. г. не явилось 232 человека»¹⁵.

Активно участвовали в забастовочной борьбе рабочие Миньярского завода. Они выдвигали требования об увеличении количества рабочих в цехе, упразднении некоторых административных должностей, повышении заработной платы. Накал борьбы миньярцев был настолько силен, что администрация была вынуждена пойти на уступки.

По поводу этих забастовок жандармский офицер 17 мая 1916 г. доносил уфимскому губернскому жандармскому управлению: «Вообще требования рабочих с каждым днем увеличиваются, и завод ввиду таких неприемлемых требований накануне полной остановки. И теперь становится все более ясным, что все бывшие забастовки и настоящая не есть забастовки лишь экономические, но таковые построены целиком на почве политической, добиваясь полностью прекращения работ на оборону,

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 250.

¹⁴ Очерки коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971, с. 216; ЦГАОР СССР, ф. Д-4, 1915, д. 108, ч. 47, л. 7.

¹⁵ Алферов Р. Указ. соч., с. 138.

а все предъявленные рабочими требования не что иное, как только маскирование»¹⁶.

В Миньяр прибыл помощник начальника Уфимского губернского жандармского управления Щегловский, который сообщил своему начальнику: «До 21 мая 1916 г. рабочие Миньярского завода бастовали пять раз, недодали 27200 пудов железа и стремятся подчинить себе администрацию»¹⁷. В свою очередь уфимский губернатор донес министру внутренних дел, что «рабочих Миньярского завода сдерживает от открытого и массового выступления только то, что они военнообязанные»¹⁷.

1915 г. показал, что рабочий класс Урала не сложил оружия и готовился к новым революционным боям. Организатором революционной борьбы пролетариата выступала большевистская партия. К 1915 г. были восстановлены и появились новые большевистские организации, которые руководили борьбой рабочих.

Одной из первых была восстановлена Златоустовская социал-демократическая организация, в которой в ноябре 1914 г. был избран Исполнительный комитет, имелись печать и касса, что еще раз подтверждало существование вполне оформленной организации¹⁸. Златоустовские большевики были связаны с Петроградом, Екатеринбургским, Уфимским и Самарским комитетами РСДРП, откуда получали листовки, направленные против войны.

Златоустовская большевистская организация развила в 1915 г. особенно активную деятельность. Было проведено несколько собраний: в честь 1 Мая, в июне — против мизерной 10 % -й прибавки. На одном из собраний обсуждался вопрос о войне. Большевики и присутствовавшие рабочие высказались против войны. Был поднят также вопрос о кружковой работе. Для более успешной пропаганды Златоуст был разбит на районы, которые поручались Маликову, Заикину, Смольникову и др. Так начали возникать партийные ячейки. Активное участие в их работе принимали В. Г. Бисярин и социал-демократ латыш В. П. Пелец. Партийная группа существовала в кузнечном цехе Златоустовского завода. У рабочего Д. Голдырева была устроена конспиративная квартира, которая осуществляла связь Златоустовского комитета с ЦК партии. Сюда прибывала вся корреспонденция¹⁹.

В железнодорожном депо Златоуста деятельность партийной группы возглавил член большевистской партии с 1905 г., один из организаторов боевых дружин машинист М. Г. Назаров. Уволенный в 1915 г. за «политическую неблагонадежность» из депо, он стал работать машинистом паровоза на заводской ветке Ермоловской домны, где вокруг него сплотилось крепкое ядро

¹⁶ Стальная искра (г. Аша Челябинской обл.), 1968, 28 мая.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 605, л. 204.

¹⁹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1250, л. 78. Воспоминания Дм. Голдырева.

большевиков²⁰. В снаряжном цехе завода существовал марксистский кружок рабочих-рижан²¹.

В 1914—1915 гг. успешно действовала Троицкая социал-демократическая организация. Был избран комитет во главе с Ф. Ф. Сыромолотовым. Троицкая организация вела активную работу среди трудящихся национальных меньшинств: казахов и киргизов, оказав действенную помощь восстанию А. Иманова, начавшегося отдельными выступлениями и достигшего своей наибольшей силы в 1916 г.²²

В начале 1915 г. с помощью С. И. Дерябиной была создана социал-демократическая группа в Челябинске, куда вошли С. А. Кривая, Д. В. Колющенко, В. Л. Горохов — сотрудник газеты «Голос Приуралья» и др. Было проведено несколько собраний, на которых С. И. Дерябина информировала социал-демократов Челябинска о положении в Петрограде²³. Активное участие в работе челябинских большевиков принимал Ф. Г. Заикин, высланный сюда в 1913 г. за принадлежность к Уфимской организации РСДРП. Он вел переписку с товарищами из Миньяра, в частности с Е. Я. Бычковым. В письмах сообщалось о непосильной эксплуатации рабочих завода, которая может привести к скорой забастовке. Е. Я. Бычковым были посланы Ф. Г. Заикину три номера газеты «День» с сообщением о процессе над депутатами-большевиками IV Государственной думы²⁴. В апреле 1915 г. из Миньяра в Челябинск приезжали Ф. Г. Заикин, Е. Я. Бычков, П. П. Киселев, И. Е. Енбеков²⁵.

С помощью С. И. Дерябиной, которая в конце 1914 г. представляла ЦК на Урале, была восстановлена большевистская организация в Екатеринбурге. Во главе ее стали Л. И. Вайнер и Н. М. Давыдов. С. И. Дерябина проводила семинары для партийных работников, знакомила их с документами ЦК РСДРП. Екатеринбургская организация стала подлинным вожакom трудящихся масс, оказывая огромное влияние на рабочих крупнейших предприятий города. Основной базой большевистских сил был Верх-Исетский завод. Екатеринбургские большевики печатали и распространяли листовки, в которых разоблачали империалистический характер войны, призывали трудящихся к борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую. Прокламации печатались на гектографе в квартирах верх-исетских рабочих Н. М. Давыдова и С. В. Тараканова²⁶.

²⁰ Очерки истории большевистских организаций Южного Урала (1883—1917). Челябинск, 1972, с. 388.

²¹ ГАЧО ЗФ, ф. Р-208, оп. 1, д. 9, л. 41, 68—69.

²² Восстание 1916 г. в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1947, с. 13.

²³ ГАСО, ф. 21, оп. 2, д. 603, л. 89, 90.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАОО, ф. 21, оп. 2, д. 603, л. 43, 51.

²⁶ Большевики Екатеринбурга во главе масс. Свердловск, 1962, с. 172.

В 1914 г. действовала Симская подпольная группа, существовавшая с 1904 г., куда входили Л. А. Чевардин, И. М. Булыкин и др. Под ее руководством с 1914 г. на Симском заводе работала другая партийная группа, куда входили И. Д. Напалков, Г. М. Мызгин и др.²⁷ Подпольная группа в 1914 г. существовала также в Ревде. В нее входили А. И. Щеколдин, П. И. Камаганцев и др. Группа вела кружковую работу среди рабочих и молодежи²⁸.

Таким образом, на Урале, хотя и с отставанием от Петербурга и Москвы, начинается постепенный рост партийных рядов. Уральская организация к весне 1915 г. насчитывала около 200 чел.²⁹ (накануне войны в нее входило 900 чел.³⁰). Несмотря на большие потери, большевистские организации не только восстанавливались, но и росли и укреплялись. Этому способствовало то, что большевики имели огромный резерв в рабочей среде, которого не было у мелкобуржуазных партий и групп.

Партийное строительство было организовано по принципу фабрично-заводских ячеек, что способствовало сближению партийцев с массами пролетариата. Прочность позиций партии обеспечивало ядро рабочих-правдивистов, созданное в предвоенные годы.

Восстановление партийных организаций на Урале закончилось в основном к весне — лету 1915 г.

Активная деятельность партийных организаций Урала, необходимость объединения всех сил трудящихся требовали создания единого партийного центра. Эту задачу взяли на себя екатеринбургские большевики. Они стали инициаторами созыва совещания большевиков Урала, которое состоялось 23 сентября 1915 г. с представительством от организаций Екатеринбурга, Перми и Челябинска, с участием Н. Крестинского и Ф. И. Драккиной. Это совещание носило характер конференции. Оно обсудило тактические задачи пролетариата в демократической революции, вопросы об отношении к IV Государственной думе и военно-промышленным комитетам, а также ряд организационных задач: о создании Уральского областного комитета партии, об организации подпольной типографии, о восстановлении партийных ячеек на уральских заводах. Среди других был обсужден вопрос о войне: «Международный пролетариат и война», «Российский пролетариат и война».

Совещание заняло последовательную интернационалистскую позицию и обязало партийные организации решительно

²⁷ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1558, л. 30—31; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 338-А, л. 2.

²⁸ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1938, л. 1. Воспоминания И. Г. Мухорина.

²⁹ Подсчитано по: ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1914—1915; ф. Д-4, ПАСО, ф. 41, 221; ГАОО, ф. 10, 21; ПАЧО, ф. 596.

³⁰ Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971, с. 192.

разоблачать оборонческую позицию социал-шовинистов — меньшевиков и центристов. Решения совещания исходили из ленинского определения характера войны, ее виновников и задач пролетариата. Ленинские тактические установки были уже известны на Урале. Они были сообщены С. И. Дерябиной, которая привезла на Урал тезисы В. И. Ленина и Манифест ЦК РСДРП (б). Основываясь на этих документах, совещание сформулировало очередную политическую задачу — покончить с войной и добиться демократизации политического строя России на основе установления демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель. Очередным практическим требованием большевиков совещание признало борьбу за установление революционной диктатуры пролетариата и крестьянства путем организации революционного правительства и созыва Всенародного Учредительного собрания³¹.

В середине ноября 1916 г. в Екатеринбурге состоялось областное совещание, на котором присутствовали 17 представителей Екатеринбургa, Пермской, Невьянской, Кунгурской, Верхнетуринской, Ижевской организаций. Совещание обсудило итоги Циммервальской и Кинтальской конференций и избрало Временный комитет по подготовке Уральской областной конференции, которую возглавил И. М. Малышев. Открытие конференции намечалось на 15 января 1917 г. Но накануне по доносу провокатора охранка арестовала И. М. Малышева и других активных членов большевистской организации города, и конференция не состоялась³².

В конце ноября 1916 г. в Каслях проходило нелегальное совещание большевиков, на котором присутствовали Ф. Ретнев из Кушвы, Пантелеев из Верхней Туры, Ламовский, Кучумов, Ярутин из Челябинска, Пипарс из Екатеринбурга, Ф. А. Овчинников, И. Г. Рязанцев, Н. П. Рязанцев из Каслей. На совещании рассматривались вопросы: решение бюро ЦК о переходе в решительное наступление против войны и подготовка к всеобщей стачке и вооруженному восстанию³³. На основе сведений, поступивших с мест, была составлена информация о состоянии партийных организаций Урала. В декабре 1916 г. в большевистской газете «Пролетарский голос» — органе Петроградского комитета РСДРП — появилась заметка: «На Урале организация насчитывает до 900 чел., предполагается объединение разрозненных групп. Очень большой недостаток в партийной литературе»³⁴.

Восстановление и создание новых организаций на Урале

³¹ Большевики Екатеринбурга во главе масс, с. 170; Очерки истории коммунистических организаций Урала, с. 214—215.

³² Большевики Екатеринбурга во главе масс, с. 182.

³³ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 353, л. 2.

³⁴ Пролетарский голос, 1916, 18 декабря.

дало возможность большевикам расширить и усилить свое влияние на рабочие массы. В 1916 г. забастовочное движение в России и на Урале по массовости и политической направленности поднялось на новую ступень. Рабочий класс от частичных, разрозненных, слабо организованных выступлений перешел к массовому наступлению на царскую монархию и буржуазию. Забастовки становились все более массовыми, превышая по количеству участников на одну забастовку в 3,5 раза уровень революционного 1905 г. Возросла интенсивность пролетарского движения: в среднем за месяц происходило 129 стачек, в отдельных случаях их было более 200³⁵.

В России в 1916 г. бастовал уже каждый третий фабрично-заводской рабочий. Подъем стачечной борьбы еще раз подтвердил высказывание В. И. Ленина, который называл стачечное движение рабочих «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России»³⁶.

Подъем стачечного движения наблюдался и на Урале. Никак нельзя согласиться с утверждением, что «удельный вес его в общероссийском масштабе был незначителен»³⁷. Каждая десятая забастовка проходила в 1916 г. на Урале, а в мае — каждая четвертая. Бастовали прежде всего рабочие крупных промышленных предприятий. Во главе мощной волны забастовочного движения не случайно оказались рабочие Белорецкого завода, они бастовали 14 раз, Пермских железнодорожных мастерских — 14, Мотовилихинского завода — 10, Миньярского — 9, Сысертского — 8, Усть-Катавского — 5, Екатеринбургских железнодорожных мастерских — 6 раз. По 5 забастовок было на Каслинском заводе, в Оренбургских и Вятских железнодорожных мастерских, 4 раза бастовали рабочие Невьянского завода, Уфимских и Кунгурских железнодорожных мастерских.

Особенностью забастовочного движения 1916 г. было очень активное участие в революционной борьбе рабочих депо и железнодорожных мастерских. Забастовками руководили большевистские организации.

Наибольший подъем рабочего движения на Урале наблюдался 1 Мая 1916 года. В мае произошла 51 забастовка, в которых участвовали 21 тыс. чел. Только 1 Мая бастовали рабочие 13 заводов. Подготовка к этому празднику шла на многих заводах. В железнодорожном депо Екатеринбурга была выработана специальная программа первомайских собраний. Позже она была сообщена рабочим Верх-Исетского завода. 1 Мая бастовали рабочие Пермского пушечного завода (Мотовилиха), рабочие Оренбурга, Перми, Миньярского, Невьянского, Верх-Исет-

³⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 582.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 300.

³⁷ Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г., с. 331.

ского, Верхне-Туринского, Полазнинского заводов, железнодорожных мастерских Екатеринбургa.

Наиболее массовой была забастовка миньярских рабочих. Здесь в лесу состоялась сходка. Рабочие пришли с красными флагами, на которых были лозунги: «Да здравствует 1 Мая», «Долой войну», «Да здравствует приближающаяся демократическая республика»³⁸.

2 мая в Оренбурге состоялась демонстрация рабочих. Ее возглавили рабочие-железнодорожники. Они несли красные флаги с надписями: «Долой войну», «Мир», «Долой самодержавие», «Свободу, работу и хлеб народу», «8-ми часовой рабочий день»³⁹. Полиция и казаки, стремившиеся разогнать демонстрацию, ничего сделать не смогли.

Первомайские забастовки на Урале проходили под непосредственным руководством и влиянием большевиков. В ходе забастовочного движения в 1916 г. на некоторых заводах рабочие явочным порядком устанавливали 8-часовой рабочий день. Так, рабочие мартеновского цеха Сысертского завода 9 января 1916 г. работали 8 часов. Стачка была сломлена только 20 февраля⁴⁰. Подобные факты повторились на Невьянском, Белорецком, Усть-Катавском, Миньярском и других заводах. Таким образом, в ходе забастовочного движения уральский пролетариат практически воплощал в жизнь программные требования большевистской партии.

Забастовки 1916 г. отличались массовостью. В Мотовилихе в сентябре бастовало около 20 тыс. рабочих⁴¹. В октябре в Невьянске в забастовке участвовали все рабочие завода. Здесь по

Количество стачек в России и на Урале в 1916 г. (в скобках — число бастовавших) *

Месяц	В России	На Урале
Январь . . .	169 (135529)	18 (10600)
Февраль . . .	118 (94559)	10 (1500)
Март . . .	113 (100129)	13 (2700)
Апрель . . .	170 (125623)	19 (6400)
Май . . .	203 (154634)	51 (21000)
Июнь . . .	156 (113142)	13 (4000)
Июль . . .	85 (77544)	9 (1700)
Август . . .	107 (52542)	10 (4200)
Сентябрь . . .	93 (51000)	12 (3900)
Октябрь . . .	202 (187475)	42 (8000)
Ноябрь . . .	66 (39456)	12 (5600)
Декабрь . . .	60 (41019)	7 (4500)
Всего . . .	1542 (1172652)	186 (74100)

* Рабочий класс России, 1907 — фев. 1917 г., с. 128. Данные по Уралу: ЦГАОР СССР, ДП, 00, 1916; Д-4, 1916, ДП, 7-е д-во, 1916; ПАСО, ф. 41; ГАПО, ф. 229, 232, 146; ЦПА БАССР, ф. 7655, 1832; ЦГИАЛ, ф. 1405; ПАЧО, ф. 596; ПАОО, ф. 6002, ГАОО, ф. 10, 15, 24; газеты: Вятская речь, 1916; Прикубанские степи, 1916; Городской вестник, 1916; Пролетарский голос, 1916; Уфимский вестник, 1916.

³⁸ Рабочее движение в годы войны, с. 295.

³⁹ ПАОО, ф. 6002, оп. 1, д. 574, л. 7.

⁴⁰ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 118, л. 44.

⁴¹ Очерки истории коммунистических организаций Урала, с. 218.

решению большевистской организации 25 октября была объявлена «итальянская забастовка»⁴².

Массовые революционные стачки подрывали власть царизма, усугубляли кризис «верхов», способствовали подготовке рабочего класса к назревшей революции. Оценивая значение этого периода, В. И. Ленин в июле 1916 г. писал: «Революция стояла на очереди в 1914—1916 гг.»⁴³

Огромное воздействие стачечная борьба российского пролетариата оказала на рабочих-военнопленных и отходников китайцев. Практически они стали включаться в борьбу российского пролетариата уже в 1915 г., но наибольший размах это движение приобрело в 1916 г. В это время на Урале произошло семь выступлений рабочих китайцев и 12 — военнопленных. Китайцы неоднократно бастовали и совершали побег, а при попытках задержать их оказывали вооруженное сопротивление подрядчикам, царским стражникам. В январе 1916 г. вылился в забастовку протест отходников из Китая, работавших на Белорецком заводе, против нарушения контракта. Своих братьев по труду поддерживали рабочие Белорецкого завода. Одновременно забастовали китайские рабочие на шахтах общества Кыштымских заводов⁴⁴.

Более организованными были выступления рабочих-военнопленных. Многие из них были квалифицированными и на заводах находились в непосредственном контакте с русскими пролетариями. Много внимания уделяли военнопленным большевики. В Симе работу с ними проводил большевик А. М. Чеверев, который сумел организовать из них большевистскую группу из 33 человек⁴⁵. В Ревде среди военнопленных вели работу большевик П. И. Сергеев и сочувствовавший большевикам прапорщик австрийской армии Д. Ф. Хроматко⁴⁶. В результате на Урале стали возникать революционные организации военнопленных, а в ряде мест они входили в местные большевистские организации. В ходе совместной борьбы было достигнуто понимание важности интернационального сплочения трудящихся.

Таким образом, годы первой мировой войны стали очень важным этапом в истории рабочего класса Урала. Он не только сохранил позиции, но и укрепил свои ряды, выстоял в сложнейших условиях репрессий и политического бесправия. В годы войны уральский пролетариат осознал свою историческую роль, выступил в авангарде общедемократического движения. Уральский пролетариат сумел привлечь на свою сторону военнопленных, отходников-китайцев, рабочих других нерусских наций. Во главе рабочего движения стояли большевистские организации.

⁴² ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 341, л. 24—34.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 14.

⁴⁴ ГАОО, ф. 10, оп. 2, л. 18, 391; ЦГАОР СССР, ф. Д-4, 1916, ч. 47, л. 2.

⁴⁵ Пламенные сердца. Биографические очерки. Челябинск, 1972. вып. 1, с. 129.

⁴⁶ Под красным знаменем. Пермь, 1957, с. 344.

В. С. АЛЛАЯРОВА

**КЛАССОВАЯ МОРАЛЬ В ПРАКТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
БОРЬБЫ УРАЛЬСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА
(МАРТ — ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. уничтожила в России царизм, но еще сильнее обострила классовую борьбу. К политической жизни в стране приобщились широкие слои населения, включившиеся в общественную деятельность еще в преддверии этой революции. Среди них огромное большинство составляли типичные для российского населения мелкие буржуа, торговцы, захваченные революционным потоком и оказавшиеся в гуще революционных событий. В силу этого политическая ситуация после победы Февральской революции оказалась необычайно сложной.

Первым и главным проявлением этой сложной ситуации было двоевластие, явившееся итогом той «мелкобуржуазной волны», которая, по словам В. И. Ленина, «захлестнула все»¹, в том числе оказала влияние и на большую часть рабочего класса, насаждая в его рядах мелкобуржуазную идеологию. Буржуазное Временное правительство, сформированное Комитетом Государственной Думы, свою основную цель видело в получении полноты политической власти, в ликвидации второго политического органа страны — Петроградского Совета рабочих депутатов, воплощения революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Однако стремлению буржуазии к единовластию твердо противостояла вышедшая из подполья партия большевиков, которой предстояла трудная и сложная работа по воспитанию классового самосознания пролетариата, по его вовлечению в дальнейшую революционную борьбу за превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Всякая социальная революция строится на противостоянии двух общественных моралей и двух социальных сил — официальной политической власти, заключенной в организованную волю государства, и стихийной силы народных масс,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

либо поддерживающих, либо отвергающих эту официальную власть. Самым главным и трудным в этом противостоянии является тактика овладения стихийностью движения, умение целенаправленно его организовать. Партии большевиков предстояло поднять массы на новый этап революции на основе познания ими научной теории классовой борьбы, осознания приоритета классовой морали пролетариата — создателя всех материальных основ общества. Проникновение в историческую сущность текущего момента, откровенность и ясность лозунгов пролетариата в противовес лживости и продажности буржуазных приспешников — через эти основные вехи должно было пройти российское революционное движение после февраля 1917 г.

Период с марта по октябрь 1917 г., как и для всей страны, был исключительно сложным для Урала. Здесь тоже возникло двоевластие. Стремясь сохранить власть в своих руках, представители уральской буржуазии в марте 1917 г. создали своеобразный всеуральский экономический и политический координационный аппарат — Екатеринбургское бюро совещания горнопромышленников Урала. Основная цель его была — организация целенаправленной борьбы с рабочим движением.

Как и всякая цель, она явилась результатом мыслительной, духовной деятельности сплоченных ею индивидуумов. Но эта духовная деятельность, происходящая в данном случае от антигуманной сущности цели по отношению к большинству, теряла свою истинную духовность в самом зародыше. Однако сама по себе цель служит лишь установкой на деятельность, отражая нравственную сущность этой будущей деятельности. Реализация цели происходит через средства, они и являются конкретным признаком, через который проявляется сущностное содержание цели, а значит, и ее морально-нравственные составляющие.

Опыт подлинно революционной, гуманной по своим целям и средствам борьбы, накопленный уральским пролетариатом в период первой российской революции 1905—1907 гг. и в последующей практике революционной борьбы, был умело использован большевиками Урала. Одним из главных направлений их деятельности по воспитанию масс явилось привлечение трудящихся к реальной практической работе по управлению государством, создание широкой сети Советов как основного средства утверждения поставленных партией большевиков целей, соответствующих социальным требованиям пролетарской классовой морали. Именно в Советах воплощалась идея практической реализации лозунгов свободы, равенства и братства, широко поддерживаемая массами трудящихся. «Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов,— писал В. И. Ленин,— то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным»².

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

В течение марта 1917 г. на Урале было создано 75 Советов, практически во всех губерниях³. По своей структуре и составу эти Советы были далеко не равнозначны. Создавались они и там, где были сосредоточены крупные промышленные предприятия, более закаленный и организованный рабочий класс, а также в районах, где рабочие были более разобщены. Там, где большевики имели численный перевес и вели энергичную разъяснительную работу, Советы были более революционными.

Так, накануне выборов в один из ведущих на Урале — Екатеринбургский Совет — большевики имели своих представителей на всех ведущих предприятиях города. Они вели «кипучую деятельность в рабочих массах и среди солдат. Всюду... выступали большевики-агитаторы, разъясняли сущность политического положения в стране..., споры с меньшевиками и эсерами были очень жаркими»⁴. В результате напряженной работы большевикам удалось возглавить Совет (из 15 членов исполкома Совета 9 были большевики)⁵.

Другую картину представлял собой Пермский Совет. Хотя Пермь и была губернским центром, здесь большевистской организации фактически не существовало (она была разгромлена во время войны) и первенствовали в Совете меньшевики и эсеры. Руководящей была их роль и в ряде других Советов Урала (Нижне-Тагильском, Шадринском и др.)⁶. В результате здесь имела наиболее массовое проявление мелкобуржуазная, соглашательская мораль.

Моральные нормы социального поведения не возникают сами по себе. Они определяются целым рядом объективных и субъективных факторов. Особенность, конкретность каждой данной исторической ситуации не всегда удается правильно оценить всей массе действующих и деятельных субъектов. Здесь зачастую включается такой стихийный информационный источник, как поведение окружающих, выступающий в качестве сдерживающего элемента деятельности. В ее процессе единичный субъект сам осознает всю меру ответственности за ее результаты. Когда же действует масса людей, то объективно неизбежно эта мера ответственности распределяется между всеми. И здесь морально-нравственная сторона результативности их общего поведения в большей мере определяется общественной значимостью этой результативности. В частности, функционирование Советов как коллективного субъекта целенаправленной деятельности как раз и представляло наглядное проявление результатов практического учета действующими субъектами взаимозависимости об-

³ См.: Список Советов, возникших на Урале в марте 1917 г.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1971, с. 332—335.

⁴ В борьбе за власть Советов. Свердловск, 1957, с. 72.

⁵ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 332.

⁶ ГАПО, ф. 43, оп. 3, д. 1, л. 106.

щего и частного, их взаимовлияния, определенного в данном случае противоположностью уровней и содержания социальной морали двух антагонистических классов — пролетариата и буржуазии.

Таким образом, количественный рост Советов был лишь первой ступенькой движения к развитию революции. Большевикам предстояла борьба за их качественное преобразование. Практически это представляло бескомпромиссное очищение от влияния меньшевистских элементов, внедрение в пролетарские массы революционной идеологии, выработку правильной стратегии и тактики, вовлечение всех трудящихся масс в сознательное участие в революции, воспитание в них принципов пролетарской классовой морали.

Процесс формирования пролетарской морали в массах уральских рабочих развивался в соответствии с всеобщими социально-политическими закономерностями и явлениями общественной жизни России. «Каждый новый этап революционного движения пролетариата вызывает новые явления, существенные сдвиги в его нравственном развитии. Это позволяет наметить в общих чертах периодизацию становления революционной морали пролетариата»⁷, — пишет В. Ф. Шишкин. Далее он отмечает, что «середина 90-х гг. есть тот исторический рубеж, который постулирует развитие революционной морали... Второй период охватывает десятилетие с середины 90-х гг. до начала революции 1905—1907 гг... Начало третьему периоду положила первая русская революция... И, наконец, четвертый период начинается с Великой Октябрьской социалистической революции»⁸.

Таким образом, по классификации В. Ф. Шишкина, этап борьбы большевиков за массы в период марта — октября 1917 г. соотносится с третьим периодом формирования революционной морали пролетариата. Этот период, как отмечает В. Ф. Шишкин, представляет собой «качественно новый этап в нравственном развитии пролетариата». Он «определен высокой активностью движения, гегемонией пролетариата, потребовавшей от него такого поведения, которое поддержало бы моральный авторитет гегемона»⁹.

Мораль как одна из форм общественного сознания представляет собой совокупность определенных, принятых в данном обществе принципов и норм, регулирующих общественное поведение людей во всех сферах жизни. Мораль исторически носит классовый характер, ибо поведение людей в сфере общественной жизни определяется прежде всего их положением и ролью в сфере экономики, в частности и в системе производственных от-

⁷ Шишкин В. Ф. Формирование революционной морали рабочего класса России. — В кн.: Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. Часть I. Одесса, 1967, с. 76.

⁸ Там же, с. 77.

⁹ Там же.

ношений. Следовательно, в буржуазном обществе, где сохраняются антагонистические классы, неизбежно существуют и две противоположные по своему сущностному содержанию морали: консервативная (буржуазная) и революционная (пролетарская). Первая утверждает незыблемость своих эксплуататорских прав, вторая требует коренного изменения самих основ существующего строя во имя всеобщей справедливости и свободы.

Февраль 1917 г. стал переломным рубежом, точкой отсчета, с которой началось поступательное, победное движение пролетарской, революционной морали. Общество и после этой революции осталось разделенным на антагонистические классы, на две сферы, которые противостояли друг другу теперь уже на уровне реальной, оформленной в государственные учреждения власти. И каждой из этих сторон предстояло именно с помощью утверждения в сознании народных масс своих моральных принципов добиваться окончательной победы.

Утверждение этих моральных принципов, противоположных по своей сущности, шло также противоположными путями и средствами. Лживости и необъективности идеологии буржуазии противостояла искренняя и честная научная теория социалистической революции, созданная В. И. Лениным. Большевики Урала понимали, что успех развития революции в крае зависит от того, насколько быстро и глубоко эти принципы будут восприняты всеми трудящимися и прежде всего пролетариатом. Этот успех определялся дальнейшим углубленным соединением социализма с рабочим движением, осознанием пролетариатом своей роли гегемона в этой революции, необходимости превращения ее из буржуазно-демократической в социалистическую, а также от правильно выбранной тактики борьбы в зависимости от каждого конкретного исторического момента. По этим направлениям уральские большевики и развивали свою организаторскую работу в массах.

Одной из главных задач по революционной мобилизации сознания трудящихся было вовлечение их в ряды партии, ибо только широта и масштабность пропаганды идей социалистической революции могла сплотить потенциальные силы народа, направить их деятельность в нужное русло. Между тем большевистские организации Урала к февралю 1917 г. были очень ослаблены. В огромном крае работало всего около 500 членов РСДРП(б), многие сидели в тюрьмах, не было единого руководящего органа партии.

Однако историческая практика революционных боев принесла большевикам Урала огромный авторитет в народных массах. Широкие связи с рабочими, существовавшие в течение многих лет, позволили партийным организациям в небывало короткие сроки привлечь к работе в своих рядах большое число людей. Только в г. Перми (в Мотовилихинском, Железнодорожном и Заимковском районах) за март в партию вступило 1600 чел., на

Кыштымском заводе — 387 чел., на Усть-Катавском — 500 чел.¹⁰

Особенно авторитетной была Екатеринбургская организация РСДРП(б). Здесь работали такие выдающиеся революционеры, как Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев, Н. Н. Замятин, Н. Е. Вилонов и др. В этой организации уже имелись свои революционные традиции. Сразу же после февральской революции Екатеринбургский комитет РСДРП(б) взял на себя организаторские функции, развернул деятельность в большевистских комитетах края. Екатеринбургские большевики были направлены, в частности, на Южный Урал, на заводы Нижне- и Верхне-Сергинский, Нязе-Петровский, Сысертский и другие для создания там партийных организаций. Сама Екатеринбургская организация к началу апреля 1917 г. выросла с 40 до 600 чел., а к середине месяца — до 1450 чел.¹¹

Однако один лишь количественный рост рядов партии в принципе еще не решал проблему сплоченной, массовой революционной деятельности. Партийная организация большевиков, по замыслу В. И. Ленина, должна была представлять собой гибкий, действенный организм воспитания масс и повседневной связи с ними. Осуществление этой связи достигалось через широкую сеть партийных групп на местах, через приближение партийного руководства непосредственно к массам. Качественно новая сущность организации большевистской партии, теоретические положения которой были разработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом, закрепились в большевистских организациях практически на основе принципа демократического централизма. Только организованная партия, как учил В. И. Ленин, может осуществлять на практике могучую власть трудящихся масс. «Теперь мы стали организованной партией,— писал он,— а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти»¹².

Притягательность идей большевизма, их нравственная ценность для пролетарских масс заключала в своей основе научное отрицание тех негативных сторон бытия, которые стали нормами буржуазной морали. Статус свободной личности, ее права на труд и получение своей реальной доли от ее результатов, участие в управлении делами производства, распределения и в решении вопросов политики — все это закладывало основы становления нового типа личности пролетария, осознающего себя владычиной мира.

Новые моральные позиции пролетариата предстали также не только в утверждении собственной «персонификации», но и в привнесении идей социальной революции во все трудящиеся классы общества. Выступая за соединение научного социализма с прак-

¹⁰ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 229, л. 48; д. 239, л. 26.

¹¹ Там же, д. 229, л. 48.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 355.

тикой революционной борьбы, партия большевиков открывала массам ясный путь конкретной деятельности за утверждение общегуманистических идеалов.

Пропагандистская, революционная работа большевиков в массах явилась залогом того, что реальная власть Советов уже в первые месяцы после февральской буржуазно-демократической революции оказалась намного сильнее влияния на них Временного правительства. Проявление буржуазной морали в его деятельности особенно четко выделялось на фоне большевистских принципов работы Советов, которые выражали действительные интересы народа, требовали незамедлительного решения первоочередных вопросов о земле, мире, политических свободах, 8-часовом рабочем дне. В то же время пришедшие к руководству во Временном правительстве представители буржуазии во главе с князем Г. Е. Львовым всячески пытались проташить в жизнь акты и законоположения, практически утверждавшие полновластие буржуазных норм.

В этой исторической ситуации вопрос о социалистической революции как неизбежном способе утверждения и претворения в жизнь гуманистических норм пролетарской морали во всех сферах общественной жизни был первоочередной задачей дня. Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую сочеталась с конкретной практикой революционной борьбы, с учетом исторического момента и расстановки классовых сил.

Основной движущей силой революции выступал революционно настроенный пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством. Однако в своей массе не весь он был одинаково подготовлен к вступлению в окончательную борьбу за свержение основ буржуазного строя. В большей его части выходцев из крестьянской бедноты еще бытовала мелкобуржуазная мораль примиренчества, индивидуализма и веками выработанной крепостнической приниженности, чем и пользовались меньшевистские элементы, проникшие в Советы и кое-где даже имевшие там большинство. Проникали эти элементы и в часть партийных организаций. Так, на Урале в ряде городов (Челябинске, Перми, Кушве, Оренбурге, Шадринске, Златоусте, Нижнем Тагиле, Ижевске, Вятке, Воткинске, Кургане и др.) были созданы 24 объединенные организации, куда вошли и большевики, и меньшевики¹³.

Такая засоренность мелкобуржуазными элементами партийных организаций и Советов на Урале определялась объективными причинами. Помимо того, что Урал территориально был далек от Центра и вследствие этого была затруднена связь с ним центрального руководства партии, здесь организация боль-

¹³ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967, с. 84.

шевистской работы с массами сдерживалась и мелкобуржуазными тенденциями к примиренчеству, получившими благодатную почву для роста в соединении с псевдореволюционными лозунгами «единения», «слитности масс», которые были опошлены и использованы меньшевиками для отвлечения масс от истинной революционности.

Пришедшая в революцию огромная масса недостаточно политически зрелых рабочих требовала от уральских большевиков напряженной организационной и пропагандистской работы по воспитанию политического единства пролетариата. Эта работа укладывалась в русло выдвинутой В. И. Лениным задачи мирного развития революции, борьбы за преобразование Советов. 7 апреля 1917 г. газета «Правда» опубликовала доклад В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» — знаменитые Апрельские тезисы, в которых был определен курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, на передачу всей полноты власти в руки народа и ликвидацию Временного правительства. «Своеобразие текущего момента в России,— указывал В. И. Ленин,— состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹⁴.

Лозунг «Вся власть Советам!» был дан массам партией как теоретическое оружие в борьбе с меньшевиками. Он означал в той конкретной обстановке необходимость решительного размежевания с меньшевиками, со всеми представителями буржуазной идеологии и морали во всех рабочих организациях, в профсоюзах, партии, Советах, необходимость преобразования государственного аппарата на платформе гегемонии пролетариата. «Не парламентская республика,— говорил В. И. Ленин,— возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹⁵.

Большевики Урала уже в середине апреля 1917 г. развернули широкую пропаганду ленинской теории социалистической революции, воспитания в массах классовой пролетарской морали, объединения усилий всех трудящихся для победы революционных идей. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) создал специальную коллегию, которую возглавил большевик Л. И. Вайнер. Был составлен план политзанятий, организована сеть политкружков, создана партийная библиотека¹⁶. Началась широкая кампания разоблачения предательской по отношению к народу позиции меньшевиков. В кружках шло изучение Программы и

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

¹⁵ Там же, с. 115.

¹⁶ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1957, с. 46.

Устава РСДРП(б), которые были изданы массовыми тиражами. Широко распространялась большевистская газета «Правда».

Кроме того, большевистские установки по тактике и стратегии борьбы были известны трудящимся массам Урала из местных печатных изданий. Так, орган уфимских социал-демократов газета «Вперед!» 20 апреля опубликовала Апрельские тезисы В. И. Ленина, а с 28 апреля печатала на своих страницах почти все речи В. И. Ленина на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б)¹⁷.

Апрельские тезисы В. И. Ленина широко обсуждались в партийных организациях Урала, их идеи доносились до масс, порождая ясность целей предстоящей борьбы. Так, стоявший во главе организации кунгурских большевиков А. С. Попков писал: «Мы, надо признаться, до опубликования в апреле ставших знаменитыми тезисов В. И. Ленина еще плохо разбирались в политической обстановке. Апрельские тезисы сделали нас увереннее»¹⁸.

Неустанно следил за деятельностью уральских большевиков Центральный комитет партии. На Урал были направлены в апреле — мае 1917 г. такие выдающиеся партийные руководители, как Я. М. Свердлов, Н. Г. Толмачев, Ф. И. Голощекин и др. В. И. Ленин отводил пролетарскому Уралу особое место в революционных событиях, как краю, выступавшему связующим звеном между Центром и Сибирью. Он лично интересовался развитием событий на Урале, встречался и беседовал с группой уральских делегатов на Апрельской конференции РСДРП(б)¹⁹.

Параллельно с большевистской в апреле — мае 1917 г. развивалась и сеть буржуазной пропаганды. В частности, кадеты имели не только организации, но и свои печатные органы почти во всех крупных промышленных центрах Урала (Екатеринбурге, Перми, Уфе, Оренбурге и др.). Меньшевики и эсеры имели свои организации в Екатеринбурге, Перми, Уфе, Оренбурге, Вятке, Нижнем Тагиле, Златоусте, Ижевске и других городах²⁰. Буржуазные соглашатели вели пропаганду классового мира, призывали доверять Временному правительству, агитировали за продолжение империалистической войны. Они проникали в ряды не только рабочих, но и солдат некоторых уральских гарнизонов.

Однако мелкобуржуазные идеи, закрепившиеся временно в сознании определенной части отсталых рабоче-крестьянских и солдатских масс, терпели крах при столкновении с ясной и честной пролетарской идеологией и моралью, которые проповедовали большевики. Ленинская теория социалистической революции

¹⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Библиографическая хроника. Март — октябрь 1917 г. М., 1973, т. 4, с. 147—161.

¹⁸ Под Красным Знаменем. Сб. воспоминаний. Пермь, 1957, с. 218.

¹⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Библиографическая хроника, с. 113.

²⁰ Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, с. 88.

строилась с учетом реально сложившейся исторической ситуации, насущных проблем времени. В. И. Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» как залог возможного мирного пути перехода к социализму. И сущность его все больше и больше становилась понятна массам. В стране в этот период сложились такие условия, когда уже не было эксплуататорского насилия над народом, он получил реальную политическую власть и имел контроль над оружием.

В. И. Ленин призывал большевиков и передовых представителей пролетариата максимально использовать эту возможность, пока она не нарушена буржуазией. «Пока правительство не начало войны,— говорил В. И. Ленин в докладе на Апрельской конференции РСДРП(б),— мы проповедуем мирно»²¹. В своей лекции «Война и революция» в мае 1917 г. он указывал, что переход всей власти к Советам возможен как «мирная перемена направления политики внутри тех же организаций»²².

Большую роль в организации разъяснительной работы в массах в период мирного развития революции играли профсоюзы и фабрично-заводские комитеты. Они развивались вместе с Советами и были фактически их первой опорой на местах. Создавались профсоюзы прежде всего в губернских городах и промышленных центрах при активном содействии большевиков. Так, при Екатеринбургском комитете партии была образована специальная группа содействия профсоюзному движению под руководством И. М. Малышева, который возглавил и профсоюзный отдел Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов²³.

Партийный актив, работники Уральского областного комитета РСДРП(б) выезжали в горнозаводские районы, где выступали в местных профсоюзных организациях с докладами о политике партии, о решениях Апрельской конференции, устраивали митинги, собрания, вечера вопросов и ответов, диспуты. Один из видных большевистских активистов — инструктор Уралобкома Н. Г. Толмачев выступил перед рабочими всех заводов Алапаевского округа и помог оформить профсоюз алапаевских рабочих²⁴.

Профсоюзные организации Урала, построенные в абсолютном своем большинстве по производственному принципу, защищали и отражали конкретные интересы низовых производственных коллективов. Работая в тесном контакте с Советами, под руководством партийных организаций, они были тем звеном, на котором замыкалась в единстве теория и практика революционной борьбы масс за победу социалистических идеалов. Эти идеалы проводила в жизнь большевистская печать. 22 апреля

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 351.

²² Там же.

²³ См.: История профсоюзов Урала. 1905—1984 гг. М., 1984, с. 26.

²⁴ Там же, с. 29.

(5 мая) 1917 г. вышел в свет первый номер органа областного комитета РСДРП(б) газеты «Уральская правда». В ней говорилось: «Рабочая газета — могучее орудие борьбы с врагом, особенно в такие решительные минуты, какие мы сейчас переживаем»²⁵.

Именно этот, первый, мирный этап развития революции был периодом наибольшего напряжения в перестройке моральных принципов классового самосознания пролетариата. Выдвинутая В. И. Лениным экономическая платформа партии заключала в своей основе моральные нормы, противостоящие аморальному по своей сути поведению правящих «исключительных» слоев общества. Она делала всех равными перед единственным критерием нравственного поведения — трудом. Только свободный и равный труд, созидательная деятельность во имя всеобщего блага и прогресса признавались пролетарской моралью в качестве ведущих принципов организации общественных отношений.

В. И. Ленин считал необходимым в рамках намеченной партией программы скорейшее проведение в жизнь планов конфискации всех помещичьих земель, их национализацию и передачу в распоряжение местных Советов крестьянских депутатов, организацию контроля со стороны Советов за общественным производством и распределением. Это была практическая реализация принципов пролетарской морали, та рациональная основа, материальная база, на которую опиралась деятельность политических организаций пролетариата — Советов. В связи с этим борьба за их очищение от чуждых народным интересам меньшевистских элементов была первоочередной задачей дня.

Борьба за внедрение этой точки зрения в сознание пролетариата, включение его в осознанную социальную деятельность за осуществление своего классового интереса и была тем рычагом, который позволил в Октябре 1917 г. перевернуть общественный строй России. В данный исторический момент, решающий на пути к Октябрю, именно народ, трудящиеся массы выступали как «позитивная социальная и моральная сила истории, новый фактор исторического развития, результат единства, совпадения социальной и нравственной революции»²⁶.

Пролетариату — гегемону революции — предстояло в союзе с другими трудящимися классами вступить в решительную деятельность по коренному преобразованию истории своей страны. Однако субъект, преобразующий историю, в ходе борьбы сам неизбежно становится объектом этого преобразования, изменяя свою сущность, углубляя и расширяя свое самосознание. В процессе развития исторической практики и овладения теорией революционной борьбы, познание основных принципов пролетарской морали и нравственности стало для трудящихся масс —

²⁵ Уральская правда, 1917, 22 апреля.

²⁶ Скворцов Л. В. Субъект истории и социальное самосознание. М., 1983, с. 232.

и в первую очередь для рабочего класса — той прочной базой, на которой основывалось, через которую определялось направление всей их общественно-преобразующей деятельности. Именно правильное понимание принципов пролетарской морали и нравственности определило направленность деятельности пролетариата в наиболее сложные моменты развития революции. Без этой почвы невозможно было бы научное понимание особенности данного исторического момента и быстрый, гибкий переход от одной исторической ситуации к другой, изменение форм и методов борьбы в течение хода революционных событий летом — осенью 1917 г., когда мирное развитие революции стало уже невозможным.

Соглашательская политика меньшевиков и эсеров на I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917 г.), выразившем доверие Временному правительству, расстрел мирной демонстрации трудящихся Петрограда (4 июля 1917 г.) — эти связанные между собой политические события доказали народу, что только революционный путь свержения власти буржуазии возможен в данный период развития революции. Меньшевики и эсеры открыто предали интересы народа. Двоевластие кончилось. Советы, ставшие меньшевистско-эсеровским придатком Временного правительства, перестали быть платформой мирной борьбы за власть. Теперь пролетариату предстоял захват ее только через вооруженное восстание.

Партия большевиков поднимала массы на качественно иную борьбу, вселяла в них уверенность в победе. В. И. Ленин писал о том, что буржуазная политика «доверия капиталистам, их правительству, их реформаторским потугам, их войне, их политике наступления, — эта политика безнадежна. Крах ее недалек»²⁷. Неизбежность этого краха была определена объективно, ибо суть происходящих событий стала ясна осознавшему себя гегемоном революции пролетариату, который вступил в эту борьбу с позиций своей революционной, классовой морали, за утверждение ее норм теми средствами, которые в данный период борьбы были наиболее действенны.

Оценивая развитие революционных событий в этот исторический период и становление в их процессе классового самосознания пролетариата, В. И. Ленин выделял три основных поворотных кризисных момента (апрельский, июньский, июльский). Особенным в каждом из них он считал: *бурно-стихийное проявление недовольства* масс в первом (апрельском); *организованность действий* во втором (июньском); *коренной поворот в революционном сознании* масс в третьем (июльском). Однако общим для всех трех кризисов было нравственное состояние пролетариата, оценка им происходящих событий с классовой точки зрения, с позиций пролетарской морали. «Общая причина, общий

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 362.

источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен, — писал В. И. Ленин. — ...Общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и ее правительства»²⁸.

Курс на вооруженное восстание, которое приняли большевики, вызвал взрыв контрреволюционных выступлений. На Урале контрреволюция также перешла к активным действиям. Горнопромышленники начали поход единым фронтом против рабочих, стремясь лишить их всех завоеванных прав. Был фактически уничтожен рабочий контроль. Заводовладельцы запрещали забастовки, произвольно увеличивали рабочий день, заставляли работать на старом, непроизводительном оборудовании. Грозя закрытием заводов, они шаг за шагом отвоевывали свои утраченные позиции. Так, владельцы Невьянского завода предупредили уже 12 июля: «Если производительность завода не поднимется, то завод закрывается 1 августа»²⁹.

Эти требования заводчиков были явно провокационными, ибо во многих случаях только увеличение продолжительности рабочего дня, интенсификация труда, а не использование техники, позволяли добиваться роста производительности. Газета «Уральская правда» писала, в частности, о положении на Верх-Исетском заводе: «Нужно чудо, чтобы изношенные, расхлябанные машины стали работать, как новые. Специалисты-администраторы говорят, что в заводе в данный момент идеалом прокатки узкой болванки было бы повышение с 2500 до 3000 пудов, а правление требует поднятия до нормы 1915 года — до 6 с лишним тысяч»³⁰.

Острую борьбу контрреволюция развернула и в политической области. Начались провокационные вылазки против большевиков с целью их дискредитации в глазах народа. В Кунгуре было организовано избиение большевистски настроенных рабочих, в Новой Ляле и Камышлове состоялись собрания и митинги, на которых меньшевики и эсеры заявляли, что большевики — предатели, что они «работают на германские деньги», призывали к продолжению войны³¹. Под влиянием этой пропаганды часть неустойчивых членов партии вышла из ее рядов. «Из наших рядов в это время кое-кто вышел...», — писал В. М. Сивлев о Мотовилихинской партийной организации. — Для нашей организации этот период был одним из тягчайших предоктябрьских испытаний»³².

Условия противостояния контрреволюции были для большевиков Урала крайне сложными. Откровенная ложь и провокации, получение информации о петроградских событиях в боль-

²⁸ Там же, с. 429.

²⁹ Уральская правда, 1917, 5 августа.

³⁰ Там же, 3 августа.

³¹ См.: Там же, 1919, 28 июля, 3 августа, 5 августа.

³² Под Красным Знаменем. Пермь, 1957, с. 166.

шинстве из буржуазной прессы заставило партийные организации Урала искать пути непрерывной связи с массами. Она осуществлялась и через проведение митингов и собраний, и через распространение листовок и призывов по текущему моменту.

Екатеринбургский комитет РСДРП(б) сразу после июльского кризиса начал разъяснительную работу на местах. 11 июля состоялась городская конференция РСДРП(б), решения которой стали широко известны на заводах, где также прошли митинги. Рабочие выражали доверие большевикам, как «единственным представителям пролетариата, истинным защитникам его интересов и интересов беднейшего населения»³³.

Уральский комитет РСДРП(б) обратился с воззванием «К членам партии», в котором отмечалось, что «репрессии убивают не партию, а того, кто их употребляет против партии рабочего класса»³⁴, разоблачалась антинародная классовая мораль наемников буржуазии, а также малодушие неустойчивых элементов, предававших интересы народа, испугавшихся репрессий, выражался оптимизм и твердая вера в непобедимость тех моральных принципов, за которые борются пролетариат и большевики.

Разъяснительная работа большевиков в массах ставила цель показать пролетариату, что успехи буржуазии временные, что их позиции неустойчивы, ибо держатся они на лжи, обмане и предательстве меньшевиков и эсеров, захвативших на данном этапе революции власть в Советах. Они доводили до сознания масс одну из важнейших особенностей данной исторической ситуации: В. И. Ленин, предлагая временно снять лозунг «Вся власть Советам!», не исключал их как будущий орган власти народа. Он писал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней... Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов»³⁵.

Понимание пролетариатом политики большевиков и перспектив развития революции давало ему веру и силы для организации и подготовки к новым революционным действиям. Первым проявлением роста морального духа и уверенности в правоте своих действий было усиление рабочего контроля. На Урале летом 1917 г. движение за развитие рабочего контроля над промышленностью развивалось в огромных масштабах, осуществлялось почти повсеместно. Рабочие в борьбе с производственным саботажем действовали организованно и настойчиво.

Так, в Челябинске за сознательный саботаж был отдан под

³³ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции, с. 105.

³⁴ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, с. 247.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 16—17.

суд директор одного из заводов. В Ревдинском округе управление всеми предприятиями взял на себя комитет рабочих и служащих. На Верхне-Туринском заводе рабочие, взявшие в свои руки контроль над производством, потребовали удаления управителя Домрачева, вывели его с завода на тачке и добились не только назначения нового инженера, но и увеличения поставок топлива, достаточных для функционирования завода³⁶.

Политика большевистской партии по размежеванию с меньшевиками нашла живой отклик в тактике уральских партийных организаций летом 1917 г. На заводах и фабриках выступали агитаторы, разоблачая оборонческую, соглашательскую позицию меньшевизма. В результате трудной борьбы, проходившей в условиях жесточайших репрессий, от меньшевиков были очищены крупнейшие организации (Ниже-Тагильская, Ниже-Туринская, Северская, Ново-Лялинская, Шадринская)³⁷.

Уральский пролетариат в своей массе упорно сражался за осуществление стратегических установок партии на подготовку социалистической революции. Конкретные задачи ее и тактику борьбы в связи с изменившейся обстановкой наметил VI съезд РСДРП(б), состоявшийся 26 июля — 3 августа в г. Петрограде. Уральская делегация, прибывшая на съезд, насчитывала 22 делегата. В своем выступлении на съезде Я. М. Свердлов отмечал, что большевики Урала насчитывают в своих рядах около 25 тыс. членов и уступают по численности только Московской и Петроградской организациям³⁸.

В. И. Ленин не присутствовал на съезде по соображениям конспирации. Однако в основу деятельности съезда легли его тезисы «О политическом положении» и работы «К лозунгам», «Уроки революции» и др. Основанные на этих теоретических установках В. И. Ленина решения VI съезда РСДРП(б) отражали особенности экономического и политического положения в стране. Съезд отметил, что страна переживает глубокий экономический кризис, «падает в бездну окончательного экономического распада и гибели», чему усиленно способствует буржуазия, стремящаяся «костлявой рукой голода» задушить революцию. Капиталисты закрывали заводы, десятки тысяч рабочих оставались без средств к существованию. Начался массовый разгул спекуляции. Стране грозило порабощение иностранным капиталом. Спасти положение могло только одно: свержение контрреволюционного правительства меньшевиков, полный разрыв с ними, переход власти в руки народа и осуществление экономической политики в интересах народа.

Орган уральских большевиков газета «Уральская правда» публиковала на своих страницах материалы VI съезда партии,

³⁶ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, с. 243.

³⁷ Там же, с. 250.

³⁸ См.: Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958, с. 36.

в частности, его резолюции и ленинскую статью «К лозунгам». Видные деятели партии выступали на страницах газеты с пропагандой решений съезда. Так, делегат съезда, член Уральского обкома РСДРП(б) С. М. Цвиллинг, разъясняя новые лозунги партии, принятые на вооружение в изменившихся условиях борьбы, писал: «Только новая революция, свергнув военную диктатуру высшего командного состава и крупной буржуазии, способна установить в стране истинное народовластие, диктатуру народного большинства — рабочих и беднейших крестьян. Борьба с властью военной диктатуры! Беспощадная борьба с контрреволюцией! Таковы новые лозунги для партии революционного пролетариата»³⁹.

Лозунги эти отражали сущность пролетарского гуманизма как одной из сторон пролетарской морали. Революционная борьба за интересы трудящегося большинства против эксплуататорского меньшинства, против лжепатриотизма, «оборончества», обмана масс была проявлением истинного гуманизма. Пропаганда революционной морали пролетариата звучала со страниц большевистской печати, авторитет которой в массах был очень прочным. Так, влияние «Уральской правды» на массы было настолько сильно, что один из меньшевистских лидеров на Урале Денисов обращался в ЦИК Советов с просьбой о помощи в борьбе с этим органом большевиков, «так как с ней в Екатеринбурге конкурировать некому, то получаются печальные результаты ее влияния»⁴⁰.

Устная и печатная пропаганда большевиков означала каждодневную, напряженную работу, направленную против словословия, урапатриотизма и оборонческих настроений буржуазии, обвинявшей большевиков в предательстве «интересов нации». Из этой борьбы большевики Урала выходили с честью. Так, на одном из собраний, проходившем на Чусовском заводе, рабочим был предложен военный «заем свободы». Большевики и эсеры пытались представить его как мероприятие, необходимое для спасения «русской нации». Однако рабочие проголосовали против этого предложения, а председатель собрания Логинов заявил: «Мы сами народ, мы сами русская рабочая нация, и то, что предлагают, нам не подходит!»⁴¹.

В период лета — осени 1917 г. значительно окрепли профсоюзные организации Урала. Так, в марте на Урале было 13,9 тыс. членов профсоюзов, а к октябрю — ноябрю уже 152 тыс., что составляло 40 % рабочих и служащих всего края⁴². Рабочих закаляла практика революционной борьбы с саботажем предпринимателей, в ходе которой массы трудящихся все более

³⁹ Рабочая правда, 1917, 13 августа.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 452, л. 32.

⁴¹ Под Красным Знаменем, с. 195.

⁴² См.: Фельдман В. Профсоюзы Урала до Великой Октябрьской социалистической революции (1905—1918 гг.). М., 1957, с. 82.

убеждались в необходимости захвата власти в свои руки. Особенно обострился накал событий после принятия Временным правительством циркуляров, подписанных министром труда меньшевиком Скобелевым, которые сводили на нет рабочий контроль и права фабрично-заводских комитетов, в частности, их вмешательство в прием и увольнение работников объявлялось уголовно наказуемым.

Эта открытая поддержка буржуазии «социалистическим министром» вызвала взрыв возмущения среди рабочих. На заводах Урала прошли массовые митинги и собрания, конференции фабрично-заводских комитетов. Состоявшаяся 17 сентября 1917 г. в г. Перми конференция фабрично-заводских комитетов, представлявшая 26 тыс. рабочих, решительно потребовала отмены циркуляров Скобелева, издания декрета об уголовной ответственности фабрикантов за остановку предприятий. С требованиями незыблемости завоеванных фабрично-заводскими комитетами прав выступили рабочие заводов Надеждинского, Нижне-Тагильского, Нижне-Сергинского, Полевского, предприятий Перми, Челябинска и др. Рабочие Урала не допустили закрытия ни одного крупного завода. При общем упадке производительных сил в регионе сокращение производства было наименьшим там, где рабочее движение было более сильным⁴³.

Тактика и стратегия большевиков в борьбе за революционные преобразования определялись теоретическими положениями ленинского учения о новом типе будущего социалистического государства, изложенными в его сентябрьских письмах в ЦК «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть», а также в его книге «Государство и революция», первое издание которой вышло в свет в августе 1917 г. В этих работах В. И. Ленин развил учение Маркса — Энгельса о восстании, обобщил опыт мирового революционного движения и определил моральные принципы и нормы будущего государства диктатуры пролетариата, которое будет «государством *по-новому* демократическим» (так как демократия здесь должна осуществляться с учетом классовой морали пролетариата, т. е. во имя трудящегося большинства — пролетариев и немущих) и «*по-новому* диктаторским» (так как это будет диктатура против буржуазного эксплуататорского меньшинства)⁴⁴.

Осенью 1917 г. подъем революционного движения на Урале достиг огромных размеров. Стачки носили все более политический характер. За период с июля по октябрь из 164 забастовок, проведенных рабочими, 78 были со смешанными требованиями (в них участвовало свыше 7 тыс. чел.) и 71 — с политическими (с числом участников более 112 тыс. чел., т. е. в 16 раз больше), в остальных — чисто экономических стачках — участвовало

⁴³ См.: История профсоюзов Урала, с. 42.

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 35.

18,7 тыс. рабочих⁴⁵. Это было характерным признаком нарастания политической силы пролетариата, осознания им своей роли гегемона в борьбе за полноправное участие в решении всех государственных вопросов и в экономической, и в политической областях.

Самоотверженная борьба пролетариата срывала планы контрреволюции, которая все более начала понимать, что добиться своих целей она может лишь вооруженным путем. И буржуазия навязала народу гражданскую войну. 25 августа генерал Корнилов с 3-м военным корпусом двинулся на Петроград. Партия разъяснила массам, что Временное правительство — соучастник военно-монархического выступления Корнилова. По призыву большевиков рабочие, сформировавшие буквально молниеносно отряды Красной Гвардии, подавили это антинародное выступление. Корнилов и его сообщники были арестованы.

Известие о корниловских событиях вызвало волну возмущения среди пролетариата Урала. Почти повсеместно прошли митинги и забастовки протеста против предательской политики Временного правительства. Например, рабочие Сысертского завода заявили, что «соглашательская политика с буржуазией наших эсеров и социал-демократов — меньшевиков отогрела гремучую змею в лице буржуазии во главе с Корниловым»⁴⁶.

Разгром корниловщины наглядно показал массам неустойчивость, шаткость моральных принципов буржуазных представителей власти, убедил в том, что только общими усилиями пролетариата и беднейшего крестьянства во всех областях общественной жизни можно добиться победы. Соотношение сил к осени 1917 г. окончательно изменилось в пользу большевиков, происходило быстрое разделение классовых сил. Большевики предстали в глазах народа единственной революционной партией, чья политика, стратегия и тактика были единодушно восприняты народом как надежные, верные, выдержанные в духе пролетарской морали. В практике революционной борьбы массы пришли к единению, к пониманию своих задач и места в революции.

Вызревание в практике революционной борьбы самого пролетариата и привлечение на его сторону миллионов трудящихся масс явилось результатом успешного соединения ленинских идей социалистической революции и каждодневных практических событий, подтверждающих правильность этих идей. В. И. Ленин учил, что влияние пролетариата, его воздействие на другие классы особенно сильно возрастает в революционную эпоху, когда сама жизнь учит массы пониманию исторической ситуации, вос-

⁴⁵ Быстрых Ф. П. Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции на Урале.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 129.

⁴⁶ Уральский рабочий, 1917, 22 сентября.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 308.

приятно истинных революционных идей и выбору правильного направления борьбы, во главе которой стоит признанный всеми классами гегемон.

«Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот...», — писал В. И. Ленин о пролетариате⁴⁷. Однако идея гегемонии пролетариата утверждалась не сама по себе. «Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту гегемонию»⁴⁸, — указывал В. И. Ленин. Осуществляет он свое право на приоритет как класс, идеология и мораль которого служат осуществлению общего блага. Эту направленность своей идеологии он практически проводит в жизнь через свой политический орган — Советы.

На Урале работа Советов значительно оживилась после того, как для сведения масс в газетах «Уральский рабочий» и «Вперед!» была опубликована резолюция «О власти», принятая ЦК партии совместно с представителями большевистской фракции ЦИК и Петроградского Совета⁴⁹. Рабочие Урала горячо поддерживали выдвинутые в резолюции положения о необходимости создания революционной власти, которая немедленно осуществит политику всеобщего демократического мира для всех воюющих государств, отменит без всякого выкупа частную собственность на землю, передав ее крестьянам, осуществит рабочий контроль над производством и распределением, проведет конфискацию военных прибылей.

Марксизм-ленинизм учит, что специфика социальных явлений заключена в общественной деятельности людей, движимой определенной направленностью общественного сознания. Это сознание исторично, определено социальными требованиями эпохи. Научный, марксистско-ленинский подход к анализу исторического своеобразия современности и воспитание масс на конкретных примерах революционной борьбы позволили партии большевиков довести до сознания масс единственно верный критерий оценки окружающей социальной реальности — возможность и умение ее соотнесения с идеей Будущего. При этом формирование классового самосознания трудящихся представало не только как процесс духовный, субъективный, но и как практическое самоопределение индивидуумов и масс, проявляющееся в конкретном выборе той идейной, моральной позиции, которая давала наиболее ощутимые практические итоги классу, совершавшему революцию.

Подготовка революционного вооруженного переворота по захвату власти строилась большевиками именно на почве настоящего воспитания классового самосознания пролетариата.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, 17 сентября; Вперед!, 1917, 7 сентября.

В. И. Ленин в своих знаменитых нелегальных письмах в ЦК, которые очень быстро стали известны в крупнейших партийных организациях, в том числе и на Урале, остро ставил вопрос о немедленной подготовке вооруженного восстания. Он доказал, что восстание это назрело и вопрос заключается только в том, чтобы сделать эту задачу ясной для всей партии и внедрить ее в сознание широких народных масс.

Революционный кризис нарастал. Пролетариат в своей массе все более понимал особенности сложившейся ситуации, осознав себя гегемоном предстоящей революции. Его союз с беднейшим крестьянством обеспечил массовость и всесторонность движения, определил ему роль не только «класса для себя», но и «класса для всех». Борьба за союз пролетариата и крестьянства, за его освобождение от влияния мелкобуржуазной идеологии и морали явилась одним из главных условий победы будущей социалистической революции.

Понимая это, большевики Урала вели неустанную пропагандистскую работу в деревне. Большевистские агитаторы разъясняли крестьянам аграрную политику партии. В результате почти повсеместно крестьяне были единодушны в принятии большевистской программы. «Мы всемерно поддерживаем партию большевиков как до конца революционную партию», — заявило, в частности, крестьянское собрание одного из сел Курганского уезда⁵⁰.

Одним из главных условий победы в будущей революции было также создание вооруженной Красной Гвардии. На Урале эта работа была организована очень серьезно и планомерно. 5 октября 1917 г. на пленарном заседании Екатеринбургского Совета были приняты Положение о Красной Гвардии и ее Устав⁵¹. Повсеместно началось обучение военных дружин, а также развернулась работа среди солдат. Агитационная деятельность в уральских военных гарнизонах дала свои значительные плоды. Солдаты о позиции большевиков заявляли: «Только такое правительство способно дать справедливый мир всему народу и крестьянам землю. Все эти требования мы будем поддерживать вплоть до вооруженного восстания»⁵².

Контрреволюция все более осознавала, что революционное движение на Урале принимает серьезный размах, и тоже наращивала свои силы. В ряде губерний формировались добровольческие контрреволюционные дружины. В Оренбургском крае реакционные круги спланировали вокруг атамана Дутова. Черносотенцы готовились к погромам в крупнейших городах края — Екатеринбурге, Уфе, Перми. Буржуазия стремилась к созданию

⁵⁰ Глебов С. С. Победа Советской власти в Южном Зауралье. Курган, 1961, с. 78.

⁵¹ Зауральский край, 1917, 8 октября.

⁵² Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции, с. 209.

специальных органов — «комитетов по борьбе с анархией», то есть с революционным народом.

Однако осуществить эти меры помешал бурный рост революционного настроения в массах, целенаправленная воспитательная работа большевиков, вооруженных научной ленинской теорией социалистической революции, призывавших к незамедлительной готовности осуществить вооруженное восстание. 15 октября в газете «Уральский рабочий» была опубликована статья В. И. Ленина «Кризис назрел». 17 октября ее напечатала уфимская газета «Вперед!». Ленинская теория социалистической революции доводилась до сознания широких народных масс.

Победа революции в Петрограде, свержение Временного правительства, создание вечером этого же дня — 25 октября — на Втором Всероссийском съезде Советов нового рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным было встречено на Урале с огромным подъемом. На заводах и фабриках прошли многочисленные митинги и собрания, единодушно поддерживающие решение Всероссийского съезда Советов. Так, резолюция митинга Верхне-Туринского завода гласила: «Мы, рабочие, солдаты и крестьяне Верхне-Туринского завода, на многотысячном митинге, организованном в честь перехода власти в руки Советов, приветствуем эту новую, действительно народную власть и заявляем, что мы будем поддерживать эту власть всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, включительно до применения оружия»⁵³.

Решительные действия большевиков, организовавших рабочий класс на борьбу за власть Советов, позволили во многих районах установить Советскую власть мирным путем. В 93 городах и крупных заводских поселках Урала это произошло уже в октябре 1917 г., 64 % общего числа Советов взяли власть в свои руки в первые же дни после октябрьских событий в Петрограде⁵⁴.

Однако борьба еще не была окончена. Эсеры и меньшевики, пользуясь отсутствием достоверной информации из Петрограда, распространяли ложные слухи, что Советское правительство в Петрограде низложено, а войска Дутова скоро будут в Екатеринбурге. Они предложили идею создания так называемого «объединенного революционного комитета народной власти», который был утвержден на пленарном заседании Совета 31 октября⁵⁵. Это было отступлением большевистской фракции. Обстановка в крае сложилась очень неустойчивая. Но одно в деятельности большевиков оставалось неизменным — сохранение и укрепление власти Советов. Последние месяцы 1917 г. на Урале были временем острой идеологической и политической борьбы

⁵³ Уральский рабочий, 1917, 3 ноября.

⁵⁴ Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, с. 437.

⁵⁵ Там же.

за окончательное утверждение и проведение в жизнь политики единовластия Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Принятые II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г. на основе докладов В. И. Ленина Декрет о мире и Декрет о земле явились научной программой практической деятельности партии. Трудящиеся массы повсюду в стране, в том числе и на горнозаводском Урале, получили теоретическое обоснование и практическое напутствие для осуществления своей преобразующей деятельности во всех сферах жизни. Трудящиеся массы вступили в принципиально новый этап проявления и действительного воплощения в реальность принципов пролетарской классовой морали — возможность свободного осуществления воли народа.

Период с марта по октябрь 1917 г. более, чем любой другой в истории развития российских революций, был насыщен самыми разнообразными и противоречивыми событиями, исключительно сложным в идеологическом плане. Каждая из противоборствующих сторон вела сражение за массы, за привлечение их на свою сторону. В этом противостоянии победила наиболее понятная и близкая интересам трудящихся политика большевиков. Борьба потребовала исключительной гибкости, умения учитывать особенности конкретной исторической обстановки, ее научного, теоретического объяснения и обучения масс на примерах революционной практики, на анализе ее опыта. В. И. Ленин писал об этой исключительно трудной задаче: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»⁵⁶.

Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала вступление нашей страны в новую историческую эпоху — период строительства социалистического общества, эпоху утверждения коммунистической морали, истинно гуманистических нравственных принципов. Стремление к этому идеалу было одной из действенных причин победы революции. После Октября 1917 г. пролетариат России стал господствующим классом, а партия большевиков — правящей партией. Их служение интересам классовой морали пролетариата во имя осуществления общественного прогресса на благо всех трудящихся классов явилось залогом всех будущих побед на пути строительства коммунизма.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий сборник подводит итоги работы историков Урала по плановой теме «Рабочий класс Урала в период капитализма (1861—1917 гг.)». Авторы посвящают свои статьи анализу важнейших сторон формирования и развития пролетариата одного из ведущих регионов страны. В исторической последовательности рассмотрены проблемы становления горнозаводского населения, изучен его правовой статус. На примере отдельных заводов исследованы численность и социально-экономическое положение рабочих кадров, в частности молодых.

Многостороннее освещение дано развитию рабочего движения, особенностей его для Урала, мало исследованной ранее форме политической борьбы пролетариата — массовым уличным демонстрациям. Существенно расширены аспекты исследования уровня классового самосознания и особенностей формирования классовой морали уральского пролетариата.

Введен в научный оборот конкретно-исторический материал, наблюдения и выводы, сделанные авторами сборника, принесут несомненную пользу при подготовке первого тома «Истории рабочего класса Урала».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

ЦГАДА СССР — Центральный государственный архив древних актов СССР.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР.

ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

ЦИА БССР — Центральный исторический архив Белорусской ССР.

ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив Украинской ССР.

ГАКО — Государственный архив Кировской области.

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области.

ГАПО — Государственный архив Пермской области.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области.

ГАЧО ЗФ — Государственный архив Челябинской области. Златоустовский филиал.

ЦГА УАССР — Центральный государственный архив Удмуртской АССР.

ПАОО — Партийный архив Оренбургского обкома КПСС.

ПАСО — Партийный архив Свердловского обкома КПСС.

ПАЧО — Партийный архив Челябинского обкома КПСС.

ГММС — Государственный мемориальный музей Я. М. Свердлова.

АВИМАИВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ДП — Департамент полиции.

ОО — Особый отдел Департамента полиции.

МВД — Министерство внутренних дел.

МЮ — Министерство юстиции.

ППС — Польская социалистическая партия.

СДКП и Л — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Д. В. Гаврилов. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861—1900 гг.	5
В. Н. Ашурков. Рабочие Ижевского завода в период коммерческого управления (1864—1883 гг.)	22
Е. Ю. Алферова. Горнозаводское население Урала накануне реформы 1861 г. в исследованиях советских историков	33
Ю. И. Кирьянов. Уличные демонстрации в России в 1895—1900 гг.	45
А. Ю. Друговская. Пропаганда социал-демократами истории русского революционного движения и революционно-демократической литературы среди рабочих Урала (1895—1905 гг.)	63
А. В. Дмитриев. Рабочие-заготовители топлива для горнозаводской промышленности Урала в 1901—1914 гг.	70
Ю. Д. Коробков. Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи Урала в 1910—1914 гг.	83
Л. С. Юдина. Рабочее движение на Урале в годы первой мировой империалистической войны (1914 г.—февраль 1917 г.)	92
В. С. Аллаярова. Классовая мораль в практике революционной борьбы уральского пролетариата (март—октябрь 1917 г.)	105
Заключение	127
Список сокращений	128

РАБОЧИЙ КЛАСС УРАЛА В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА [1861—1917 гг.]

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии
и РИСО УрО АН СССР

Редактор В. С. Аллаярова
Художник М. Н. Гарипов
Технический редактор Н. Р. Рабинович
Корректоры Г. К. Лохнева,
Е. М. Бородулина

Сдано в набор 8.10.87. Подписано в печать 18.10.88.
НС 15183. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 10. Тираж 600. Заказ 469.
Цена 1 р. 50 к.

РИСО УрО АН СССР.
Свердловск, ГСП-169, ул. Первомайская, 91.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.